

КУЗБАССКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

III / 2020

Учёные

записки

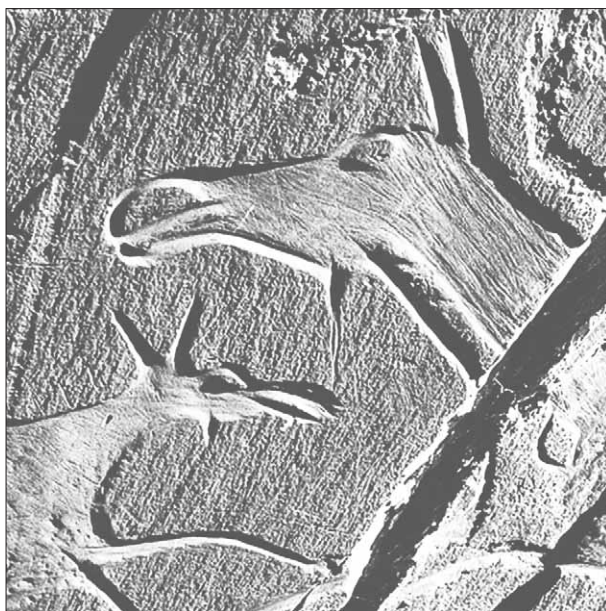
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ТОМСКАЯ

ПИСАНИЦА

КУЗБАССКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Выпуск 11

Кемерово
2020

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры «Кузбасский музей-заповедник
"Томская Писаница"»

650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а

Тел./факс: (3842) 75 86 33,

e-mail: pisanitsa@mail.ru

Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
лаборатории археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН

Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-экс-
позиционного отдела музея-заповедника
«Томская Писаница», науч. сотр. центра па-
леоискусства Института археологии РАН,
Вице-президент Сибирской Ассоциации
исследователей первобытного искусства

Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»

И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская Пи-
саница»

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Периодическое издание, нацеленное
на публикацию актуальных научных ис-
следований в области теории и практики
музееведения, истории, археологии, этно-
логии, культурологии, архивного дела и
краеведения.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).

Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Редакционный совет:

А. М. Стоянов, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства

Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского государ-
ственного университета

А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, ака-
демик РАЕН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»

Д. Г. Савинов, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории Санкт-
Петербургского государственного универ-
ситета, чл.-кор. Германского Археологиче-
ского Института

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования

Баштанник С. В., Горяев В. С., Онищенко С. С., Соколов П. Г. Новые памятники археологии в бассейне реки Ини (Кемеровская область – Кузбасс)	5
Ковтун И. В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы	13
Леонтьев С. Н., Герман П. В. Предметы декоративно-прикладного искусства с памятника Сергушкин 1 (Северное Приангарье)	45
Монгуш К. М., Монгуш М. А. Курганы эпохи енисейских кыргызов могильников Хут и Ак-Хавак в Туве (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1968 года)	55
Плац И. А. Археологические находки на памятниках Сухово I и Люскус III в городе Кемерово	69
Русакова И. Д. Лодки Новоромановской писаницы	76
Солодейников А. К., Ахмедьянов Р. Т., Червяцова О. Я. Игры природы и восприятия. Восточное панно зала рисунков Каповой пещеры	94

Архивные изыскания

Добжанский В. Н. Киргизский поход 1634 года под руководством А. З. Просовецкого	119
---	-----

CONTENTS

Archaeological research

Bashtannik S. V., Goryaev V. S., Onishchenko S. S., Sokolov P. G.

New archaeological sites in the Inya river basin
(Kemerovo Region-Kuzbass) 5

Kovtun I. V.

Chronology of the main panel at the Tutalskaya Pisanitsa site 13

Leontyev S. N., German P. V.

Applied and decorative art objects from the Sergushkin-1 site
(the North Angara region) 45

Mongush K. M., Mongush M. A.

Mounds of the Yenisei Kyrgyz period in the Khut and Ak-Khavak burial grounds in Tuva
(materials from the 1968 excavations under M. Kh. Mannay-ool) 55

Plats I. A.

Archaeological finds at Sukhovo I and Luskus III sites in Kemerovo 69

Rusakova I. D.

The boats of Novoromanovo rock art site 76

Solodeynikov A. K., Akhmedyanov R. T., Chervyatsova O. Ya.

Games of nature and perception.
Eastern panel of the Hall of Drawings in Kapova cave 94

Archival research

Dobzhanskiy V. N.

Kyrgyz campaign of 1634 led by A. Z. Prosovetsky 119

УДК 902/904

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00001

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В БАСЕЙНЕ РЕКИ ИНИ (КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ – КУЗБАСС)

С. В. Баштанник¹, В. С. Горяев², С. С. Онищенко^{1,3}, П. Г. Соколов^{1,3}

¹Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;

²АО «Кемеровский экспериментальный завод средств безопасности»;

³Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области

В статье публикуются результаты полевых археологических работ, проведённых в 2019 г. Представлены результаты археологических разведок в нижнем течении р. Ур и в месте её впадения в р. Иню, в результате которых выявлены и обследованы пять разновременных археологических памятников: поселение Конево 2, поселение Конево 3, поселение Конево 4, поселение Конево 5, поселение Красногорский 1. Дается характеристика стратиграфии, предметного комплекса (керамика, камень) и анатомо-видового состава зооархеологических находок. На основании анализа всей совокупности материалов приводятся предварительные данные о датировке и/или культурной принадлежности исследованных археологических объектов: поселение Конево 2 – ирменская культура, поселение Конево 3 – ранний железный век, поселение Конево 4 – эпоха бронзы, поселение Конево 5 – не определена из-за значительных разрушений и отсутствия датирующих находок, поселение Красногорский 1 – ранняя бронза – средневековье. Новые данные об объектах археологического наследия расширяют представления о специфике локализации памятников археологии в границах Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: памятник археологии, поселение, эпоха ранней бронзы, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, эпоха средневековья, зооархеология

NEW ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE INYA RIVER BASIN (KEMEROVO REGION-KUZBASS)

S. V. Bashtannik¹, V. S. Goryaev², S. S. Onishchenko^{1,3}, P. G. Sokolov^{1,3}

¹Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS;

²Kemerovo Experimental Plant of Security Equipment JSC;

³Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region

The article presents the results of archaeological fieldwork conducted in 2019. The authors discuss the archaeological survey in the lower Ur River and at its confluence with the Inya River which resulted in finding and examining five archaeological sites of various periods: Konevo settlement 2, Konevo settlement 3, Konevo settlement 4, Konevo settlement 5, and Krasnogorsky settlement 1. The paper characterizes stratigraphy, the assemblage of items (pottery, stone objects), as well as anatomical and species composition of zooarchaeological finds. On the basis of analyzing the entire set of materials, the preliminary data on the dating and/or cultural attribution of the examined archaeological objects are summarized: Konevo settlement 2 was attributed to the Irmen Culture, Konevo settlement 3 – to the Early Iron Age, Konevo settlement 4 – to the Bronze Age, Konevo settlement 5 has not been attributed due to significant destruction and lack of dating finds, Krasnogorsky settlement 1 – to the Early Bronze Age–the Middle Ages. The new data on objects of archaeological heritage expand the understanding of the localization peculiarities for archaeological sites in Kuznetsk Basin.

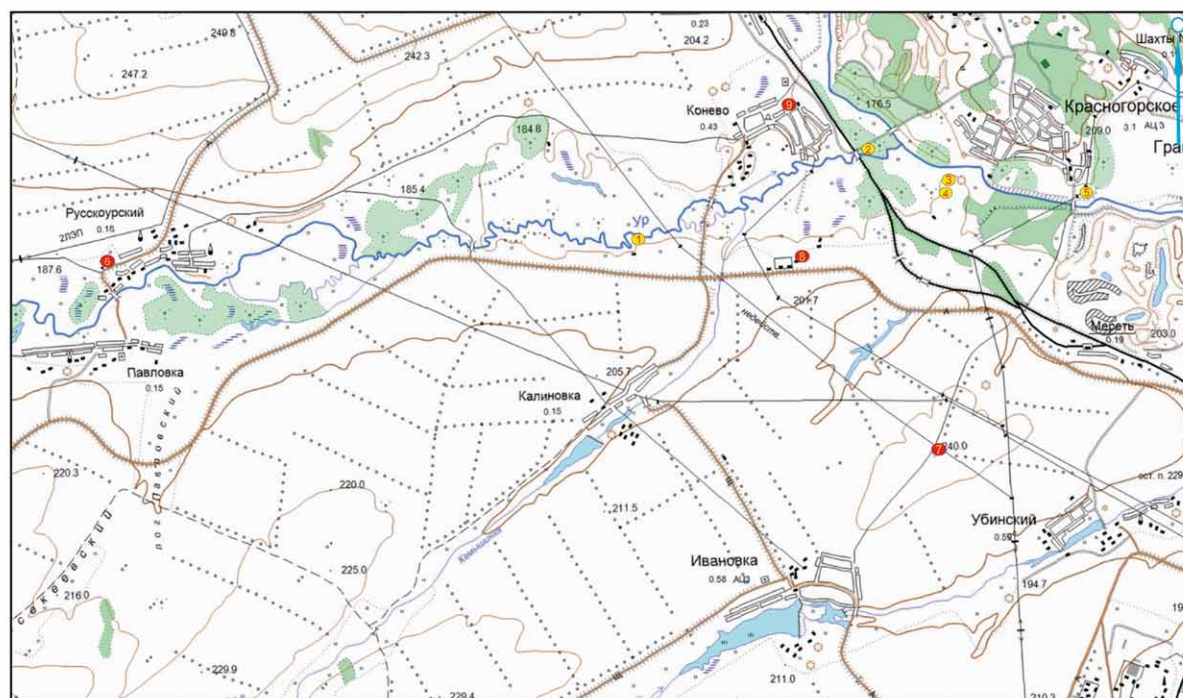
Keywords: archaeological site, settlement, the Early Bronze Age, the Late Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages, zooarchaeology

Основной целью данной публикации является введение в научный оборот сведений об открытых памятниках археологии, расположенных в нижнем течении р. Ур и в месте её впадения в р. Иню (рис. 1). Несмотря на хорошую археологическую изученность данной территории [Илюшин, 2012; 2014; Кулемзин, 1985; Кулемзин, Бородкин, 1989; Ширин, 2004; 2017; и др.], в результате работ, проведённых в полевой сезон 2019 г., были выявлены 4 памятника археологии, а также исследовано шурфовкой ранее известное поселение Конево 2. Описание обследованных памятников даётся по мере их обнаружения.

Поселение Конево 2. Впервые обнаружено Ю. В. Шириним и опубликовано под названием поселение Конево [Ширин, 2017, с. 19]. Памятник расположен в Беловском районе на правом берегу р. Ур, в 1150 м к ЮЗ от автомобильного моста через р. Ур, в 1100 м к СЗ от поворота на с. Конево с автомобильной дороги Кемерово – Белово – Барнаул. Здесь Ю. В. Шириним [Там же] в обнажении берега найдены фраг-

менты керамики ирменской культуры с резным геометрическим орнаментом. Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Ур, плавно понижающийся в сторону береговой линии с севера на юг. Поверхность хорошо задернована, покрыта луговой растительностью и кочкарником. Рядом с южной границей памятника фиксируются задернованные противопожарные рвы. С запада площадка мыса ограничена широким (до 130 м) участком затопляемой поймы; с севера терраса плавно понижается в затопляемую пойму шириной около 30 м; а с востока – образует обрывистый, осыпающийся берег высотой над уровнем уреза воды 3 м.

В 2019 г. на поселении Конево 2 были осмотрены и зачищены участки разрушающейся береговой линии в восточной части памятника. Кроме этого, с целью определения границ и уточнения культурно-хронологической атрибуции заложены три разведочных шурфа. Весь археологический материал был обнаружен в шурфе 1,

1 – поселение Конево 2; 2 – поселение Конево 3; 3 – поселение Конево 4; 4 – поселение Конево 5; 5 – поселение Красногорский 1; 6 – курганный могильник Ишаново; 7 – одиночный курган Ивановка; 8 – курганный могильник Конево; 9 – одиночный курган Конево 1.

Условные обозначения:
 памятники, выявленные и обследованные в 2019 г. памятники, открытые ранее

Рис. 1. Карта-схема расположения выявленных объектов археологического наследия и ранее известных памятников

произведённом в северной части мысообразной террасы.

Стратиграфия:

1 – дёрн до 5 см;

2 – чернозёмный комковатый плотный слой мощностью до 50 см;

3 – переходный плотный слабоструктурированный чернозёмно-суглинистый слой с размытой нижней границей мощностью до 15 см;

4 – плотный жёлтый суглинок, залегающий на глубине от 60 см.

Все находки обнаружены на границе чернозёмного комковатого плотного слоя и переходного слоя с размытой нижней границей. Всего в разведочном шурфе обнаружено 8 фрагментов, по всей видимости, одного керамического сосуда, два из которых с геометрическим резным орнаментом. Фрагмент тулова украшен рядами горизонтальной «ёлочки», разделённой двумя горизонтальными линиями (рис. 2: 1). На фрагменте придонной части сосуда нанесён заштрихованный треугольник, ниже которого расположены ряды из ямок (рис. 2: 2).

Орнаментированная керамика соотносится с ирменской культурой. Относительная немногочисленность керамики, полное отсутствие в трёх шурфах зооархеологических материалов, отсутствие на поверхности поселения визуально фиксируемых остатков жилищ, характерных для ирменских памятников, позволяют предположить, что данное поселение является сезонным.

Поселение Конево 3. Памятник расположен в Беловском районе, на левом берегу р. Ур, в 150 м к СВ от железнодорожного моста. В топографическом плане памятник расположен на пойменной террасе. Высота площадки от линии уреза воды на момент выявления объекта 4–5 м. На данном участке р. Ур делает петлю, образуя тем самым небольшой мысообразный выступ. Южная часть площадки покрыта кустарником. Состояние памятника неудовлетворительное. Часть его поверхности была когда-то нарушена (скрепирована, а местами засыпана гумусным слоем), видимо, при сооружении железнодорож-

ного моста, западная граница памятника интенсивно подмывается р. Ур. На поверхности фиксируется яма, образовавшаяся при заборе грунта на строительные нужды; в юго-западной части на береговой линии находится куча насыпного грунта. С севера к памятнику примыкает грунтовая дорога.

При исследовании поселения заложены три разведочных шурфа и произведены две стратиграфические зачистки, по профилю которых изучена стратиграфия памятника:

1 – дёрн до 5 см;

2 – чернозёмный комковатый плотный с линзами золистой супеси слой мощностью до 80 см;

3 – суглинок тяжёлый пылеватый тугопластичный с включением песка, залегающий на глубине от 85 см.

В ходе раскопок в двух шурфах (№ 1, 2) были выявлены костеносные слои. Наиболее насыщенным зооархеологическими находками был шурф 1, где они залегали в два слоя, разделённые между собой стерильной прослойкой мощностью до 40–50 см. Первый костеносный слой находился на глубине в 30–40 см от дневной поверхности. Здесь в десятисантиметровом слое золистой супеси, перекрытом аллювиальными отложениями, было найдено 95 образцов целых и фрагментированных костей черепа и посткраниального скелета, а также разрозненные зубы. В этой зооархеологической серии определяемыми до вида были 60 экземпляров, которые принадлежали следующим видам животных: бык домашний (*Bos taurus*) – 34 экз., лошадь домашняя (*Equus caballus*) – 10 экз., заяц-беляк (*Lepus timidus*) – 16 экз.

Анализ анатомического состава находок показал, что зооархеологический комплекс образован:

- разноразмерными обломками двух черепов (нижние челюсти, скуловые дуги, фрагменты лобных и верхнечелюстных костей), целой левой лопатки и фрагментами шейки разносторонних лопаток, фрагментами ребра, метакарпалии и метатарзалии, целыми путовой и пяточной костями *Bos taurus*;

Рис. 2. Находки с поселений Конево 2, Конево 3, Конево 4, Конево 5:
1, 2 – Конево 2; 3–5 – Конево 3; 6–16 – Конево 4; 17, 18 – Конево 5

- разрозненными щёчными верхними и нижними зубами (3 экз.), несколькими костями заплюсны и запястья, фрагментами позвонков, рёбер, плечевой и лучевой костями *Equus caballus*;

- целыми и сильно фрагментированными длинными трубчатыми костями конечностей *Lepus timidus*;

- неопределяемыми мелкими фрагментами от диафизов костей конечностей *Bos taurus* или *Equus caballus*.

В возрастном отношении среди определяемых остатков *Bos taurus* были образцы как от молодых (пяточная и плечевая кости), так и от взрослых (зубные кости) животных. В немногочисленной серии остатков *Equus caballus* выявлены фрагменты от разрушенной лучевой кости взрослого животного. Второй костеносный слой располагался на границе чернозёмного комковатого плотного слоя и материкового суглинка, на глубине 80–90 см. Здесь залежали три зуба и 15 фрагментов костей посткраниального скелета *Equus caballus*. Часть из них (молочный верхний премоляр и фрагмент дистального эпифиза плечевой кости), принадлежали молодому животному в возрасте до 2,5 лет.

В шурфе 2, который располагался в 20 м от шурфа 1, на глубине 30–40 см были найдены два небольших (33 мм длиной) фрагмента диафиза лучевой кости крупного копытного. Вероятнее всего, как и в случае с находками в этом же костеносном горизонте шурфа 1, они принадлежали или *Bos taurus*, или *Equus caballus*.

В ходе зачистки стенки обрыва левого берега р. Ур на глубине 45–50 см обнаружены три неорнаментированных фрагмента керамики (рис. 2: 3–5), выполненных техникой кольцевого налёпа, и фрагмент челюсти барана домашнего / овцы (*Ovis aries*) [Баштанник, 2019]. Предварительная датировка объекта по материальному комплексу – ранний железный век.

Поселение Конево 4. Памятник расположен в Беловском районе, на левом берегу р. Ини, в 1200 м к ЮВ от железнодорожного моста через р. Ур на первой надпойменной террасе левого берега р. Иня высотой от 4 до 7 м. Здесь участок впаде-

ния Ура в Иню представляет собой так называемую стрелку с широкой заливной поймой (до 800 м), переходящую в приустьевую мысообразную террасу. Первоначально поверхность террасы – ровная без каких-либо значительных уклонов и перепадов высот, растительность преимущественно луговая. На прилегающей территории расположены берёзовые колки. Некоторые участки поймы заняты кустарниковой растительностью, местами заболочены. Мысообразная терраса отделена от береговой линии рек Ур и Иня достаточно широкой заливной поймой. Относительно правого берега р. Ур ширина поймы достигает 700 м, р. Ини – от 100 до 300 м.

Поселение обнаружено при осмотре нарушений на скрепированной до уровня жёлтого суглинка поверхности при проведении строительных работ. В результате осмотра нарушений при производстве горизонтальной зачистки были зафиксированы 12 «пятен» от хозяйственных сооружений. Также были обнаружены отщеп, галька со следами сколов (желвак?) и кость животного.

С целью определения границы памятника вдоль северного края террасы произведены три шурфа.

Стратиграфия памятника, в целом, представлена следующими слоями:

1 – дёрн мощностью до 10 см;

2 – плотный тёмноокрашенный гумусированный слой с размытой нижней границей, мощностью до 50 см;

3 – плотный жёлтый суглинок, залегающий на глубине от 40 см.

Находки во всех шурфах зафиксированы на «предматериковом» уровне. В шурфе 1 обнаружен отщеп (рис. 2: 6). При выборке шурфа 2 зафиксированы отщепы, ножевидные пластины, орудие, оформленное мелкой ретушью (проколка?), фрагмент керамического сосуда, изготовленного методом кольцевого налёпа, оформленный рядами орнамента, выполненного отступающей палочкой (рис. 2: 7–15). В шурфе 3 найдена ножевидная пластина (рис. 2: 16). Предварительная датировка поселения по материальному комплексу – эпоха бронзы.

При выборке шурфа 1 зафиксированы сильно фрагментированные кости лошади и лося (*Alces alces*), залегавшие на глубине 25–30 см. Фрагменты костей, всего 21 экз., отличаются плохой сохранностью, корродированы, рыхлые, растрескавшиеся. Среди них выявлены обломок верхнего премоляра, фрагмент стенки метатарзалии, повреждённые вторая и третья кости заплюсны *Alces alces*, а также два фрагмента от левой и правой большеберцовых костей взрослой *Equus caballus*. Остальные зооархеологические находки из-за плохой сохранности не поддаются анатомо-видовой идентификации.

Поселение Конево 5. Памятник находится в Беловском районе, на левом бе-

регу р. Ини, в 1,4 км к ЮВ от железнодорожного моста через р. Ур, в 1,9 км к ЮВ от перекрёстка ул. Почтовая и ул. Южная в с. Конево, в 3,3 км к СЗ от железнодорожной станции Мереть. Расположен на той же террасе, что и поселение Конево 4 и отделён от него с севера небольшим естественным логом.

Так же, как и поселение Конево 4, памятник обнаружен при осмотре нарушений на скрепированной до уровня жёлтого суглинка поверхности при проведении строительных работ. С нарушенной поверхности были подняты отщеп и каменное орудие (скребок?) (рис. 2: 17, 18). Дальнейший осмотр площадки позволил зафиксировать на уровне жёлтого суглин-

Рис. 3. Находки с поселения Красногорский 1

ка 12 ям, «читающихся» на его поверхности в виде округлых и овальных пятен, заполненных гумусированной почвой.

Памятник практически уничтожен в результате земляных работ. Гумусированный слой, очевидно содержащий признаки культурного слоя, был скрепирован с поверхности террасы и перемещён на специальный склад хранения плодородного слоя почвы. Культурный слой памятника сохранился только в заполнении ям. Однако, очевидно, что при проведении сплошной зачистки поверхности террасы их количество будет значительно больше. В виду значительных нарушений датировать памятник без выборки ям не представляется возможным. Обнаруженные отщеп и каменное орудие также не позволяют дать предварительную датировку памятнику.

Поселение Красногорский 1. Памятник расположен в Полысаевском городском округе в 165 м к С от р. Иня, на юго-западной окраине п. Красногорский, в 1,6 км к ЮЮЗ от п. Шахта № 5, в 2,5 км к З от п. Грамотеино, в 2,5 км к ССЗ от п. Мереть, в 5,0 км к ВЮВ от с. Конево, в 6,0 км к Ю от г. Полысаево. Поселение находится на правом берегу р. Ини, на восточном и юго-восточном склонах мысовидного выступа надпойменной террасы, который ориентирован по оси север – юг и образован старым руслом р. Ини и широкой заливной поймой р. Мереть. Протяжённость мысовидного выступа по оси С–Ю – 300 м, З–В – 500 м. Западный склон террасы, окаймлённый старым руслом р. Ини, крутой и обрывистый. Восточный склон выположен. Поверхность мысовидного выступа пологая.

Археологические предметы на поселении обнаружены как при сборе подъёмного материала, так и в разведочных шурфах.

В трёх пунктах сбора подъёмного материала (на двух участках грунтовой дороги и на пашне под посадку картофеля) обнаружены многочисленные артефакты. В пункте 1 собраны 5 фрагментов керамической посуды, в том числе фрагмент донца. Керамика толстостенная, ручной лепки, выполнена методом кольцевого налёпа, серого цвета. В пункте 2 собрано шесть

фрагментов толстостенной керамики, выполненной ручной лепкой, чёрного, серого и коричневого цветов, а также фрагмент длинной кости животного со следами подработки. При осмотре участка, расположенного на восточном склоне террасы и вспаханного под посадку картофеля, на поверхности обнаружено сломанное каменное изделие (рис. 3: 4).

Полученные при шурфовке материалы залежали на глубине 12–60 см от дневной поверхности. В шурфах обнаружены многочисленные фрагменты керамических сосудов, кости животных.

Обнаруженные на поселении Красногорский 1 находки относятся к периодам ранней и поздней бронзы, эпохе железа и XIX–XX вв. н.э. Наиболее ранние артефакты, предположительно, относящиеся к эпохе ранней бронзы, представлены фрагментами грубой толстостенной керамики, в том числе орнаментированной прочерченными линиями, обломком каменного топора, отщепами (рис. 3: 1–4). К эпохе поздней бронзы отнесены неорнаментированные фрагменты сосудов, выполненные из хорошо вымешанного теста техникой кольцевого налёпа, имеющие залощённую внешнюю поверхность. Чёрная станковая керамика соотносится с эпохой железа или средневековья (рис. 3: 5–7). Многочисленные остатки жизнедеятельности русского поселения – фрагменты толстостенной коричневой станковой керамики, в том числе глазурованной, обломки стеклянных и фарфоровых изделий, многочисленные кости домашних животных – составляют последнюю группу артефактов.

Полученный материал равномерно располагался по всей площади поселения и залегал на глубине от 12 до 41 см от уровня дневной поверхности. Стратиграфически не дифференцируется. Мощность культурного слоя колеблется и составляет от 20–40 см в южной и центральной части поселения до 140 см в его северной части.

Стратиграфия памятника в целом представлена следующими слоями:

- пахотный слой глубиной до 35 см;
- тёмно-серая плотная супесь мощностью 20–30 см;

- рыжая прокалённая супесь с вкраплением углей мощностью до 20 см;
- коричневатая плотная супесь мощностью до 30 см;
- жёлтый материковый суглинок мощностью 30 см.

В стратиграфии стенок шурфов прослеживаются следы пожара, вероятно, уничтожившего строения на этой окраине посёлка. Однако, с известной долей вероятности, пожар мог затронуть и поселение эпохи железа, поскольку в одном из шурфов обгоревшие деревянные конструкции залегали на глубине более метра.

Границы памятника установлены по результатам визуального осмотра особенностей микрорельефа и шурфовки восточного склона мысовидного выступа надпойменной террасы. Протяженность памятника по линии ЮЗ–СВ составляет 257 м,

максимальная ширина по линии ЮВ–СЗ – 83 м, площадь составляет 23220 кв. м. Восточная и южная границы выражены в рельефе понижением склона мысовидного выступа. Северная граница связана с выполаживанием восточного склона. Западная граница проходит по середине мысовидного выступа и расположена в 50 м к востоку от грунтовой дороги п. Красногорский – р. Иня.

Таким образом, в результате полевых археологических работ 2019 г. в достаточно хорошо изученной в археологическом отношении местности были выявлены ранее неизвестные объекты археологического наследия, что подтверждает высокий историко-культурный потенциал данной территории и делает целесообразным продолжение систематических работ по выявлению памятников в бассейне р. Ини.

Источники

Баштанник С. В. Отчётная документация, содержащая результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных и строительных работ, для разработки проектной документации по титулам «Строительство ЛЭП 110 кВ от ОРУ Беловской ГРЭС до ПС 110 кВ Угольная (I цепь)» и «Строительство ЛЭП 110 кВ от ОРУ Беловской ГРЭС до ПС 110 кВ Угольная (II цепь)» в Беловском муниципальном районе и Полысаевском городском округе Кемеровской области. Кемерово, 2019. 286 с. 269 рис. // Личный архив С. В. Баштанника.

Литература

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. Т. 4. 188 с.

Илюшин А. М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. Т. 8. 216 с.

Кулемзин А. М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КемГУ, 1985. Вып. 13. С.105–112.

Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.

Ширин Ю. В. Древности Беловского района: историко-культурный потенциал, проблемы использования и охраны // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Кемерово: Институт угля и углехимии СО РАН, Кемеровский государственный университет, Кузбасский ботанический сад ЦСБС СО РАН, Российская академия естественных наук, 2004. Т. 1. С. 374–385.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок в бассейне р. Ини // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: ООО «Лотус-Пресс», 2017. Вып. 7. С. 4–42.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00002

ХРОНОЛОГИЯ ГЛАВНОЙ ПЛОСКОСТИ ТУТАЛЬСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И. В. Ковтун

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

Статья посвящена обоснованию абсолютной хронологии основной плоскости Тутальской писаницы. Проведены иконографические и стилистические параллели с изображениями окуневской и крохалёвской культур Среднего Енисея и Новосибирского Приобья. Сопоставлены радиоуглеродные даты окуневских древностей и крохалёвских комплексов Нижнего Притомья. Выделены наиболее близкие изображениям тутальских лосих окуневские параллели из датированных комплексов. На основании иконографического соответствия между лосиными образами главной плоскости Тутальской писаницы и хищника из Черновой VIII установлено особое мифологическое содержание изображений крашенных и выбитых лосих. Хронологический диапазон наскальных изображений главной плоскости тутальского комплекса и прочих петроглифов крохалёвского времени на Томи определён последними веками III – первой четвертью (или третьей?) II тыс. до н.э.

Ключевые слова: петроглифы, радиоуглеродная датировка, окуневская культура, крохалёвская культура, Нижнее Притомье

CHRONOLOGY OF THE MAIN PANEL AT THE TUTALSKAYA PISANITSA SITE

I. V. Kovtun

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The article focuses on absolute dating of panel 1 at the Tutalskaya Pisanitsa (rock art site). The author draws iconographic and stylistic parallels with the Okunev and Krokhavevo culture imagery from the Middle Yenisei and Novosibirsk area of the Ob River region. Radiocarbon dates of Okunev findings and Krokhavevo assemblages of the low Tom River area are compared. The study identifies closest Okunev similarities to the Tutalskaya images of female elks. Based on iconographic correspondence between elk images on the Tutalskaya main panel and the predator from Chernovaya VIII, the author defines specific mythological meaning of painted and carved elks in the Tutalskaya Pisanitsa. Chronological range of the rock images on the main panel of Tutalskaya complex and other petroglyphs of Krokhavevo period in the Tom River region is determined to be the late centuries of the 3rd millennium – the first quarter (or third?) of the 2nd millennium BC.

Keywords: petroglyphs, radio-carbon dating, the Okunev culture, the Krokhavevo culture, the lower Tom River region

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 p_a

«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»

Введение

На Тутальской писанице представлены стилистически различные петроглифы с несопоставимыми иконографическими и композиционными особенностями рисунков на каждой из плоскостей. Например, здесь присутствуют изображения, выполненные в «ангарском» и варчинском стилях. Известны одиночные образы и груп-

повые сцены, мифологические и вполне реальные персонажи, а равно их композиционные сочетания. Но своей узнаваемостью тутальский комплекс обязан рисункам главной плоскости, выполненным в оригинальной манере, не имеющей прямых аналогий на петроглифических памятниках Северо-Западной и Центральной Азии. Необычные конфигурации этих

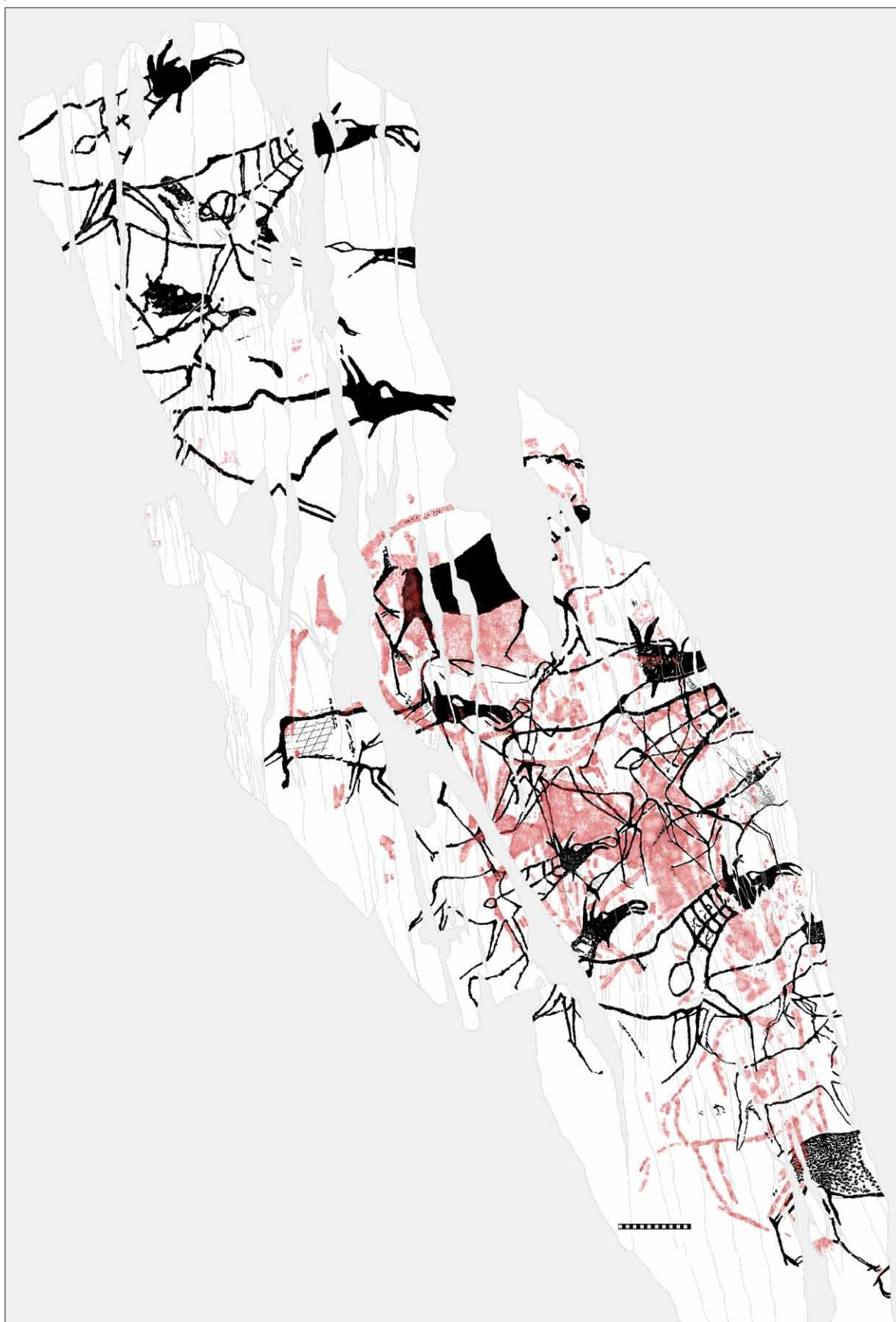

Рис. 1. Тутальская писаница, плоскость 1. Прорисовка И.Д. Русаковой (по: [Ковтун, Русакова, 2019])

наскальных изображений уже отмечались в качестве их стилистически значимого критерия и хронологического индикатора. Характерные «клювовидные» морды тутальских лосих позволили обособить данные петроглифы как стилистически локальную группу в составе «ангарской» изобразительной традиции [Ковтун, 1993, с. 47, и др.; Ковтун, 2001, с. 52, 53] (рис. 1).

Зауженные крупы, вытянутые, утончённые шеи и удлинённые грацильные, а зачастую упомянутые «клювовидные» морды тутальских лосих напоминают «лета-

щих» оленей на оленных камнях монголо-забайкальского типа (рис. 2). По указанным признакам тутальские петроглифы представляются стилистическим прообразом и одним из семантических «протографов» монголо-забайкальского изобразительного канона, а равно иных изображений «летающих» оленей эпохи палеометалла.

1. Нижнетомские петроглифы и крохалёвские древности

Самостоятельная линия параллелей связана с декорированием передней части корпуса тутальских лосих орнаменталь-

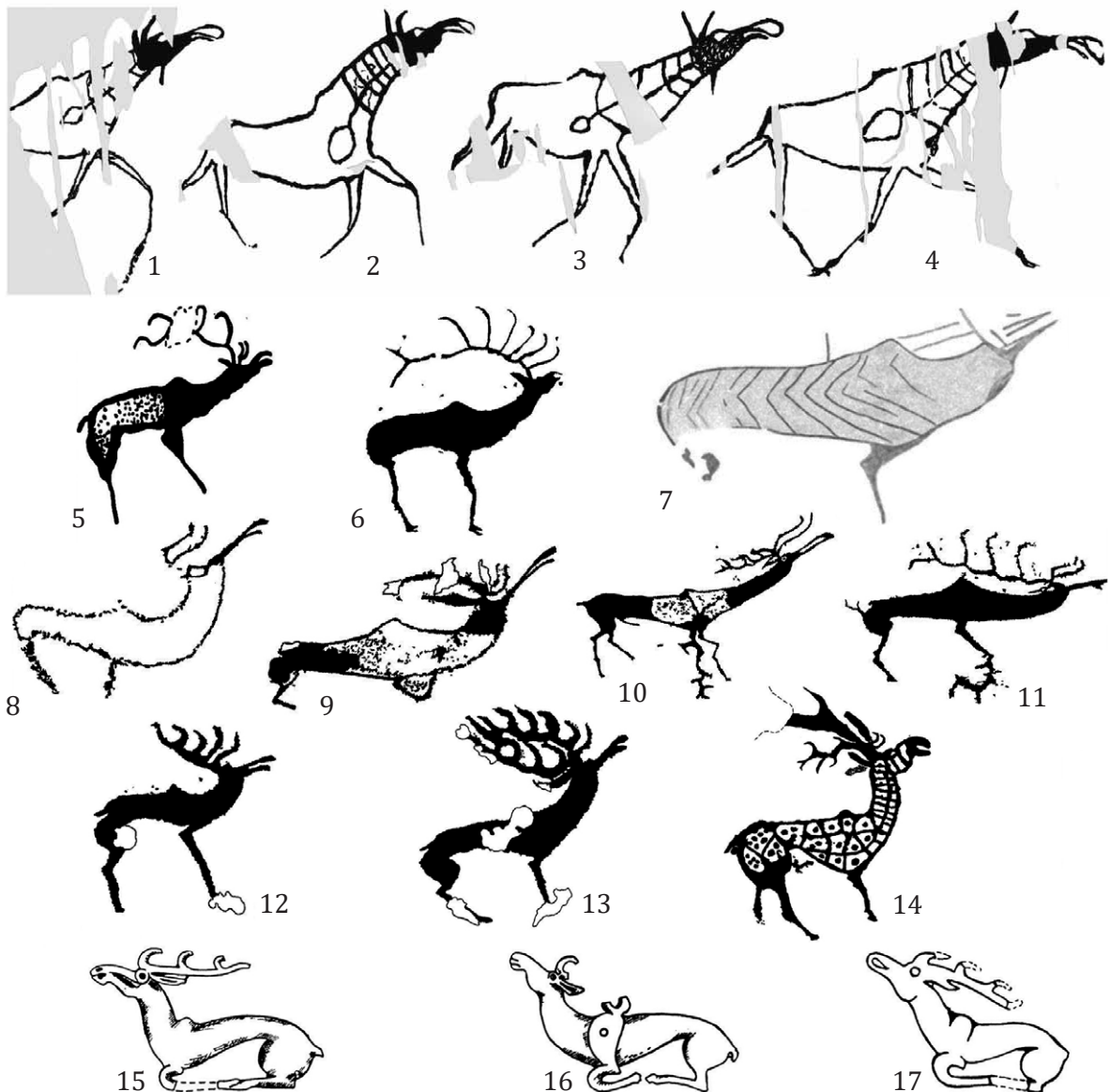

Рис. 2. Хронологически поздние иконографические параллели тутальским лосихам: 1–4 – Тутальская писаница; 5 – Алды-Мозага; 6 – Хар-Салаа II; 7 – Уркош XV; 8, 9, 12, 13 – Хар-Салаа VI; 10 – Цагаан-Гол (правый берег); 11 – Хар-Салаа III; 14 – Шивээт-Хайрхан; 15–17 – Тисуль. (По М. А. Дэвлет, В. Д. Кубареву, А. И. Мартынову, А. Н. Мухаревой, И. Д. Русаковой, А. А. Тишкину)

ными композициями, олицетворявшими рёбра и внутренние органы зверя: «сердце с аортой» или «желудок с пищеводом» (рис. 3).

Наряду с другими «протокулайскими» чертами такие орнаментальные символы неоднократно сравнивались с кулайской металлопластикой [Чернецов, 1971, с. 105;

Ковтун, 1993, с. 48, рис. 49, 13, 14; Мартынов, Ломтева, 1993, с. 195–201; Ковтун, 2014, с. 83, табл. 30; Ковтун, 2019, с. 169–171] (рис. 4). Помимо этого, подобная орнаментация аналогична декору лося и лосихи на сосуде с Кижировского городища [Ковтун, 2014, с. 82, табл. 29; Ковтун 2019, с. 172, табл. 81] (рис. 5).

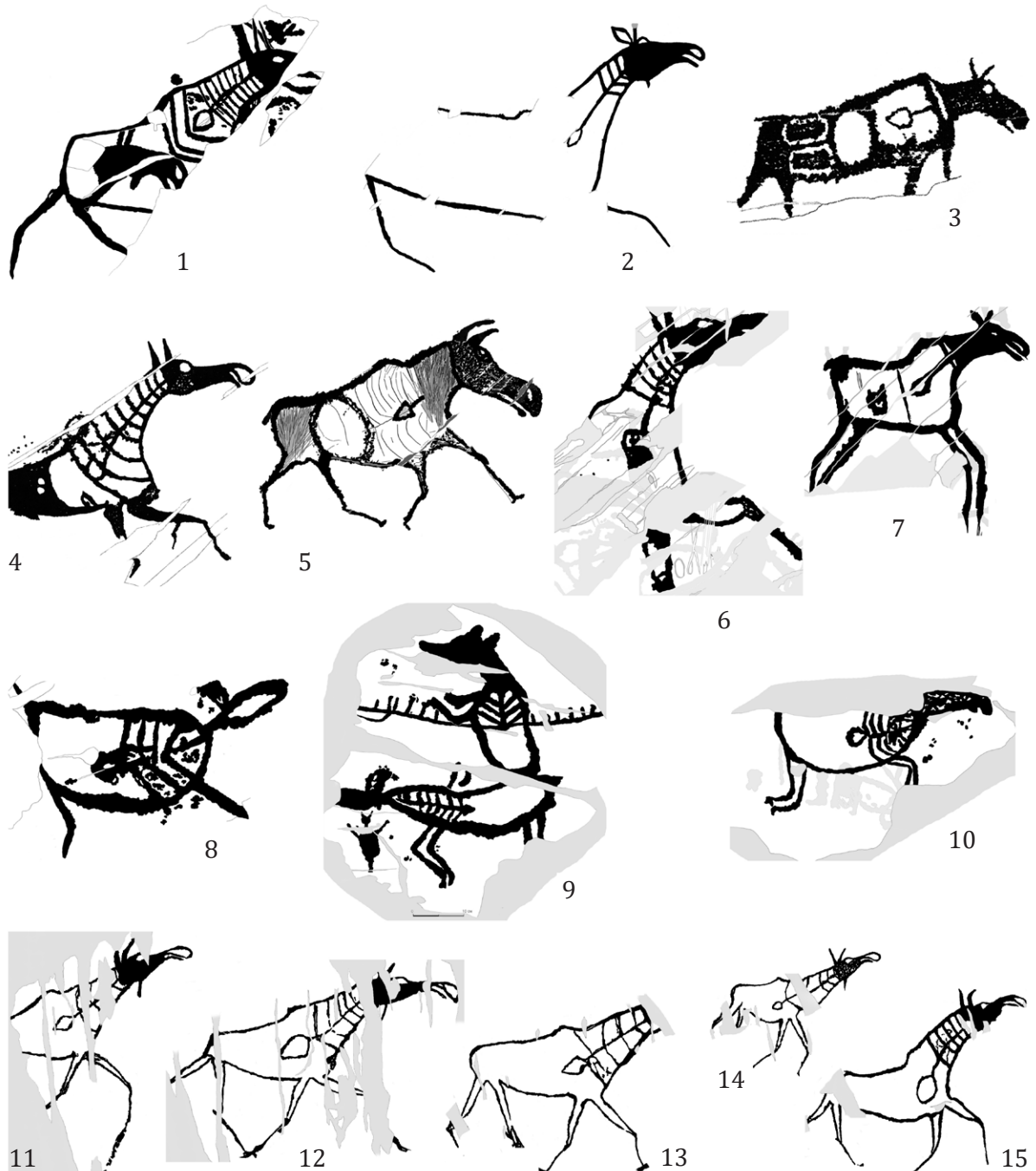

Рис. 3. Лосиные образы нижнетомских писаниц со знаковой орнаментацией корпуса: 1–7 – Томская писаница; 8–10 – Новоромановская писаница; 11–15 – Тутальская писаница. 1, 2, 6–15 – прорисовки И. Д. Русаковой; 3–5 – прорисовки Е. А. Миклашевич

Рис. 4. Хронологически поздние параллели орнаментации «сердце с аортой»: 1 – Саровское культовое место; 2 – Кривошеинское культовое место. Фото автора

Сходство данных орнаментальных композиций с декором лосих с главной плоскости Тутальской писаницы сомнений не вызывает. На Томской и Новоромановской писаницах также зафиксированы изображения лосей с подобными орнаментальными построениями (рис. 3). Но это стилистически различные петроглифы, в основном, либо поздних вариаций «ангарского» стиля, либо сопоставимые с «кулайскими» и предварчинскими конфигурациями рисунков тепсейской группы и их горно-

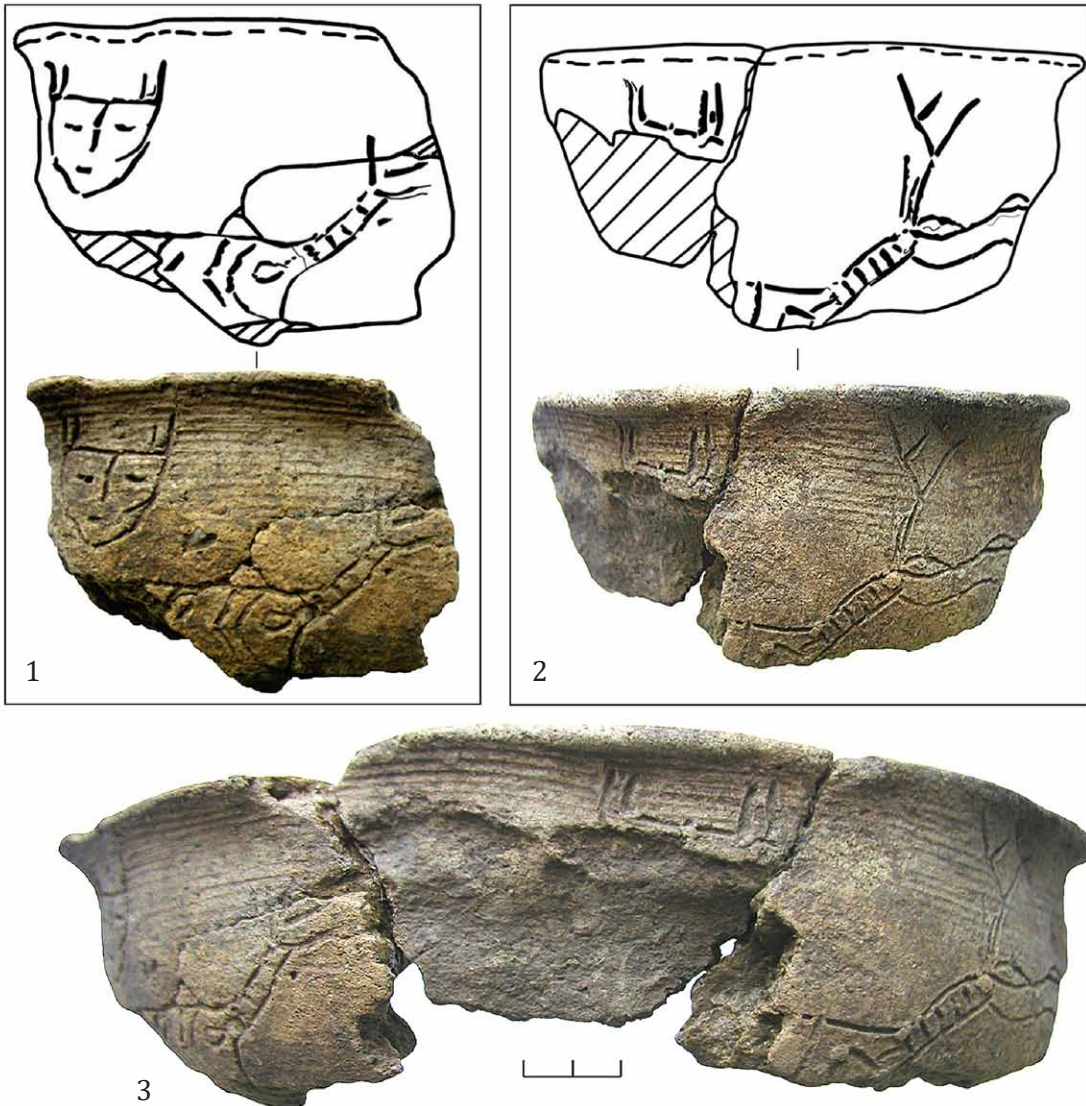
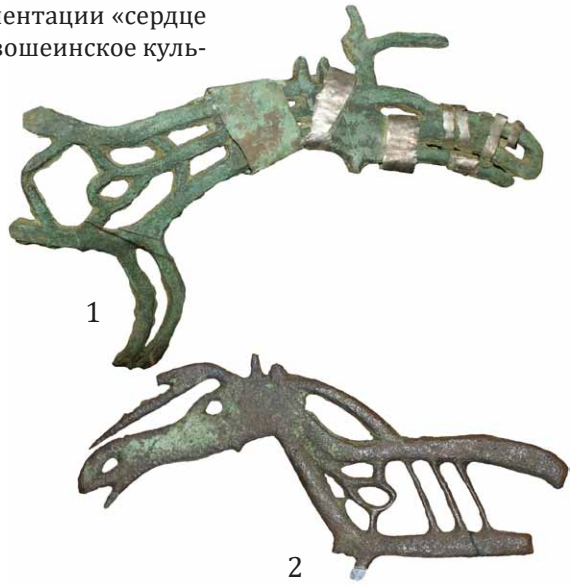

Рис. 5. Хронологически поздние параллели орнаментации «сердце с аортой»: 1–3 – Городище Кижирова. Фото и прорисовки Л. В. Панкратовой и Л. М. Плетнёвой

алтайских, тувинских, восточно-казахстанских и нижнетомских параллелей [Ковтун, 2001, с. 62–67, табл. 44]. Поэтому орнамент данных изображений, а равно кулайские и кижировские орнаментальные композиции подобного облика, восходят к хронологически предшествующим тутальским прототипам.

Но, как выясняется, не только к ним. В 2017 г. в центре г. Новосибирска на правом берегу Оби, недалеко от устья р. Ини, на поселении Турист-2 был исследован грунтовый могильник эпохи развитой бронзы. В ряде захоронений этого уникального памятника найдена керамика крохалёвского и кротовского облика. Там же обнаружили произведения изобразительного искусства [Басова и др., 2017, с. 509–512; Басова, 2018, с. 209–213; Заика, Басова, Постнов, 2019, с. 123–130; Басова и др., 2019, с. 53–65], значение которых невозможно переоценить. Здесь же была

найдена и фигурка лося из сланца [Басова и др., 2017, с. 512; 2019, с. 59, 60, рис. 8], напоминающая архитектонику и стилистику удлинённо-грацильных конфигураций тутальских лосих (рис. 6). Авторы публикации описывают данные черты следующим образом: «Туловище удлинённое по отношению к конечностям, что, по всей видимости, обусловлено размерами, формой и материалом заготовки. Косые и вертикальные резные линии на нём могли обозначать как шерсть животного, так и условные рёбра («скелетный» стиль). В пользу последней версии говорят длина нарезов, их общая направленность к продольной линии, делящей туловище пополам, само её наличие» [Басова и др., 2019, с. 59].

Таким образом, на лосиной фигурке из Туриста-2 в двустороннем исполнении схематично повторяется и общий принцип тутальской поперечно-продольной орнаментации (рис. 6). Это изображение не

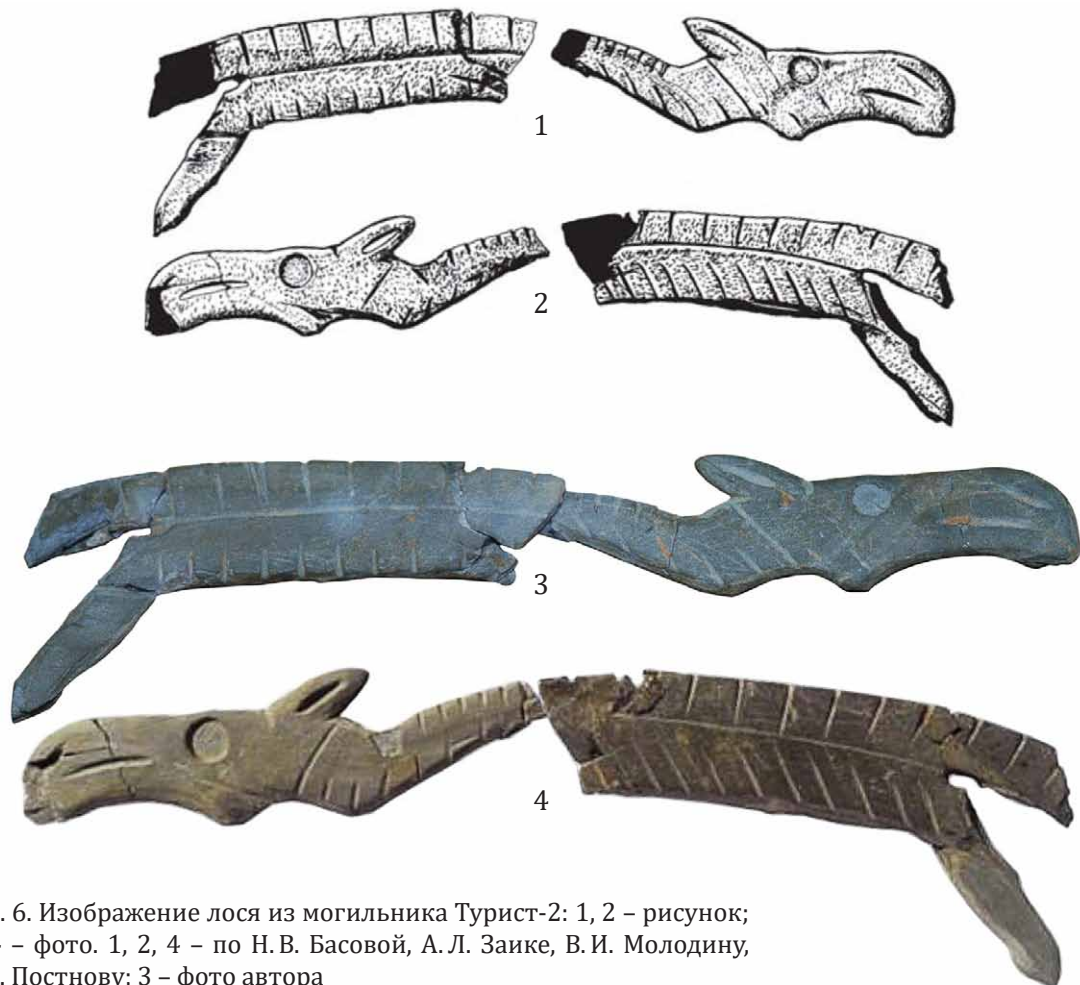

Рис. 6. Изображение лося из могильника Турист-2: 1, 2 – рисунок; 3, 4 – фото. 1, 2, 4 – по Н. В. Басовой, А. Л. Заике, В. И. Молодину, А. В. Постнову; 3 – фото автора

является прямой аналогией лосиных образов с главной плоскости Тутальской писаницы. Но в нём сочетаются два ключевых иконографических приёма, использовавшиеся для передачи тутальского канона: удлинённая, поднятая вверх шея и грацильный зауженный круп животного. Несколько удлинённой представляется и голова лося из Туриста-2, хотя она, безусловно, отличается от гипертрофированно-утопчённых и удлинённо-изогнутых голов и морд тутальских лосих.

Ключевым дополнением в этом сравнении представляются изображения лосей окуневской культуры. Они принадлежат, как минимум, к трём видам изобразительного искусства. В большинстве своём это наскальные рисунки либо изображения на

каменных изваяниях и стелах (рис. 7). Известны одна скульптурная композиция и изображение головы лося из кости. Эти произведения мелкой пластики найдены в могильниках Стрелка и Итколь II (рис. 8). Наконец, ещё одно изображение на изваянии кургана у пос. Ербинский представляется пусть и стилизованной, но уникальной монументальной скульптурой головы лося (рис. 7: 5). На первый взгляд все вышперечисленные изображения разноплановы и стилистически неоднородны. Но одновременно окуневские лоси обнаруживают ряд общих иконографических особенностей, связующих данные изображения. При этом большей части лосиных образов окуневской культуры присуще эпохальное единство стиля с лосихами глав-

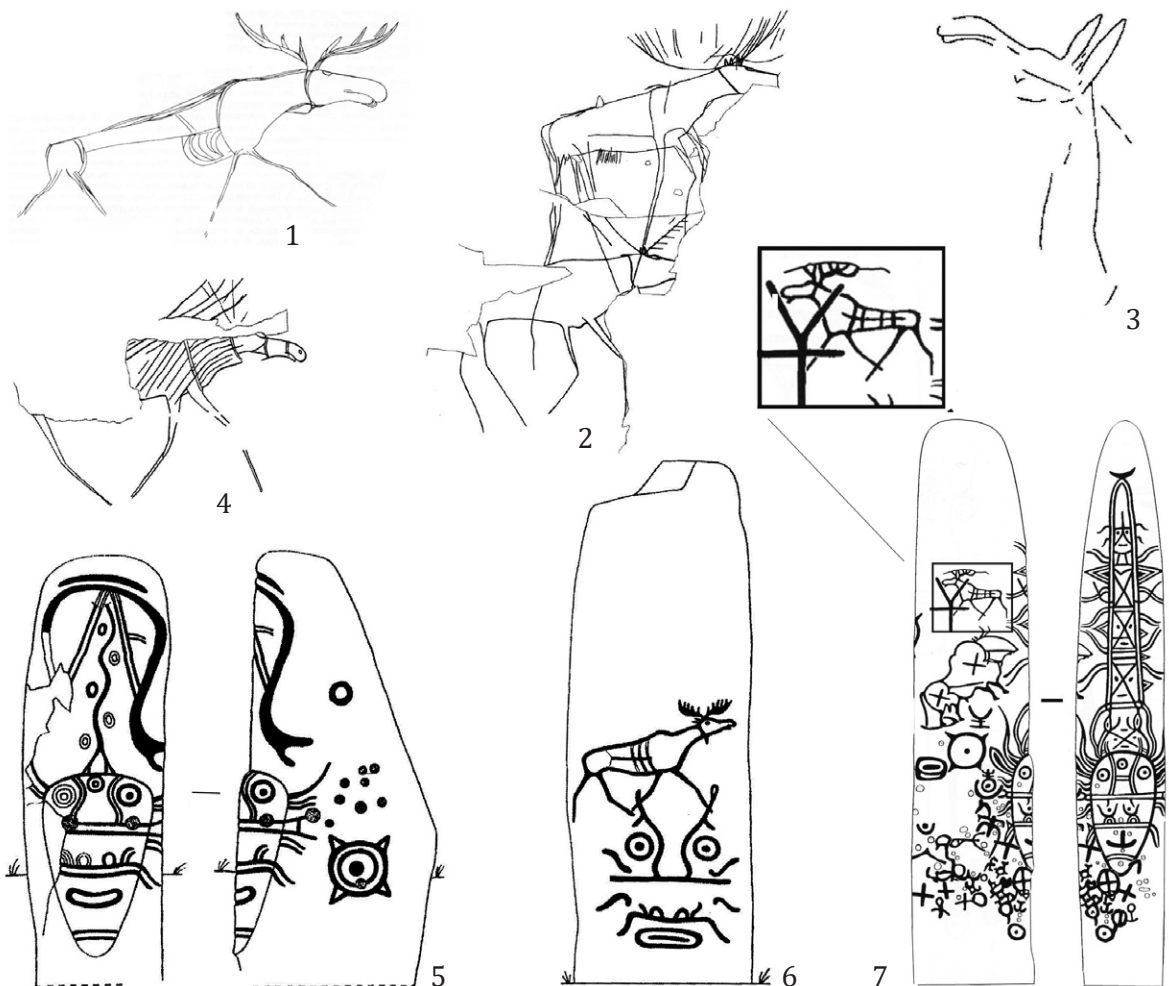

Рис. 7. Изображения лосиных персонажей окуневской культуры: 1 – Верхний Аскиз I, курган 1, могила 9; 2 – Сульфатская; 3 – Черновая XI, могила 3; 4 – Озёрная; 5 – изваяние у пос. Ербинский; 6 – стела чаатаса у улуса Сартыгой; 7 – менгир со Среднего Енисея. (По Ю. Н. Есину, В. Ф. Капелько, А. А. Ковалёву, Н. В. и С. Н. Леонтьевым)

ной плоскости Тутальской писаницы и фигуркой лося из Туриста-2. Большинство окуневских лосей отличается удлиненно-грацильный корпус с зауженным крупом (рис. 7: 1, 2, 6, 7), иногда вытянутая и приподнятая шея (рис. 7: 1–3, 6, 7; 8: 2), а в ряде случаев – грацильная, гипертрофированно-вытянутая и изогнутая морда (рис. 7: 3, 4; 8: 2). Помимо этого, грацильные конечности окуневских лосей напоминают аналогично выполненные детали тутальских изображений (рис. 7: 1, 2, 4, 6, 7).

Перечисленное удостоверяет сопоставимость эпохальной иконографии крохалёвской фигурки лося из Туриста-2, петроглифов главной плоскости Тутальской писаницы и большинства рисунков лосей окуневской культуры. Вне зависимости от способа воплощения данные изображения объединяют схожая архитектура образов и общность стиля эпохи, выразившиеся в сочетании перечисленных инвариантных признаков.

До недавнего времени оставалась неразрешённой проблема археологического облика – культурной принадлежности носителей указанной изобразительной традиции в Нижнетомском очаге наскального искусства. Эпоха доандроновской развитой бронзы в Нижнетомском очаге наскального искусства представлена самусьской и крохалёвской культурами, а также, вероятно, частью гребенчато-ямочной керамики. Крохалёвские древности Нижнего Притомья открыты автором и В. С. Горяевым в 1990 г. Они были обнаружены непосредственно над Новоромановской писаницей на стоянке Долгая I. На противоположном берегу р. Долгой, также в устье этого притока Томи, тогда же была найдена стоянка Долгая II [Ковтун, 1993, с. 63, рис. 2; рис. 54, 4]. Последующие раскопки выявили керамический и металлургический комплексы крохалёвской культуры как на Долгой I, так и на местонахождении Долгая II [Марочкин, 2009, с. 89, 90, рис. 2, 17, 18; Бобров, Ковтун, Марочкин, 2009, с. 215, 216; Бобров, Марочкин, 2010, с. 150–153; Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 85–87; Марочкин, 2011, с. 124–127; Ковтун, Марочкин, 2011, с. 74; и др.].

Другой крохалёвский памятник, обнаруженный нами в 1990 г., получил наименование «поселение Верхняя Санюшка» [Ковтун, 1993, с. 63, рис. 2] (рис. 9). Спустя полтора десятилетия данное поселение было повторно «переоткрыто» П. В. Германом, скорее всего, по материалам разведки 1990 г. из фондов музея-заповедника «Томская Писаница» или по опубликованной карте памятников [Ковтун, 1993, с. 63, рис. 2]. Как утверждается, «вследствие досадной случайности» поселение Верхняя Санюшка переименовано сотрудником музея-заповедника П. В. Германом в Ивановку-1 [Марочкин, Конончук, Юракова, 2013, с. 146]. В другой коллективной статье при забвении соавтора находки В. С. Горяева установлено, что: «Впервые памятник обнаружен И. В. Ковтуном в 1990 г. (как поселение ранней бронзы Верхняя Санюшка) и вторично зафиксирован П. В. Германом в 2005 г. (как поселение ранней бронзы Ивановка-1)» [Бобров и др., 2013, с. 175].

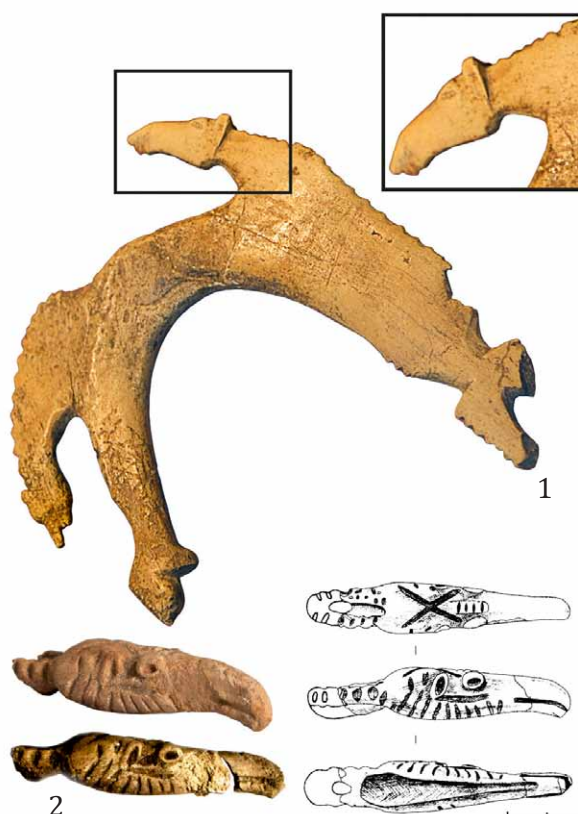

Рис. 8. Изображения лосиных персонажей окуневской культуры: 1 – Стрелка (фото автора); 2 – Итколь II. (По Ю. Н. Есину, И. П. Лазаретову, А. В. Полякову)

Разумеется, также «вследствие досадной случайности» памятник «после повторного обследования П. В. Германом в 2005 г. был поставлен на охранный учёт под названием “Поселение Ивановка-1”» [Марочкин и др., 2018, с. 6] от имени «первооткрывателя» и как поселение не эпохи ранней, а поздней бронзы (рис. 10).

Рядом с этим разнокультурным комплексом, удостоверившим крохалёвское производство втульчатых бронз, обнаружены местонахождения Ивановка-2 и Синеречка-1, также содержащие крохалёвские древности [Марочкин, Конончук, Юракова, 2013, с. 146–151, рис. 3; Бобров и др., 2014, с. 108–111; Марочкин и др., 2013, с. 146–152; 2014, с. 130–132, рис. 3; Бобров, Марочкин, 2016, с. 108–110, рис. 1; 2, 2–17; Марочкин и др., 2018, с. 6–14] (рис. 11).

Небезынтересно, что три последних памятника расположены приблизительно в 3 км прямой видимости от Томской писаницы. Но никаких предметов изобразительного искусства указанные крохалёвские комплексы не содержат. Поэтому возможность их соотнесения с серией изображений из Туриста-2 появилась только

после культурной идентификации найденной здесь крохалёвской керамики: «Орнаментальные композиции керамической коллекции (ложнотекстильная плоскодонная посуда, обнаруженная в могилах, сопоставимая с керамикой крохалёвского облика), погребальный инвентарь, обряд захоронения приводят к заключению, что

Рис. 9. Находки керамики крохалёвской культуры с пос. Верхняя Санюшка I в 1991 г. (По В. Горяеву и И. В. Ковтуну)

Рис. 10. Учётная карточка поселения Верхняя Санюшка I, переименованного «первооткрывателем» в Ивановку 1

могильник в значительной степени принадлежал носителям крохалёвской археологической культуры» [Басова и др., 2019, с. 54]. Таким образом, предполагавшаяся связь крохалёвских комплексов Нижнего

Притомья с некоторыми древнейшими наскальными изображениями Нижнетомского очага наскального искусства [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 92] обрела реальные очертания.

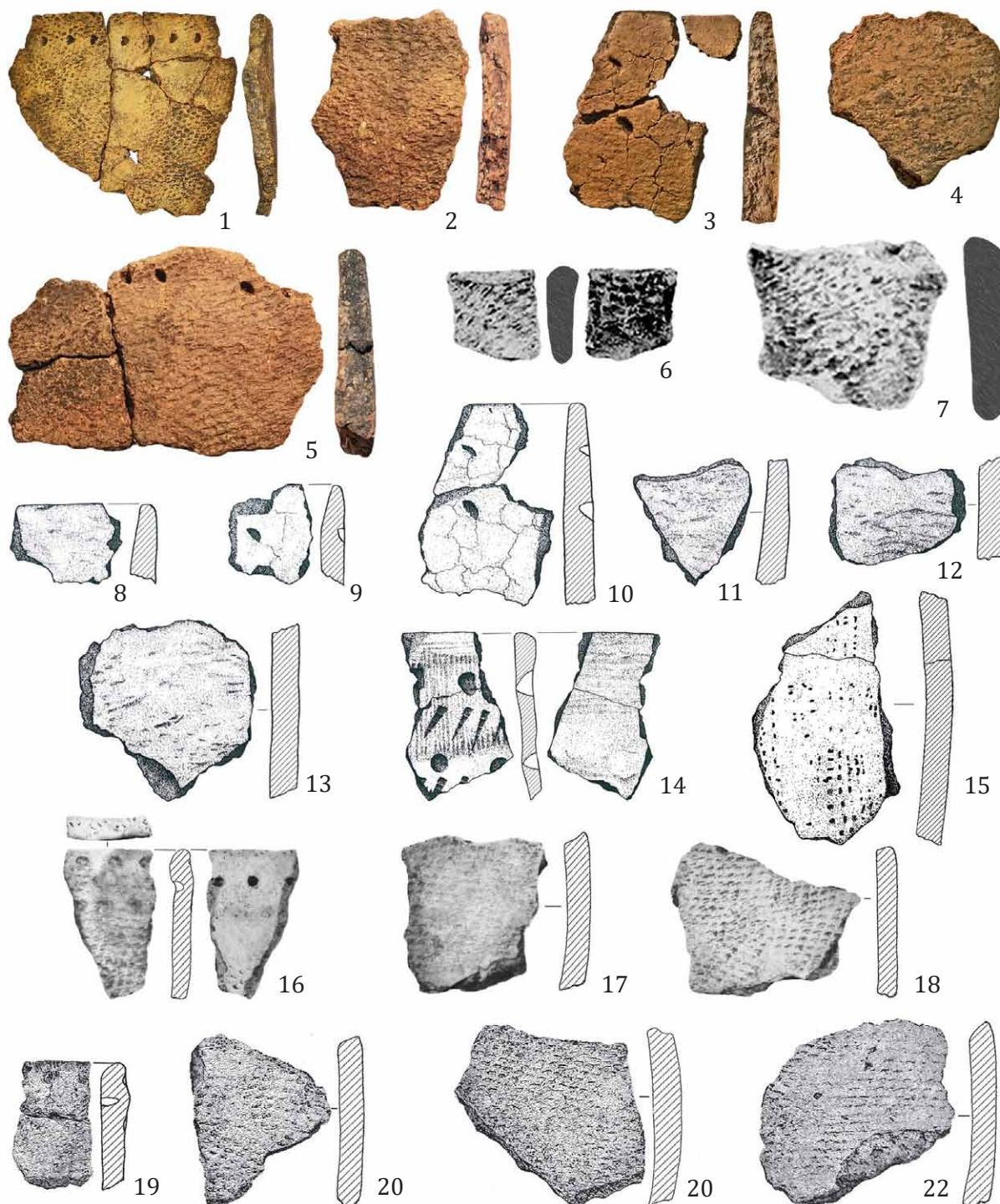

Рис. 11. Находки крохалёвской керамики в Нижнетомском очаге наскального искусства (раскопки А. Г. Марочкина): 1–15 – Верхняя Санюшка 1 (Ивановка 1); 16–22 – Ивановка 2. (По В. В. Боброву, А. В. Веретенникову, К. В. Коночуку, А. Г. Марочкину, К. П. Мининой, Л. В. Панкратовой, И. А. Плацу, А. С. Сизёву, А. В. Фальман, А. В. Щербаковой, А. Ю. Юраковой)

Для реконструкции крохалёвского культурогенеза на востоке ареала симптоматичны особенности западных памятников, отражающие одно-крохалёвскую линию развития керамической традиции. В этих сериях ложнотекстильная орнаментация не является преобладающей, украшая около трети керамического комплекса [Зах, 1997, с. 25, табл. 2; Гришин, Марченко, 2017, с. 231–234]. При этом в крохалёвских комплексах Нижнего Притомья указанный орнаментальный мотив, дополненный ямочными вдавлениями или «жемчужинами» по венчику, короткими двойными наклонными рядами семечковидных наколов, поясом гребенчатых оттисков и оттисками угла лопаточки, доминирует [Бобров, Марочкин, 2016, с. 108; Марочкин и др., 2018, с. 8]. По моему мнению, это характеризует восточный кузнецко-притомский вариант крохалёвской культуры, выделяющийся керамикой с доминирующей ложнотекстильной орнаментацией и оригинальным комплексом наскальных изображений.

Не случайно керамическая серия из Туриста-2 с имеющимися кротовскими элементами декора представлена, главным образом, сосудами с ложнотекстильным

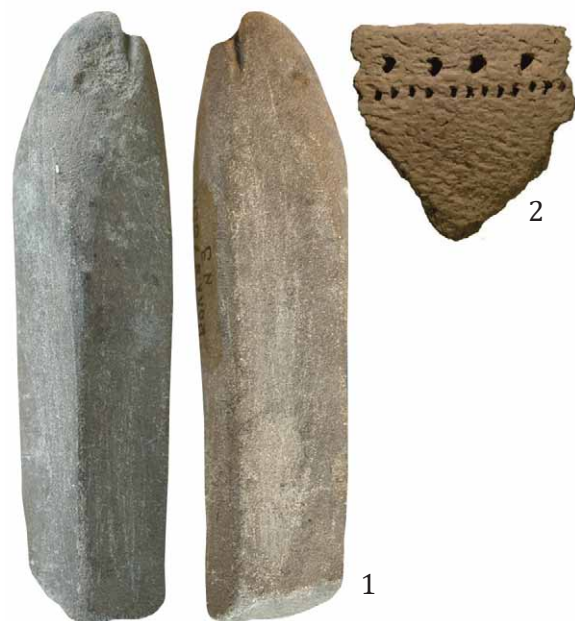

Рис. 12. Находки с Медведкинского поселения: 1 – оселок со скульптурным изображением головы змеи (фото автора); 2 – ложнотекстильная крохалёвская керамика (по Е. В. Барсукову и Б. С. Борило)

орнаментом [Басова, 2018, с. 210–212; Басова и др., 2019, с. 54]. По указанному признаку большинство сосудов из Туриста-2 ближе крохалёвской керамике Нижнего Притомья, нежели крохалёвским или одно-крохалёвским древностям Новосибирского Приобья. Поэтому правобережьем Новосибирского Приобья на западе и Нижним Притомьем на востоке, в основном, ограничивался ареал взаимных влияний крохалёвских сообществ Приобья и Кузнецкой котловины.

Косвенным свидетельством наличия у нижнетомских крохалёвцев различных видов изобразительного искусства представляются находки с Медведкинского поселения. Этот многослойный памятник расположен на границе Томской и Кемеровской областей на левом берегу Томи в 100–200 м восточнее северной окраины ныне несуществующей деревни Медведка. Здесь в размыве левого берега р. Томи была найдена скульптура-оселок [Мец, 1999, с. 5–10, рис. 1, 1] (рис. 12: 1). Автор публикации справедливо отмечает, что «расположение глаз, подтреугольная форма головы, однозначно говорят, что древнему мастеру, изготовившему оселок, “позировала” змея» [Мец, 1999, с. 7]. Но вопреки своему заключению Ф. И. Мец усматривает черты особенного соответствия медведкинской скульптурки стерженьку с головой рыбы из Сопки II (?) [Там же, с. 7]. Возможно, это обусловлено не увиденными исследователем ноздрями медведкинской змеи, исключаящими содержательное сходство с сопкинской рыбкой.

Медведкинская скульптурка ранее включена мною в группу из трёх «серпентоморфных» жезлов со Среднего Енисея, одного – из лесостепного Алтая и ещё одного – из Барабинской лесостепи. Первые связаны с окуневской изобразительной традицией, алтайский жезл обнаружен в елунином погребении, барабинский экземпляр отнесён «к окуневскому кругу культур, а в пределах Барабинской лесостепи, скорее всего, к кротовской культуре» [Молодин и др., 2004, с. 381, 382]. Подобно перечисленным жезлам, фигурка змеи Медведкинского поселения выпол-

нена в камне, но предназначена для за- точки колюще-режущего оружия и неко- торых орудий. Поэтому медведкинский скульптурный оселок олицетворяет смыс- ловую симметрию между «серпентоморф- ными» жезлами, сейминско-турбинским и галичским кинжалами со змеиными изо- бражениями как различными средствами выражения схожей идеи [Ковтун, 2013, с. 267, табл. 16; 17, 1, 2; фото 31; 108; 111].

Связь медведкинской змеи с сейминско- турбинским временем имеет и предметное подтверждение. Опубликованный керами- ческий комплекс Медведкинского поселе- ния содержал неолитические, самусьские (при этом самусьская культура отнесена авторами к эпохе поздней бронзы?) и лож- нотекстильные фрагменты (рис. 12: 2), а также керамику «эпохи ранней бронзы», переходного времени и раннего желез- ного века. Авторы публикации приводят предположение Ю. Н. Есина о принадлеж- ности медведкинской змейки к самусь- ской культуре [Борило, Барсуков, 2017, с. 104–106]. Но в самусьском пантеоне и bestiарии хтонические и серпентоморф- ные образы неизвестны. Поэтому куль- турно-хронологическая связь змеевид- ного оселка с крохалёвским комплексом ложнотекстильной керамики представ- ляется весьма вероятной. Тем более, что хтонические персонажи, сочетающие чер- ты змеи и щуки, обнаружены и в кроха- лёвском комплексе Туриста-2 [Ковтун, 2019, с. 90, 91, табл. 41; 42; с. 100–102].

Абсолютная хронология крохалёвских комплексов Нижнего Притомья установ- лена по ^{14}C . Радиоуглеродная дата нага- ра на крохалёвском сосуде с Долгой I, где была найдена литейная матрица кельта- лопатки, определена 2145–1637 гг. до н. э. (94,5%). Крохалёвская керамика поселе- ния Ивановка-1 (Верхняя Санюшка I), на котором был обнаружен сердечник для отливки кельта, датирована 2058–1504 гг. до н. э. (92,8%), а поселения Ивановка-2 – 2296–1638 гг. до н. э. (95,4%). Таким об- разом, датировки образцов, так или иначе связанных непосредственно с крохалёв- ской «ложнотекстильной» керамикой, в ка- либрованных значениях не выходят за

пределы XXIII–XVI вв. до н. э. Более мо- лодые даты получены в ИМКЭС СО РАН в 2017 г. по древесному углю из объек- тов поселения Ивановка-1 (Верхняя Са- нюшка I): (ИМКЭС-14C1204) 3151 ± 78 BP, или 1620–1210 гг. до н. э. (95%), (ИМКЭС- 14C1211) 3118 ± 64 BP, или 1530–1210 гг. до н. э. (95%), (ИМКЭС-14C1210) 3247 ± 65 BP, или 1690–1400 гг. до н. э. (95%). Хроно- логия этой серии ограничена XVII–XIII вв. до н. э. Диапазоны калиброванных значе- ний для дат по керамике и углю частично совпадают, но тенденция к «омоложению» последних очевидна. Во всех случаях уголь отобран из объектов, планиграфически и стратиграфически связанных с кроха- лёвской посудой, и ощутимая разница их радиоуглеродного возраста требует кор- ректного объяснения, в том числе на ос- нове новых дат по ^{14}C . Думается, колли- зия, предопределившая разницу двух се- рий дат, полученных по керамике и углю, не связана с реальным хронологическим разрывом, а обусловлена особенностями датированного материала. До разрешения этой проблемы предельную верхнюю гра- ницу крохалёвских поселений Верхнего Приобья целесообразно ограничить вто- рой третью II тыс. до н. э. [Ковтун, Мароч- кин, Герман, 2017, с. 270]. Но с учётом дат синстадиальных культур, практики по- лучения неадекватных результатов при датировании по ^{14}C и системного несоот- ветствия последней серии датировок, ре- зультаты, полученные по углю, вероятнее всего, некорректны. По крайней мере, это очевидно для их верхних значений.

Таким образом, хронология крохалёв- ских древностей по разным данным огра- ничена XXIII–XVI вв. до н. э., а без крайних значений – XXII–XVII вв. до н. э. (по керами- ке). Исходя из приведённых показателей, нижняя дата крохалёвской культуры ук- ладывается в последнюю четверть III тыс. до н. э. Верхний вероятностный хроноло- гический предел предварительно огра- ничен второй третью II тыс. до н. э. Но его значение подлежит уточнению в связи с разницей дат, полученных по нагару с ке- рамики и углю [Ковтун, Марочкин, Герман, 2017, с. 270].

II. Тутальские лосихи и окуневские образы

Помимо крохалёвских изобразительных параллелей, ряду древнейших нижнетомских петроглифов существует самостоятельная линия стилистической синхронизации тутальских и окуневских изображений. Она представлена двумя рисунками

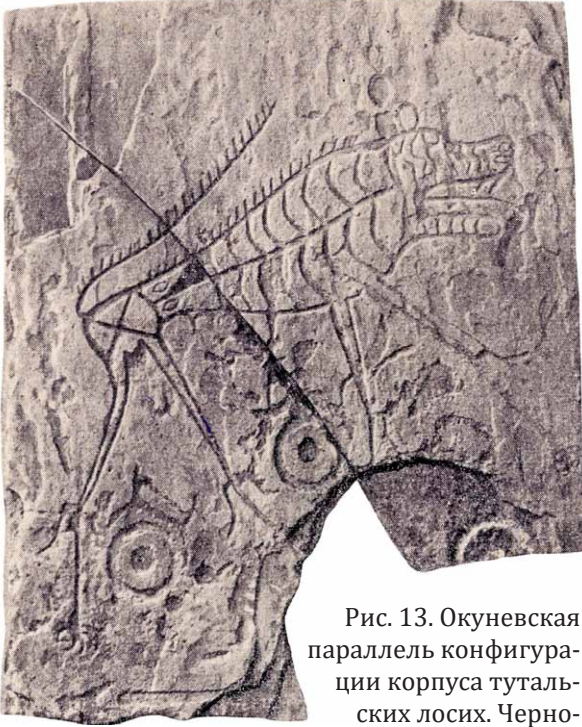

Рис. 13. Окуневская параллель конфигурации корпуса тутальских лосих. Черно-вая VIII. По М. П. Грязнову и Г. А. Максименкову

окуневских фантастических хищников из Черновой VIII и с горы Тюря (рис. 13; 14). Прямые стилистические аналогии между лосями Томской писаницы, а затем и лосихами плоскости 1 Тутальской писаницы и данными фантастическими хищниками окуневской культуры предлагались ранее [Подольский, 1973, с. 273; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 68, 71, рис. 22, 1–4; Русакова, 2015, с. 85, 86; и др.]. К конкретизации отдельных деталей данных сравнений автор относится критически [Ковтун, 1993, с. 31, рис. 35]. Тем не менее, усматривается сходство конфигуративных пропорций корпусов, выраженное в чрезмерной зауженности крупа и в лосиной «горбатости» передней части корпуса одного из хищников. Схожа и манера передачи конечностей. Но поскольку собственно окуневских комплексов в Нижнем Притомье нет, данные параллели сами нуждались в непротиворечивых объяснениях. После обнаружения крохалёвских древностей Туриста-2 с симптоматичными образцами изобразительного искусства, включая фигурку лося, появилось надлежащее обоснование синстадиальности крохалёвских наскальных рисунков Нижнего Притомья с частью изображений окуневской культуры. Поэтому стилистика двух окуневских фантастических хищников соотносима с изобразительными конфигурациями и

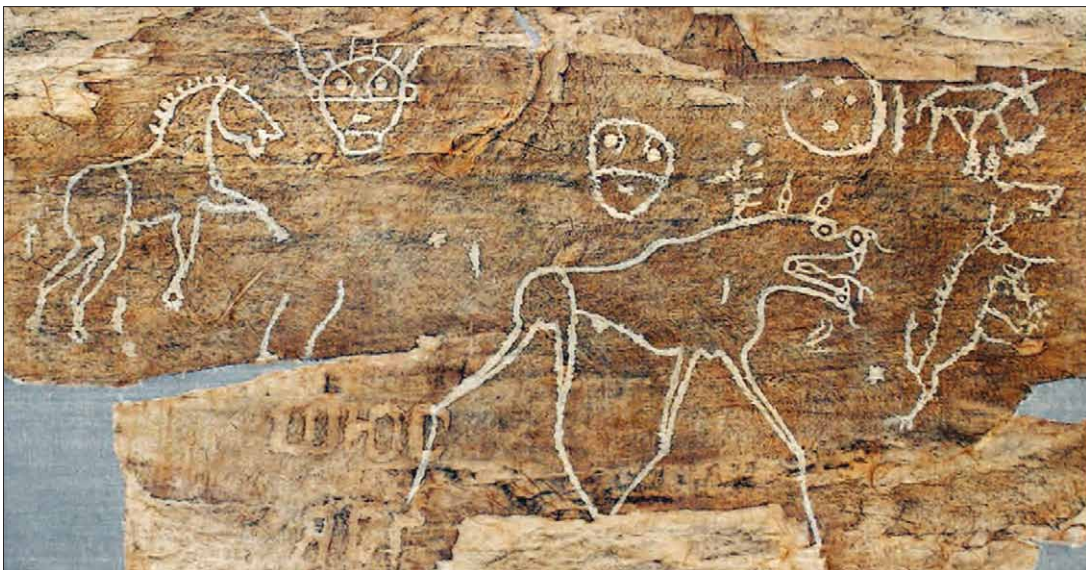

Рис. 14. Окуневская параллель конфигурации корпуса тутальских лосих, гора Тюря. По Е. А. Миклашевич

деталюми лосих с главной плоскости Тутальской писаницы.

Примечательно, что рассматриваемые фантастические персонажи не имеют идентичных изобразительных соответствий в собственно окуневском комплексе и в этом качестве уникальны. Выполненные в стилистически схожей с данными хищниками манере тутальские лосихи также не обнаруживают параллелей, диссонируя с обобщёнными параметрами лосей «ангарского» стиля. Полагаю, что эти обстоятельства взаимосвязаны и обусловлены перекликающимися семантическими оттенками нижнетомских и среднеенисейских персонажей. Поэтому проводимая между ними иконографическая параллель удостоверяет нетривиальность смыслового значения и особого мифологического содержания крашенных и выбитых лосих плоскости 1 Тутальской писаницы. Подобно хищнику из Черновой VIII, «парящему» над парциальной личиной, «небесная» высота тутальских лосих передана их местоположением на неприступной диагональной плоскости. В сочетании с поднятыми вверх шей и головой, такое размещение придаёт лосиным фигурам устремлённость вверх, присущую полёту. Так особому плану содержания соответствует акцентирующий его уникальный и впечатляющий план выражения оригинальных персонажей. Необычность семантического плана данных образов удостоверяется и самим фактом присутствия здесь изображений, нарисованных краской.

Таким образом, оригинальные очертания рассматриваемых тутальских, а равно окуневских изображений обусловлены целенаправленной стилизацией, передающей особое смысловое содержание образов. У тутальских лосих, как и у «летающих» оленей с оленних камней монголо-забайкальского типа, использованы единые принципы изобразительного искажения реального прототипа для передачи идеи «полёта» парнокопытных. Поэтому стилеобразующие и смыслообразующие составляющие данных изображений – суть одно и то же.

Некоторые из окуневских параллелей тутальским лосихам имеют установлен-

ную либо экстраполированную абсолютную датировку. Это относится как к изображениям лосей, так и фантастических хищников окуневской культуры. Хронологические рамки окуневских комплексов подтверждены сериями AMS-датировок, удостоверяющих формирование окуневской культуры в XXVI в. до н.э. Группировки дат окуневских древностей разделили этот культурный массив на три хронологических этапа: уйбатский – XXVI–XXIII вв. до н.э.; черновский – XXII–XX вв. до н.э.; разливский – начиная с XIX–XVIII вв. до н.э. Верхняя граница дат окуневской культуры до недавнего времени связывалась с периодом XVII–XV вв. до н.э. без конкретизации точного финального рубежа [Поляков, 2017, с. 65]. Недавно финал окуневской культуры был определён XVII в. до н.э. [Поляков, 2019, с. 169; Поляков, Святко, 2019, с. 19].

Из детализации перечня датировок окуневских древностей следует, что они выполнены, в основном, по костям человека [Поляков, 2017, с. 66–68, табл.; Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 5, table 2] и без учёта весьма вероятного резервуарного эффекта. Поэтому при их соотношении с другими датами по ^{14}C , полученными из образцов, не подверженных данному фактору, либо рассчитанных с учётом его величины, следует иметь в виду удревшённость всех нижеприведённых значений.

Итак, скульптурка лосиной головы из могилы 4 кургана 14 могильника Итколь II отнесена к уйбатскому хронологическому горизонту, датированному концом XXVI–XXV вв. до н.э. [Лазаретов, 2019, с. 25, рис. 3, 19; с. 41]. Для погребений из кургана 14 могильника Итколь II известны две даты по ^{14}C : Le-9962 human bone Itkol II, k. 14 g. 1 sk. 1, 3940 ± 70 BP или 2620–2206 гг. до н.э. и UBA-40461 human bone Itkol II, k. 14 g. 8, 3800 ± 44 BP или 2456–2057 гг. до н.э. [Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 5, table 2]. Без крайних значений хронологический диапазон этого кургана и скульптурки головы лося укладывается в XXV–XXIII вв. до н.э.

Могильник Стрелка и, соответственно, найденная в нём скульптурная композиция с протомой лося, а также могильник Верхний Аскиз I с найденным в могиле 9

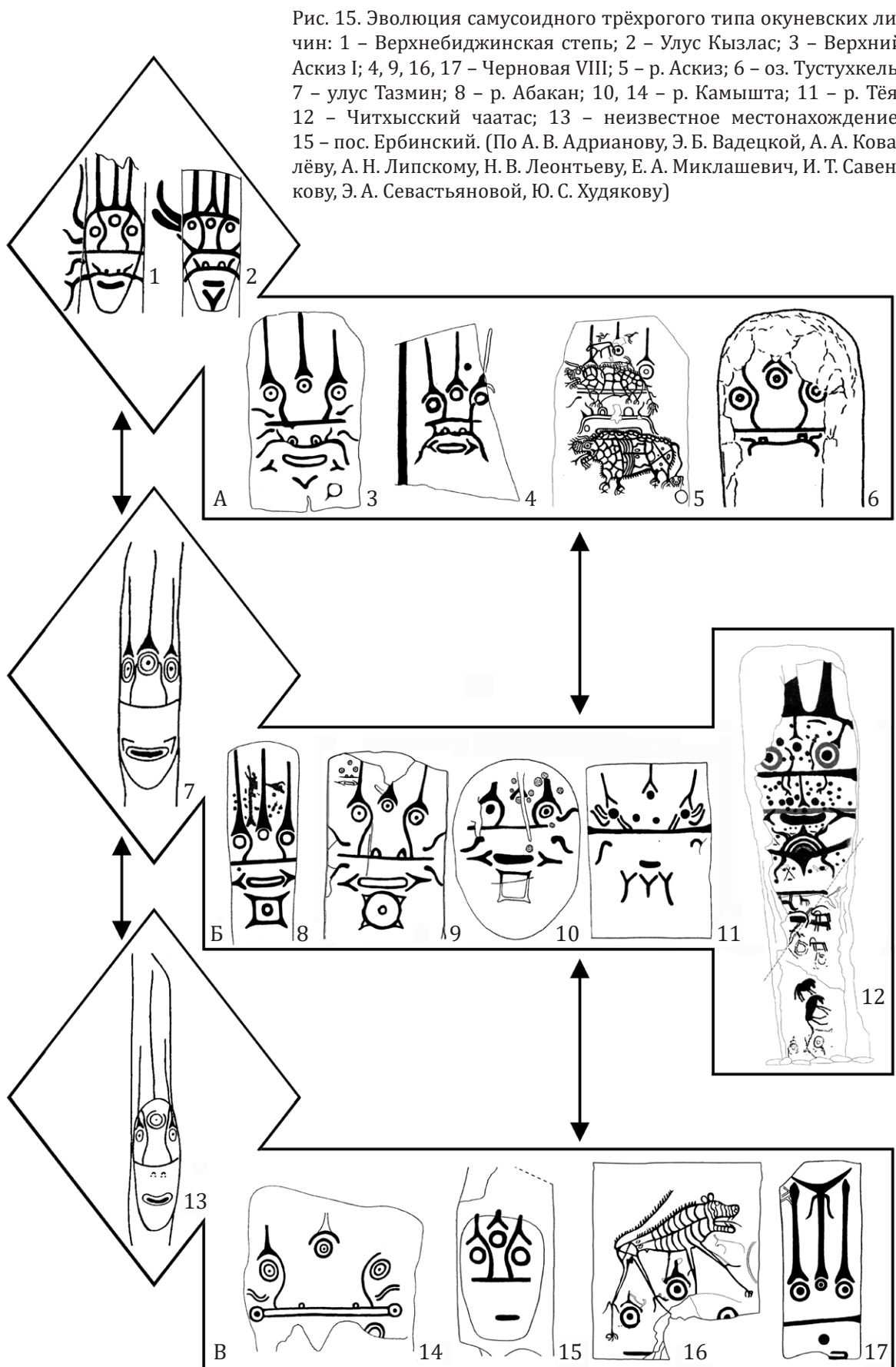
кургана 1 изображением лося отнесены к черновскому хронологическому горизонту с датой XXII–XX вв. до н.э. [Лазаретов, 2019, с. 43]. Для могильника Стрелка датировок нет, но для кургана 1 Верхнего Аскиза I известно пять радиоуглеродных определений: UCIAMS-147,669 human bone Verkhniy Askiz I, k. 1, g. 3, sk. 1, 3810 ± 25 BP или 2340–2145 гг. до н.э.; UCIAMS-147,668 human bone Verkhniy Askiz I, k. 1, g. 3, sk. 2, 3725 ± 25 BP или 2201–2036 гг. до н.э.; UBA-7910 human bone Verkhniy Askiz I, k. 1, g. 6, 3654 ± 29 BP или 2136–1943 гг. до н.э.; UBA-7908 human bone Verkhniy Askiz I, k. 1, g. 10, sk. 1, 3719 ± 31 BP или 2202–2030 гг. до н.э.; UBA-7914 human bone Verkhniy Askiz I, k. 1, g. 13, sk. 1, 3894 ± 28 BP или 2467–2297 гг. до н.э. [Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 5, table 2]. Как следует из сводки, даже без крайних значений нижняя дата этого кургана не может быть моложе последней трети XXIV – финала XXIII вв. до н.э., а верхняя – последней трети XXI в. до н.э. Следовательно, время сооружения кургана 1 могильника Верхний Аскиз I по ¹⁴C определяется с последней трети XXIV–XXIII вв. до н.э. по XXI в. до н.э. включительно.

Кроме того, к «черновскому хронологическому горизонту» относится и изображение фантастического хищника из Черновой VIII. Но орнаментальные сюжеты на двух сосудах Черновой VIII обнаруживают очевидное андроновское влияние [Ковтун, 2001, с. 130]. Это горшки из могилы 5 кургана 1 и, особенно, сосуд из могилы 1 кургана 2, хотя в описании последней, видимо, ошибочно, указан иной горшок [Максименков, 1980, с. 4, 5, 19, 118, табл. XXVII, 10, 13]. Поэтому функционирование данного могильника должно смыкаться или даже частично пересекаться с андроновской эпохой Среднего Енисея, ограниченной серией дат по ¹⁴C XVII–XV вв. до н.э. [Поляков, 2019, с. 167–171; Поляков, Святко, 2019, с. 19]. Это обстоятельство достоверно подтверждает хронологию как минимум заключительной стадии формирования памятника. Следовательно, верхняя дата Черновой VIII не может быть намного старше XVII в. до н.э., возможно, конца XVIII в. до н.э. – времени появления андроновцев на Среднем Енисее.

Относительно позднее время части захоронений этого могильника среди окуневских комплексов, на мой взгляд, может удостоверяться и сходством одонтологических серий Черновой VIII и аналогичных образцов из позднекротовских (черноозерских) захоронений Тартаса I [Кишкурно, 2019, с. 64]. Позднекротовская культура, представленная своим поздним черноозерским этапом [Молодин, 2014, с. 50–53; Молодин, Гришин, 2019, с. 147–153 и др.] на заключительной стадии бытования, по моему мнению, соответствует критериям раннеандроноидного комплекса. Хронология смешанного андроновско-позднекротовского комплекса могильника Тартас I (сопоставимо со смешанной андроновско-окуневской керамикой Черновой VIII), датированного XIX–XVI–XIV вв. до н.э. [Молодин и др., 2008, с. 326, 327], XIX–XV или XVII–XV вв. до н.э. [Molodin et al., 2012, p. 743], уточнялась и укладывается в XVII–XIV вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, 2011, с. 251]. Радиоуглеродные даты позднекротовских захоронений Сопки-2/5 скорректированы до XIX–XVIII/XVII вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 148]. Кроме того, отмечалось, что «верхний предел позднекротовских захоронений не моложе XVI в. до н.э., а нижний предел не старше XIX в. до н.э.» [Molodin, et al., 2012, p. 743].

Таким образом, верхняя дата черновского хищника, сопоставляемого с тутальскими изображениями, теоретически может оказаться на два столетия моложе заявленного финального рубежа «черновского хронологического горизонта».

Разумеется, можно предположить, что плита с хищником, фигурирующая в качестве стенок ящиков 7 и 8 кургана 4 Черновой VIII [Максименков, 1980, с. 7; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 90], была переиспользована как строительный материал, а само изображение нанесено задолго до этого. Такой контрдовод появился с момента выделения окуневской культуры, если не раньше. Но тогда почему, например, личина на перекрытии могилы 36 кургана 2 Верхнего Аскиза I [Ковалёв, 1997, с. 91, 107, табл. VII, 1], однотипная чернов-

ским, включая личину с хищником (рис. 15: 3, 4, 9, 16, 17), должна считаться одновременной захоронению, а личина из ящиков 7 и 8 кургана 4 Черновой VIII и другие подобные личины этого памятника – нет?

Схожая коллизия присуща и двум из трёх захоронений могильника Стрелка. Для керамики из захоронения 2 уже отмечались очевидные и «несомненные признаки андроновского влияния» [Савинов, 1981, с. 114, 115, рис. 4]. Но и украшенный каннелюрами сосуд из погребения 1 [Савинов, 1981, с. 114, рис. 3, 4], содержавшего роговую композицию с изображением головы лося (рис. 8: 1), не вызывает никаких ассоциаций с окуневской орнаментацией. При этом такой орнамент хорошо известен на андроновских горшках [Ковтун, 2016, с. 368–376, 380–382, табл. 150–153, 155, 156], встречаясь и на Среднем Енисее [Ковтун, 2016, с. 368, 371, 373, табл. 150, 2; 151, 2; 152, 3]. Судя по этим признакам, могильник Стрелка и атрибут шаманских практик с изображением головы лося должны датироваться не ранее конца XVIII–XVII вв. до н.э.

Имеются и другие проблемные узлы в окуневской периодизации, вынуждающие её авторов предлагать остроумные истолкования противоречивых ситуаций. Так, уйбатские параллели предметов из «шаманского» погребения 21 кургана 8 Черновой VIII объясняются реликтовым характером жреческого комплекта, передававшегося из поколения в поколение [Поляков, 2018, с. 29–31]. Сложность подобных вопросов не всегда исчерпывается содержанием предлагаемых ответов. Но очевидна и справедливо отмечаемая А. В. Поляковым архаичность некоторых предметов шаманского набора из этого погребения Черновой VIII. Так, жезл со скульптуркой змеи, изрыгающей другую змею, имеет содержательную аналогию в сейминско-турбинской металлопластике – в композиции рукояти и навершия кинжала Галичского клада [Ковтун, 2013, табл. 24, 1, 3]. Территориально более близкие параллели присущи другим сопроводительным изделиям из погребения 21 кургана 8 Черновой VIII. Это лунницы, фигурирующие не

только на голове идола из упоминавшегося Галичского клада (см. напр.: [Ковтун, 2019, с. 156, табл. 75]), но и найденные в окуневских, одиновских и кротовских захоронениях, а также на поселении Самусь IV и в других более отдалённых регионах (см. историографический и источниковедческий обзор: [Ковтун, 2019, с. 130–150]) (не вошёл в сводку экземпляр из кротовского погребения 9 могильника Ордынское I [Молодин, Дураков, 2013, с. 96, рис. 15, 4, 4a], и др.). Могильник Черновая VIII, давший лунницу, и курган 21 могильника Итколь II со стелой, передающей личину в окружении лунниц, датированы черновским этапом XXII–XX вв. до н.э. Но иткольская плита с изображениями лунниц использована в качестве строительного материала, и её могли изготовить задолго до попадания в курган [Поляков, 2018, с. 30; Лазаретов, 2019, с. 43]. Могильники Красный Камень и Усть-Бюрь, содержавшие луновидные подвески, отнесены к уйбатскому этапу окуневской культуры XXVI–XXIII вв. до н.э. [Поляков, 2018, с. 30]. В другой работе время центральной могилы кургана 1 могильника Красный Камень, в насыпи которого найдена лунница, уточнено и определяется по ¹⁴C «XXIII – началом XXII в. до н.э., что совпадает с финалом уйбатского и началом черновского этапов окуневской культуры» [Лазаретов, Поляков, 2018, с. 42]. Кротовское погребение 409 могильника Тартас-1 с луновидной подвеской датируется 2630–2346 гг. до н.э. [Марченко, Молодин, 2017, с. 143, рис. 3]. При этом находка лунницы в могильнике Сопка-2/3А, относящемся к более древней эпохе, а затем и лунниц в одиновских захоронениях подтверждают идею о наиболее раннем появлении таких изделий в Барабинской лесостепи [Молодин, 2001, с. 103].

В наскальном искусстве лунницы представлены горно-алтайскими петроглифами Зелёного озера [Маточкин, 2006, с. 108, рис. 14; с. 112, рис. 18; и др.] и единичным изображением на горе Каратаг, композиционно дополняющем довольно схематичную фигуру рогатого лося [Семёнов и др., 2000, табл. 32, 10.13].

В рассматриваемой свите культур наиболее ранние проявления лунарного культа связаны с одиновскими древностями. При этом часть погребального комплекта, включая лунницу из погребения 38 одиновской культуры могильника Усть-Тартас-2, соотносится с шаманским набором из черновского захоронения. Найденные в одиновском комплексе клювы цапель или журавлей [Молодин и др., 2018, с. 297] не оставляют сомнения в принадлежности данного захоронения служителю культа. Это сближает его с погребением 21 кургана 8 Черновой VIII, где «в области пояса мужчины в мешке или сумке находились жезл и «ритон» из рога, остов вкладышевого ножа, лунница, крупный каменный шар, череп журавля-красавки. В той же могиле найдены пестик для растирания охры и две каменные плиты, на которых растирали краску или смешивали её с жиром, для раскраски тела» [Вадецкая, 1986, с. 34]. Небезынтересно, что сосуд из погребения 38 могильника Усть-Тартас-2 более похож на керамику крохалёвской культуры [Молодин и др., 2018, с. 297].

Таким образом, разрешение хронологического «противоречия» между временем создания погребения 21 кургана 8 и датой плиты с хищником, фигурирующей в качестве стенок ящиков 7 и 8 кургана 4 Черновой VIII, предполагает более древний возраст первого захоронения. Каменные ящики 7 и 8 из кургана 4, вероятно, сооружались позднее, и поэтому изображение хищника на плите из этих могил, привлечённое в качестве параллели тутальским лосихам, появилось не ранее заключительной фазы черновского этапа (по А. В. Полякову) или черновского хронологического горизонта (по И. П. Лазаретову), датированного XXII–XX вв. до н. э. [Поляков, 2018, с. 30].

Наконец, изображение протомы лосихи из могилы 3 кургана Черновая XI, как и весь курган-могильник, датированы самым поздним «разливским хронологическим горизонтом» XIX–XVIII вв. до н. э. [Лазаретов, 2019, с. 44]. Для собственно Черновой XI известна одна дата, соответствующая этому периоду: Bln-5279 human

bone Chernovaya XI, k. 1, g. 1, 3487 ± 25 или 1886–1744 гг. до н. э. [Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 5, table 2]. При этом финал окуневской культуры, как уже отмечалось, предполагается относить к XVII в. до н. э. [Поляков, 2019, с. 169; Поляков, Святко, 2019, с. 19].

С существованием данного этапа сложно не согласиться, поскольку двадцать лет назад разливский изобразительный канон датирован автором этих строк заключительным периодом окуневского культурного массива [Ковтун, 2001, с. 104, 105, 131, 132]. Поэтому финальный разливский этап окуневской культуры по особенностям трансформаций художественного стиля, стратиграфии Знаменской стелы и иным основаниям, был впервые выделен не в 2005 г., как полагают создатели периодизации окуневских древностей [Поляков, 2017, с. 192; Поляков, Святко, Степанова, 2018, с. 19; Поляков, Лазаретов, 2019, с. 192], а в 2001 г. [Ковтун, 2001, с. 104, 105, 131, 132 и др.].

Согласно вышперечисленным хронологическим данным, не всегда совпадающим с указанными периодизационными построениями, скульптурка лосиной головы из могилы 4 кургана 14 могильника Итколь II датируется XXV–XXIII вв. до н. э. Изображение лося из могилы 9 кургана 1 могильника Верхний Аскиз I относится к периоду с последней трети XXIV–XXIII вв. до н. э. по XXI в. до н. э. включительно. Нижний рубеж изображения фантастического хищника из Черновой VIII не определён, а его возможная верхняя дата может быть не старше конца XVIII–XVII вв. до н. э. Наконец, изображение лосиной протомы из могилы 3 кургана Черновая XI относится к XIX–XVIII вв. до н. э.

Помимо близкой архитектоники стиля аскизского рисунка наибольшая иконографическая сопоставимость с тутальскими петроглифами присуща черновскому хищнику и протоме лосихи из Черновой XI. По указанным параллелям время лосиных образов главной плоскости Тутальской писаницы определяется окончанием III – первой четвертью II тыс. до н. э. Этот предполагаемый временной отрезок укладывается в хронологический диапазон крохалёвских

древностей Нижнего Притомья, ограниченный XXII–XVII вв. до н.э. Следовательно, результаты данной синхронизации представляются предварительным основанием датировки наскальных изображений 1 плоскости Тутальской писаницы и прочих петроглифов крохалёвского времени на Томи последними веками III – первой четвертью (или третью ?) II тыс. до н.э.

Обоснованность приведённых нижнетомско-окуневских соответствий удостоверяется и характерными чертами единственного антропоморфного персонажа 1 плоскости тутальского комплекса. Композиционно этот образ, запечатлённый среди лосих, напоминает крылатого персонажа аскизской стелы, переданного в окружении разливских быков, верхний из которых также наделён крыльями (рис. 16). Как будто совпадают и характерные физиономические детали: острый клювовидный нос, короткая «бородка» и развевающиеся назад «волосы» жидкой «прически» (рис. 16: 1, 2). Существенным представляется единое место действия аскизской и тутальской композиций. Крылья быка и антропоморфа с аскизской стелы семантически адекватны «небесной» высоте

зационно этот образ, запечатлённый среди лосих, напоминает крылатого персонажа аскизской стелы, переданного в окружении разливских быков, верхний из которых также наделён крыльями (рис. 16). Как будто совпадают и характерные физиономические детали: острый клювовидный нос, короткая «бородка» и развевающиеся назад «волосы» жидкой «прически» (рис. 16: 1, 2). Существенным представляется единое место действия аскизской и тутальской композиций. Крылья быка и антропоморфа с аскизской стелы семантически адекватны «небесной» высоте

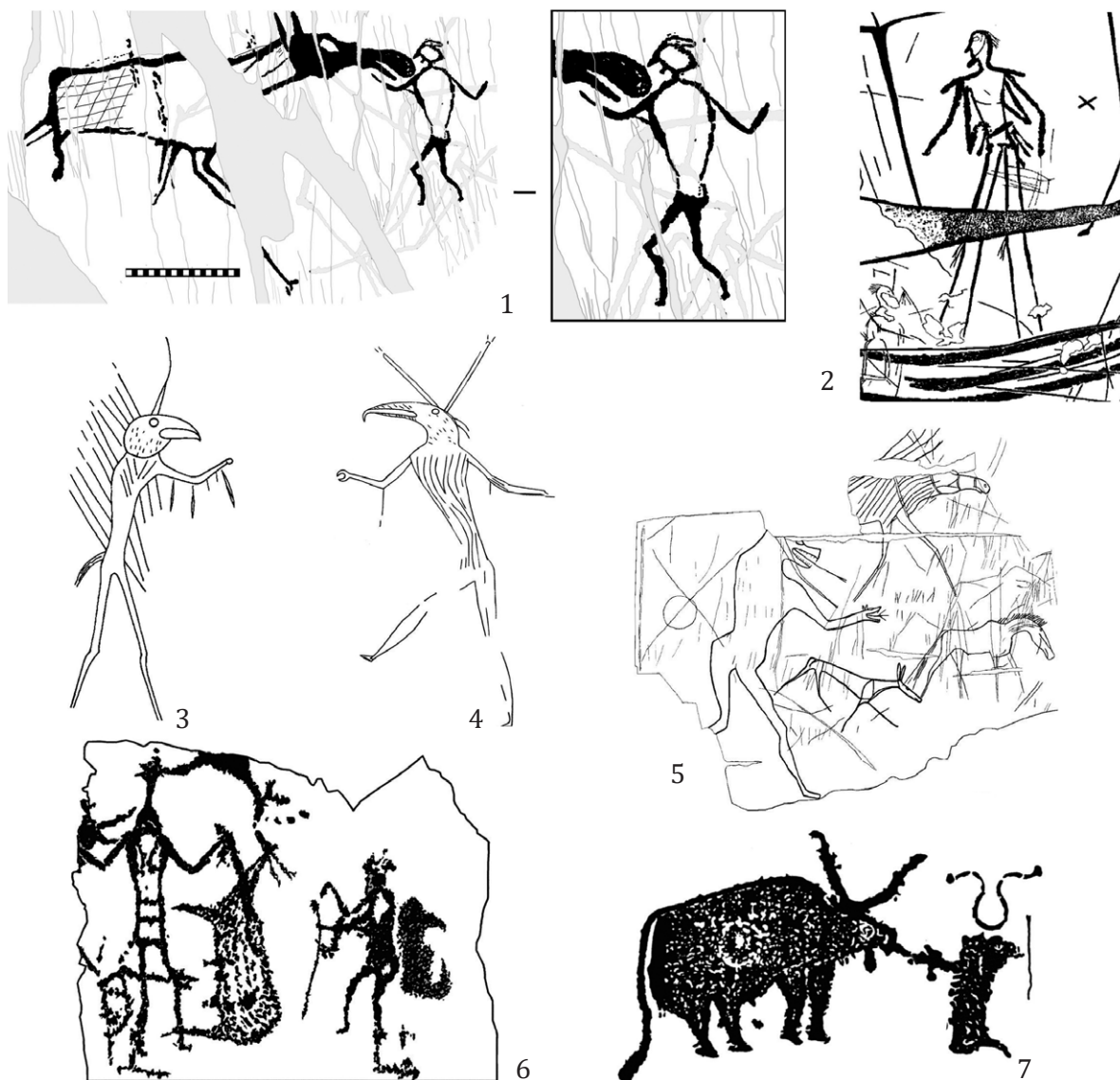

Рис. 16. Окуневские и каракольские параллели антропоморфному персонажу с плоскости 1 Тутальской писаницы: 1 – Тутальская писаница; 2 – фрагмент стелы из с. Аскиз; 3, 4 – Тас-Хазза; 5 – Озёрная; 6, 7 – Зелёное озеро. (По Ю. Н. Есину, В. Д. Кубареву, Е. П. Маточкину, И. Д. Русаковой)

тутальских лосих и их устремлённости вверх. Следовательно, обе сцены передают идею полёта мифических быков и лосих, а также необычных антропоморфных персонажей в Верхнем мире. При этом положение рук тутальского антропоморфа более походит на раскинутые / вытянутые и согнутые в локте руки-лапы некоторых орнито- и зооморфных окуневских хищников (рис. 16: 3–5). Вытянутая вперёд рука последних чаще оканчивается змеиной головой с пастью или клешней. Этот аксессуар сопоставим со знаменитым змеиным жезлом из «шаманского» погребения 21 кургана 8 Черновой VIII и, возможно, соотносится с удлинённой линией – предметом в руке тутальского персонажа (рис. 16: 1). Несложно заметить и композиционно-смысловую параллель между тутальским сюжетом и уточнённой сценой преследования сулекским хищником (по Ю. Н. Есину – Озёрная) трёх животных, включая лося (рис. 16: 5). В последнем случае не исключена композиционно-смысловая параллель между сулекским хищником и лосем, с одной стороны, и скульптурно-орнаментальным оформлением рукояти и навершия сейминского кинжала, с другой [Ковтун, 2013, табл. 22, 1, 4]. Указанное соответствие может косвенно удостоверить и синхронное бытование сулекской, сейминской и тутальской композиций.

Таким образом, параллели тутальскому антропоморфу охватывают круг окуневских образов, ближайшим из которых выглядит аскизский персонаж, скорее всего, композиционно причастный к рисункам разливского типа. Соответственно, по этой параллели и согласно единственной дате разливского этапа, нижнетомская композиция с тутальским антропоморфом может относиться к XIX–XVIII вв. до н. э.

III. Каракольские параллели и крашенные изображения

Помимо окуневских имеются и хронологически значимые тутальско-каракольские иконографические соответствия. Они сводятся к двум выбитым лосиным персонажам на плитах могильника Каракол. Удлиненно-грацильные морды и зауженная задняя часть крупа указанных лосиных образов напоминают конфигурации неко-

торых тутальских лосих (рис. 17). Характерная иконографическая черта каракольских персонажей связана с выделением задней части крупа животных и с имитацией их «разворота в фас». Подобный признак в орнаментальном исполнении присущ только одной лосиной фигуре с главной плоскости Тутальской писаницы (рис. 16: 1). Но именно эта лосиха композиционно связана с выбитым антропоморфом и, возможно, с находящимся немного выше лучистым фрагментом утраченного солнцеголового (или лунарного?) изображения (рис. 18).

Поэтому параллели между двумя каракольскими рисунками и плоскостью 1 тутальского комплекса усматриваются ещё и в композиционной связке лосиных фигур с антропоморфными и солнцеголовыми персонажами (рис. 16: 1; 17; 18). В одном случае выбитое каракольское солнцеголовое изображение перекрывает выбитую фигуру лося, в свою очередь, перекрываясь крашеным рогатым антропоморфом (рис. 17: 1). На другой каракольской плите выбитое изображение лосихи перекрывается крашеным рисунком, композиционно связанным с двумя солнцеголовыми персонажами, также выполненными краской. Вся эта композиция создана специально для погребения и расположена перпендикулярно более раннему лосиному образу (рис. 17: 2).

Предположительно, аналогичная композиция или композиция-палимпсест зафиксирована и на 1 плоскости Тутальской писаницы. Здесь выявлено крашеное изображение VI, напоминающее лучистый ореол и представляющееся фрагментом солнцеголового (или лунарного?) персонажа. Возможно, именно остатками последнего и перекрывается задняя часть крупа выбитой и единственной силуэтной лосиной фигуры 8 с плохо сохранившейся головой (рис. 18; 19: 8; 20: VI; 22).

Композиции, объединяющие лосиные изображения с антропоморфными и солнцеголовыми персонажами, олицетворяют транскультурный метасюжет. Подобные содержательно значимые сочетания зафиксированы ещё на одной плоскости тутальского комплекса, а также на Второй

Новоромановской и Томской писаницах. Но ареал и вариации этого метасюжета не ограничиваются каракольскими палимпсестами, главной плоскостью Тутальской писаницы и упомянутыми нижнетомскими петроглифами. Подобные композиции могли отражать и взаимодействия необычных антропоморфных персонажей с иными парнокопытными, например, быками и маралами (рис. 16: 6, 7).

Эпохально значимым основанием датировки главной плоскости Тутальской писаницы представляются рисунки, выполненные краской. В Южной Сибири немно-

гочисленные древнейшие наскальные изображения, выполненные красящими составами, относятся исследователями к кругу рисунков «минусинского стиля» [Миклашевич, 2015, с. 70; Аболонкова, 2019, с. 24]. Поэтому к их появлению здесь, скорее всего, причастны представители афанасьевской культуры, и эти изображения представляются одним из следствий древнейшей индоевропейской миграции прототохарских сообществ на восток.

Но устойчивая традиция создания изображений посредством нанесения на скальные плоскости, плиты из захоронений,

Рис. 17. Каракольские параллели тутальским лосихам: 1 – Каракол, курган 2, погребение 2, плита 3; 2 – Каракол, погребение 5, плита 1. (По В. Д. Кубареву)

скульптурные изваяния и стелы, керамические сосуды, а также на головы/лица (черепа) усопших красящих составов появляется в Северо-Западной Азии только в середине – второй половине III тыс. до н.э. Проявления данной традиции связаны с каракольскими и окуневскими погребальными и статуарными комплексами, а также зафиксированы на писаницах Горного Алтая и Среднего Енисея [напр.: Кубарев, 1988; Леонтьев, 1976; Леонтьев, 1978; Пяткин, Мартынов, 1985; Миклашевич, 2003–2004; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006; Есин и др., 2014; Молодин, 2016; Лазаретов, Поляков, 2018; и др.]. Распространение данного феномена обусловлено межкультур-

ными взаимодействиями Горно-Алтайского, Верхнеобского, Среднеенисейского и Салаиро-Нижнетомского центров культурогенеза в эпоху палеометалла. Но совокупные социально-исторические и структурные итоги этих межпопуляционных коммуникаций значительно больше и шире. Так, культурные и изобразительные традиции населения Нижнего Притомья в очевидной степени отражают взаимодействия указанных центров культурогенеза на западной периферии и в северо-западных предгорьях Саяно-Алтая, включая сопредельные территории. Вследствие данных процессов в Салаиро-Нижнетомском центре сформировался Нижнетомский очаг

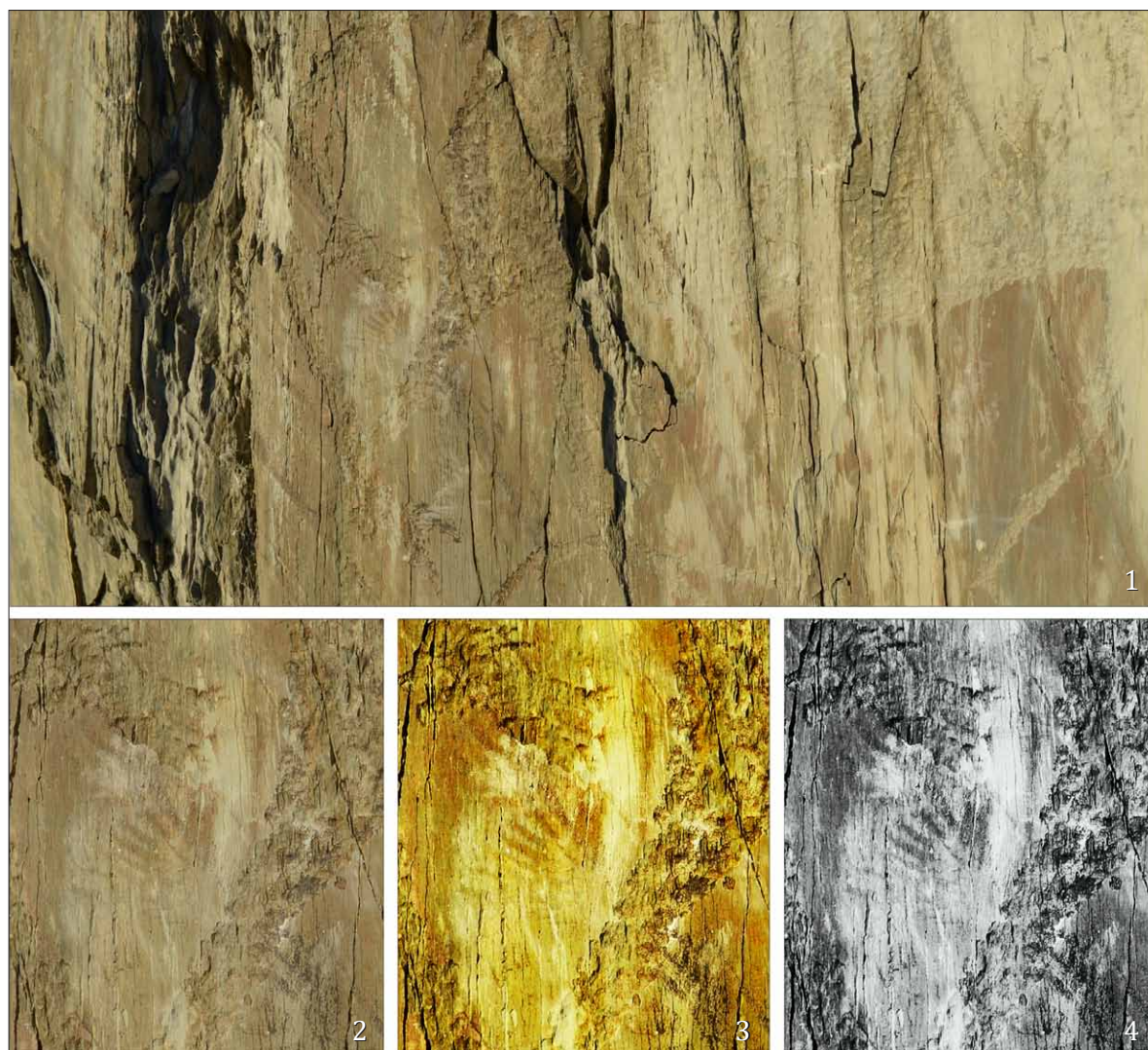

Рис. 18. Сохранившийся фрагмент предполагаемого солнцеголового изображения на плоскости 1 Тутальской писаницы: 1 – исходное фото участка плоскости; 2 – увеличенный фрагмент с лучами; 3 – фрагмент с лучами с повышением контрастности и насыщенности; 4 – то же в чёрно-белом исполнении. Фотокопия И. В. Аболонковой, обработка и светокоррекция И. Д. Русаковой

наскального искусства с изображениями, отчасти напоминающими окуневские, каракольские, самусьские и другие рисунки, в том числе выполненные краской. Этот очаг протяжённостью около 50 км просуществовал в нижнем течении Томи около полутора тысяч лет как трансэпохальный и разнокультурный ареал проникновения,

генезиса и трансформации различных мировоззренческих традиций и изобразительных стилей. Поэтому Нижнетомский очаг наскального искусства представляется одним из культурно-исторических феноменов и символических воплощений Салаиро-Нижнетомского центра культурогенеза эпохи палеометалла. Феноменом

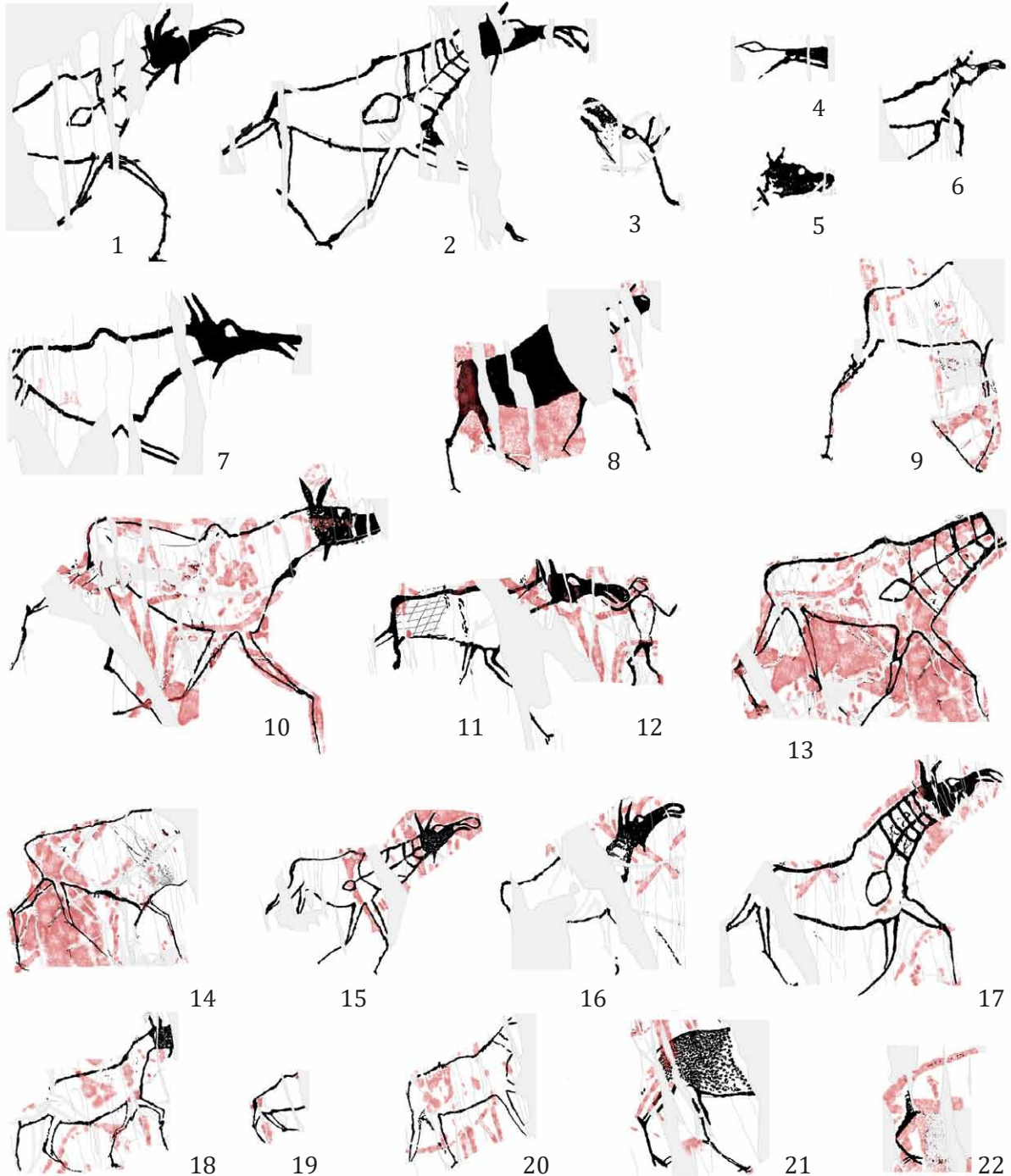

Рис. 19. Пофигурный свод петроглифов плоскости 1 Тутальской писаницы. Прорисовки И. Д. Русаковой (по: [Ковтун, Русакова, 2019])

исторически ярким и оригинальным, но не единственным. Наряду с Нижнетомским очагом наскального искусства культурно-историческое содержание Салаиро-Нижнетомского центра культурогенеза включает: 1) появление / распространение самусьской культуры и 2) оформление восточного ареала крохалёвских древностей как обособленного кузнецко-притомского варианта крохалёвской культуры с доминирующей ложнотекстильной керамикой и комплексом наскальных изображений; 3) сравнительно раннее проникновение в предгор-

ные районы восточного Присалаирья андроновцев и их последующее сосуществование и взаимодействие с сообществами переходного времени от развитой к эпохе поздней бронзы, а также с раннеирменским населением; 4) генерацию раннеандроноидной танайской культуры и 5) бытование нижнетомского раннеандроноидного комплекса; 6) формирование раннеирменского циркумтанайского центра и восточно-салаирского ареала ирменского социокультурного массива, тесно сосуществовавших с представителями танайской

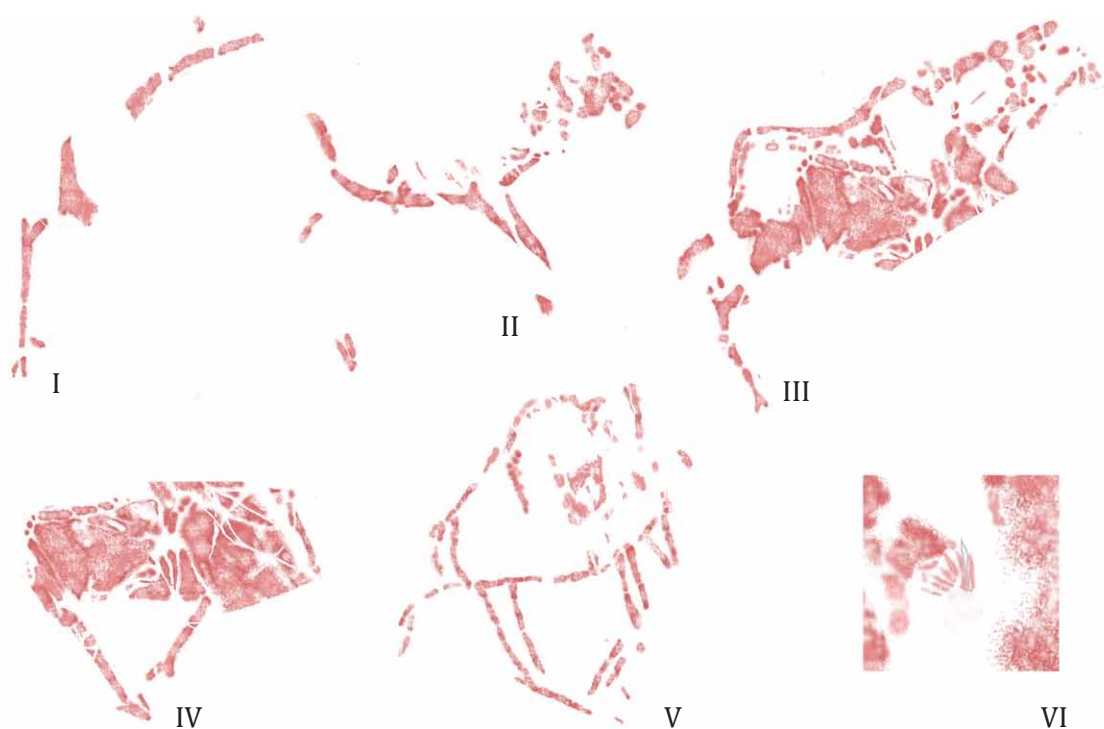

Рис. 20. Изображения плоскости 1 Тутальской писаницы, выполненные краской. Прорисовки И. Д. Русаковой (по: [Ковтун, Русакова, 2019])

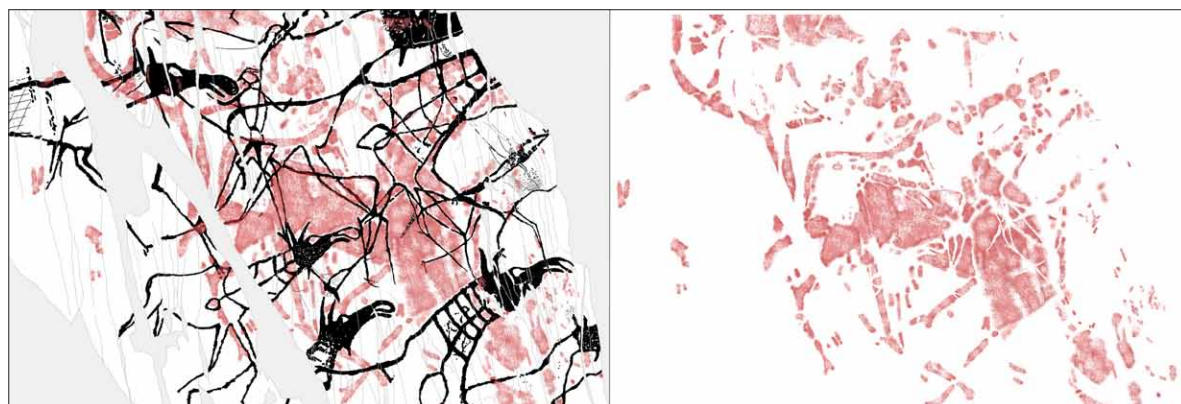

Рис. 21. Ситуационное соотношение выбитых и крашенных изображений в центре плоскости 1 Тутальской писаницы. Прорисовка И. Д. Русаковой (по: [Ковтун, Русакова, 2019])

культуры; а также 7) нижнетомского круга ирменских древностей; и др.

Прерывая вынужденное отступление, напомню, что наскальные рисунки в краске известны не только на Тутальской, но и на Томской писанице. Зафиксировано их соотношение с выбитыми изображениями. Относительно последовательности нанесения рисунков на скальную поверхность для плоскости 6 Томской писаницы установлено, что три крашенные крупные силуэтные фигуры лосей, а также, вероятно, какие-то другие изображения были нанесены раньше всех остальных фигур. Далее наносились изображения, выполненные выбивкой и гравировкой. Но и краска продолжала применяться. Установлен факт подновления нарисованных ранее изображений. При этом краска местами имеет бордовый оттенок, в отличие от применённой ранее краски красного оттенка [Русскова, 2015, с. 83].

На плоскости 7 Томской писаницы последовательность создания выбитых и крашенных изображений определить сложно [Миклашевич, 2011, с. 140], но судя по отсутствию краски в линиях выбивки, последние были нанесены позднее. На плоскости 7А красочная личина нарисована поверх изображения лося, выполненного с помощью выбивки, шлифовки и гравировки [Миклашевич, 2011, с. 140, рис. 13, 14]. Такая последовательность аналогична упоминавшимся каракольским палимпсестам и одному случаю на Тутальской писанице. Однако содержание композиции, в которой «хищная» личина – дух или божество – пожирает жертвенного лося или лосиху, удостоверяет очень близкое время создания обоих действующих лиц этого сюжета.

Для главной плоскости Тутальской писаницы последовательность нанесения крашенных и выбитых изображений проследить сложнее (рис. 19). Но большинство выполненных краской изображений центральной части плоскости (рис. 20) перекрыты выбитыми фигурами лосих и антропоморфного существа.

Рисунок II (нижняя часть контурной фигуры лося (?)) перекрывается выбитым

изображением 11 и, вероятно, изображением антропоморфного существа 12 (рис. 19: 11, 12; 21). Это симптоматично, поскольку тутальский персонаж обнаруживает иконографические и композиционные параллели антропоморфу аскизской стелы в окружении быков разливского типа. Как уже отмечалось, согласно данной аналогии с композицией позднеокуневского разливского этапа, тутальский антропоморф и связанное с ним изображение орнаментированной лосихи могут датироваться XIX–XVIII вв. до н.э. В свою очередь, по данному палимпсесту время создания рисунков, выполненных краской, формально предшествует XIX–XVIII вв. до н.э. или, как минимум, не позднее указанного хронологического периода.

Поверх нарисованного краской контурного рисунка III выбито практически идентичное ему по размеру контурное изображение лосихи 13, голова которой, как и голова животного на рисунке III, утрачена в результате общего скола (рис. 19: 13; 20: III; 21). На шее выбитой фигуры показаны дугообразные поперечные полосы и «сердце с аортой». На шее животного на рисунке III также прослеживаются фрагменты линий, позволяющие предположить разрисовку в виде поперечных полос. Шеи этих двух фигур почти совпадают, при этом задняя часть фигуры выбитого изображения расположена несколько выше, чем задняя часть крашеного. При общем значительном сходстве этих двух изображений имеются и отличия: круп крашеной фигуры довольно мощный, подчетырёхугольный, а круп выбитого изображения заужен, более грацильный (рис. 19: 13; 20: III; 21).

Рисунок III также перекрывают выбитые изображения 10, 12, 14 (рис. 19: 10, 12, 14; 21), одну из задних ног перекрывает выбитое изображение 15 (рис. 19: 9; 15; 21). Силуэтный рисунок лосихи (?) IV перекрывают выбитые изображения 10, 13, 14, 15 (рис. 19: 10, 13, 14, 15; 20: IV; 21).

Интересные палимпсесты зафиксированы на участке плоскости вокруг единственного выбитого силуэтного изображения лосихи 8. Крупный фрагмент неопре-

Рис. 22. Ситуационное соотношение выбитых и крашенных изображений в центре плоскости 1 Тутальской писаницы крупным планом. Прорисовка И. Д. Русаковой (по: [Ковтун, Русакова, 2019])

делённого силуэтного крашеного рисунка перекрывается этим выбитым изображением 8 (рис. 19: 8; 22).

При этом остатки неопределённой крупной крашеной силуэтной фигуры перекрывают заднюю часть выбитого изображения 8 (рис. 19: 8; 22). Возможно, остатки этого же крашеного рисунка перекрывают и круп контурного выбитого изображения 10, в свою очередь будучи перекрытыми фрагментированным изображением 22 (рис. 19: 10, 22; 22). С окружающей изображение 10 поверхности скалы краска практически полностью выветрилась и смылась, но в углублениях, образовавшихся в результате выбивки, она хорошо сохранилась (рис. 19: 10; 22). Возможно это остатки открытого И. Д. Русаковой первого и пока единственного в Нижнетомском очаге наскального искусства солнцеголового (или лунарного ?) персонажа, нарисованного краской. Судя по обработанной

фотографии, часть идентифицируемого фрагмента данного изображения образует характерный лучистый ореол (рис. 18; 20: VI; 22). Такие «короны» венчают головы солнцеголовых, а также лунарных образов каракольской, окуневской и крохалёвской культур, а равно подобных им центральноазиатских персонажей. Конфигурация солярной или лунарной «короны» тутальского образа напоминает некоторые каракольские изображения. Но территориально ближайшие параллели этому лучистому венцу происходят из Самусь IV (рис. 23) и Туриста-2. Правда, в первом случае изображение такого типа уникально для самого самусьского комплекса, а во втором – крохалёвские персонажи олицетворяют не солярные значения, а идею полнолуния [Ковтун, 2019, с. 89–103 и др.]. В силу фрагментарности тутальского изображения подобные смысловые интерпретации для него пока труднодоказуемы,

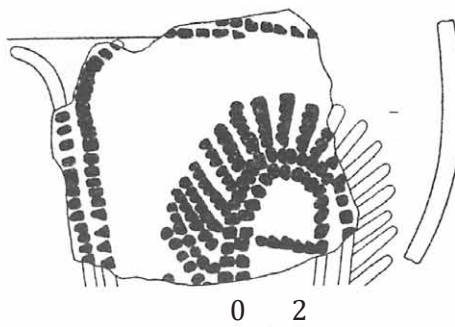

Рис. 23. Уникальный солнцеголовый персонаж на керамике, Самусь IV. Фото автора, прорисовка Ю. Н. Есина

но своим появлением оно обязано именно нижнетомским крохалёвцам. Поэтому не исключено, что содержательное значение крашеного тутальского персонажа в лучистой «короне» сопоставимо с семантикой аналогичных фигурок из Туриста-2.

Крашенный контурный рисунок лосихи (?) V, по всей видимости, был нанесён на скалу после выбитого изображения 21. На фотографиях этой части плоскости видно, что одна из передних ног рисунка лосихи V проходит по выбивке задней части изображения 21. Помимо этого, следы краски поверх выбивки изображения 21 сохранились от второй передней ноги рисунка V (рис. 1; 19: 21; 20, V). Сложнее установить стратиграфическое соотношение и последовательность перекрываний рисунка V и выбитых изображений 18, 19 и 20. Возможно, крашенный рисунок также был нанесен поверх выбитых изображений, но безапелляционно настаивать на указанной последовательности создания рисунков нельзя (рис. 1; 19: 18, 19, 20; 20: V).

Тем не менее, нетрудно заметить, что это единственное крашеное изображение лосиного корпуса с зауженной задней частью крупа, что присуще только ряду выбитых петроглифов (рис. 19: 1, 2, 6, 7, 9, 10, 13, 14, 15, 17). Возможно, в пользу относительно поздней даты данного изображения по сравнению с прочими крашеными рисунками свидетельствует и его самое нижнее периферийное месторасположение на скальной плоскости. Ниже этого лосиного корпуса располагается только частично перекрываемое им выбитое изображение задней части лосиной фигуры (рис. 1; 19: 21).

Небезынтересно, что задняя часть крупа этого лося передана с использованием изобразительного приёма «разворота в фас» и по этому признаку напоминает выполненного охрой лося Первой Турочакской писаницы [см. по: Молодин, 2016, с. 25–29, 42, 43]. В.И. Молодин справедливо усматривает в данном иконографическом приёме эпохальный хронологический критерий и приводит серию окуневских аналогий. Среди последних фигури-

руют рисунки Черновой VIII, Знаменки, Разлива X, Сулекской писаницы и др. [Молодин, 2016, с. 42, 43]. Изображения из этих же комплексов рассматривались выше либо в качестве параллелей тутальским петроглифам, либо как стратиграфические и иные основания их датировки.

Для окуневского и каракольского искусства, серии нижнетомских петроглифов, а отчасти и для самусьской орнаментальной графики характерно композиционное сочетание образов, переданных в фас и в профиль. Но, как отмечалось выше, зачастую подобное сочетание демонстрируют и отдельные изображения. Характерным примером такой комбинации представляется обоснованный В.И. Молодиным стилистический приём выделения знаками, орнаментацией или личинами задней части крупа анималистических и фантастических персонажей. Указанная иконографическая деталь, имитирующая разворот задней части крупа в фас, рассматривается и как культурно-хронологический индикатор [Молодин, Маточкин, 1992, с. 83; Молодин, 1993, с. 10, 11, 20, рис. 3; Ковтун, 1993, с. 30, 36, 37; 2001, с. 116–122].

Помимо того, не исключено, что крашеному рисунку V хронологически синхронна композиция, включающая изображения лосихи 11 и антропоморфа 12, перекрывших крашенный рисунок II (нижняя часть контурной лосиной фигуры (?)) (рис. 19: 11, 12; 20: V). У изображения лосихи 11 орнаментально выделена задняя часть корпуса, а сама композиция хронологически позднее крашенных рисунков и занимает среднюю левую периферию скальной плоскости (рис. 1).

Таким образом, вероятно, несколько крашенных контурных и силуэтных фигур в центральной части плоскости были созданы раньше других изображений. Сейчас одно из древнейших выполненных охрой окуневских изображений личины джойского типа из могильника Уйбат-Чарков датировано по ¹⁴C совокупно со всем комплексом XXV–XXIII вв. до н. э. В этом же могильнике найдены и расписанные охрой сосуды, что присуще всей керамике уйбатского этапа [Лазаретов, Поляков, 2018, с. 53,

56–58, 60]. Учитывая эту дату возникновения окуневской традиции крашенных изображений на Среднем Енисее, время создания подобных рисунков в Нижнем Притомье, включая тутальские экземпляры, может восходить к последним векам III тыс. до н. э. Судя по тутальским палимпсестам, период бытования такого способа нанесения рисунков на притомские скалы мог быть продолжительным. Рисунок лосинового корпуса V с зауженной задней частью крупа и её «разворотом в фас» представляется позднейшим крашеным рисунком тутальского комплекса. По этим образительным деталям его тутальские же параллели включают ряд выбитых лосиных фигур и изображение лосихи 11 с орнаментально выделенной «развёрнутой в фас» задней частью корпуса. В свою очередь, данное изображение 11 вместе с антропоморфом 12 перекрывает крашенный рисунок II (рис. 19: 11, 12; 20: II; 21).

Заключение

Поскольку тутальский персонаж 12 обнаруживает иконографические и композиционные параллели антропоморфу аскизской стелы среди быков разливского типа, его создание соотносимо с датой разливского этапа, определённой XIX–XVIII вв. до н. э. Эта века знаменует время появления позднейших изображений плоскости 1 Тутальской писаницы и верхнюю дату данного комплекса. Нижний рубеж появления тутальских рисунков восходит к двум последним столетиям III тыс. до н. э. Судя по палимпсестам, красящие составы применялись на протяжении почти всего периода использования скальной плоскости 1 для нанесения рисунков. Но и древнейшие изображения самого северного в Нижнетомском очаге наскального искусства и последнего по течению Томи петроглифического комплекса были выполнены краской.

Литература

- Аболонкова И. В. Наскальные изображения Тепсейского археологического микрорайона в аспекте развития методики исследования: автореферат дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2019. 33 с.
- Басова Н. В. Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 209–213.
- Басова Н. В., Постнов А. В., Заика А. Л., Молодин В. И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 4 (47). С. 53–65.
- Басова Н. В., Постнов А. В., Нестеркина А. Л., Ахметов В. В., Морозов А. А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Том XXIII. С. 509–512.
- Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 214–219.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г. Раскопки у Новоромановской писаницы (южные районы Нижнего Притомья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XVI. С. 149–153.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 108–112.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 175–179.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В., Щербакова А. В. Новые материалы ранней – начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 108–111.

- Борило Б. С., Барсуков Е. В. Медведкинское поселение // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 103–107.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Гришин А. Е., Марченко Ж. В. Проблема содержания терминов «крохалёвский керамический тип» и «крохалёвская культура» в свете новых данных (могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. 1. С. 286–287.
- Есин Ю. Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // Российская археология. 2014. № 3. С. 79–88.
- Заика А. Л., Басова Н. В., Постнов А. В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 123–130. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей наскального искусства. Вып. XII).
- Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975. 178 с.
- Кишкурно М. С. Одонтологические особенности позднекротовского (черноозерского) населения Барабинской лесостепи по материалам могильника Тартас-1 // VIII Алексеевские чтения (международная научная конференция, посвященная памяти академиков В. П. Алексеева и Т. И. Алексеевой): Материалы. Москва, 26–28 августа 2019. М.: НИИ и Музей антропологии МГУ, 2019. С. 64–65.
- Ковалёв А. А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.
- Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
- Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. 171 с.
- Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 547 с.
- Ковтун И. В. Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н. э.). Кемерово: ООО «Принт», 2019. 264 с.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Арчекацкий кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 69–76.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Герман П. В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. I. С. 262–267.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 84–95.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 352–354.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Тутальская писаница // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 5–32.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Крашенные изображения Тутальской писаницы на реке Томь // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 159–173. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII).

- Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Известия СО АН СССР. 1976. № 11: Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 128–136.
- Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.
- Марочкин А. Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. С. 86–91.
- Марочкин А. Г. Материалы раскопок у Новоромановской писаницы: комплекс крохалёвской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 124–127. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей наскального искусства. Вып. VIII)
- Марочкин А. Г., Конончук К. В., Юракова А. Ю. Синеречка-1 – новый хроностратифицированный памятник на юге Нижнего Притомья // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. ИЭЧ СО РАН. Кемерово, 2013. С. 133–138.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Конончук К. В., Щербакова А. В., Плац И. А., Фальман А. В., Сизёв А. С. Разведочные изыскания Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2014 г. // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 года. Кемерово, 2014. Вып. 6. С. 130–134.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Сизёв А. С., Щербакова А. В., Фальман А. В., Конончук К. В., Плац И. А. Крохалёвский комплекс поселения Ивановка 1 (Южные районы Нижнего Притомья) // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. ИЭЧ СО РАН. Кемерово, 2013. С. 146–152.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизёв А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в Нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 8. С. 5–15.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Плац И. А., Конончук К. В., Веретенников А. В. Раскопки поселенческих памятников на юге Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 50–57.
- Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Фальман А. В., Веретенников А. В., Плац И. А., Сизёв А. С., Конончук К. В. Новые материалы по археологии Кузнецкой лесостепи и Притомья (по результатам раскопок 2016 года) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 5. С. 77–85.
- Мартынов А. И., Ломтева А. А. О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 192–202.
- Марченко Ж. В., Молодин В. И. Погребальные комплексы эпохи бронзы могильника Тартас-1, их стратиграфическая позиция и радиоуглеродное датирование // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 138–145.

Маточкин Е. П. Петроглифы Зелёного озера – памятник эпохи бронзы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 104–115.

Мец Ф. И. Медведкинские находки // Приобье глазами археологов и этнографов. Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск: Изд-во Томского университета, 1999. С. 5–9.

Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. 2003–2004. Вып. 6–7. С. 17–26.

Миклашевич Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. III. С. 132–155.

Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 66–78.

Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). 2013. С. 176–191.

Молодин В. И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1993. С. 4–25.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозёрской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 49–54.

Молодин В. И. Наскальные изображения Бии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 112 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. 223 с.

Молодин В. И., Дураков И. А. Погребения эпохи раннего металла могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 84–101.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Райнхольд С., Ненахова Ю. Н., Ефремова Н. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.

Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (фёдоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. I. С. 251–252.

Молодин В. И., Маточкин Е. П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. 1992. № 8. С. 80–83.

Молодин В. И., Парцингер Г., Марченко Ж. В., Пиецонка Х., Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Гришин А. Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 325–328.

Молодин В. И., Чемякина М. А., Дядьков П. Г., Софеев О. В., Михеев О. А., Позднякова О. А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 378–383.

Овчинников Н. О «писаных» камнях в Томском уезде // Алтайский сборник. Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–6. Таб. 1–6.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.

- Подольский Н. Л.* О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // Советская археология. 1973. № 3. С. 265–275.
- Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 16 С. 52–74.
- Поляков А. В.* К вопросу о хронологическом соотношении материалов кротовской и окуневской культур (на примере могильника Сопка-2) // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 28–39.
- Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты памятников андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 20. С. 163–173.
- Поляков А. В., Святко С. В.* 2009–2019: новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы минусинских котловин // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 18–20.
- Поляков А. В., Святко С. В., Степанова Н. Ф.* Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). Вып. 5. С. 14–22.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 192 с.
- Русакова И. Д.* Плоскость шесть Томской писаницы: новые материалы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 78–89.
- Русакова И. Д., Баринаева Е. С.* Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 64–77.
- Савинов Д. Г.* Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 111–117.
- Семёнов В. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2000. 66 с.
- Солодейников А. К.* Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 200–210.
- Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. Ч. 2 // Свод археологических источников. М.: Наука, 1971. В4-12 (2). 120 с., илл.
- Molodin V. I., Marchenko Z. V., Kuzmin Y. V., Grishin A. E., Van Strydonck M., Orlova L. A.* ^{14}C chronology of burial grounds of the andronovo period (middle bronze age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3–4. P. 737–747.
- Poliakov A. V., Lazaretov I. P.* Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports 29 (2020) 102125. P. 1–18.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00003

ПРЕДМЕТЫ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА С ПАМЯТНИКА СЕРГУШКИН 1 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

С. Н. Леонтьев, П. В. Герман

Институт экологии человека,

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

Памятник Сергушкин 1 расположен в верхней оконечности одноимённого острова на р. Ангаре. Стоянка открыта В. И. Привалихиным в 1974 г. и в последующие годы неоднократно им исследовалась. В 2011 г. раскопки на памятнике проводились авторами настоящей статьи, а в 2012 г. – Е. П. Рыбиным. В результате был получен большой объём археологического материала с датировкой от неолита до средневековья, из которого особо выделяются предметы декоративно-прикладного искусства. Часть их, датирующаяся эпохой неолита, уже опубликована. К более позднему времени относятся каменный жезл фаллической формы, фрагмент костяной накладки, оформленной в виде стилизованной головы лосихи (?) и обломок костяной обоймы, украшенной геометрическим орнаментом. Перечисленные предметы обнаружены в верхних культуросодержащих слоях памятника в контексте преобладания фрагментов керамических сосудов раннего железного века и средневековья. Обладая существенными стилистическими отличиями от предметов декоративно-прикладного искусства предшествующего времени, эти находки демонстрируют продолжение изобразительных традиций, сложившихся на территории Байкало-Енисейского региона ещё в финале каменного века.

Ключевые слова: Северное Приангарье, остров Сергушкин, первобытное искусство, ранний железный век, эпоха средневековья

APPLIED AND DECORATIVE ART OBJECTS FROM THE SERGUSHKIN-1 SITE (THE NORTH ANGARA REGION)

S. N. Leontyev, P. V. German

Institute of Human Ecology,

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The Sergushkin-1 site is located on the upper end bank of the eponymous island in the middle Angara on the border between Krasnoyarsk Territory and Irkutsk Region. There, for several years, field research was conducted by V. I. Privalikhin (1974–2008 with breaks), P. V. German (2010, 2011) and E. P. Rybin (2012). As a result, a large amount of archaeological material dating from the Neolithic to the Middle Ages was obtained, among which objects of decorative and applied art stand out. A part of them dated to the Neolithic Age have already been published including a phallic stone staff, a fragment of bone cover plate shaped as elk head (?) and a bone holder fragment with geometrical ornament. The objects mentioned above were found in upper cultural layers in context of dominant fragments of Iron Age and Middle Age. The uniqueness of the findings does not allow authors to discuss the obvious analogies from the archaeological sites of the Circum-Baikal region. Having a range of stylistic differences from applied and decorative art objects of the preceding period these findings were created based on the traditions formed on the territory of the Baykal-Yenisei region in the late Stone Age.

Keywords: the North Angara region, Sergushkin island, primitive art, the Early Iron Age, the Middle Ages

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН

№ АААА-А17-117041410051-7 Проект XII.186. «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири и сопредельных территорий (ранний и поздний голоцен)»

Введение

Памятник Сергушкин 1 дислоцирован на берегу верхней оконечности одноимённого острова, расположенного в среднем течении реки Ангары на границе Красноярского края и Иркутской области. Здесь в течение ряда лет проводились полевые исследования под руководством В. И. Привалихина (1974–2008 гг. с перерывами), П. В. Германа (2010, 2011 гг.) и Е. П. Рыбина (2012 г.). Суммарная вскрытая площадь памятника составила 1650 кв. м, получен значительный разновременный археологический материал, включающий десятки тысяч обломков керамической посуды, целых и фрагментированных орудий из камня, кости и металла, выявлены следы железодельного производства, раскопано несколько разновременных погребений и «кладов». К числу наиболее значимых находок следует отнести предметы декоративно-прикладного искусства. Часть таких находок, датируемых периодом неолита, уже введена в научный оборот. Это две каменные скульптуры янусовидных рыб серовского времени, две реалистичные фигурки рыб из кости и костяная подвеска в виде водоплавающей птицы, ранее соотнесённые нами с комплексом керамики усть-бельского типа [Привалихин, 2011; Материалы неолитического времени, 2012; Герман, Леонтьев, 2013]. Ещё три предмета относятся к эпохе палеометалла. Им посвящена настоящая статья.

Описание материалов

Каменное фалломорфное изделие.

В 2011 г. под слоем дёрна в 0,3 м от уровня дневной поверхности нами была найдена каменная фалломорфная скульптура, первоначально интерпретированная как жезл [Герман, Леонтьев, 2011, с. 382, рис. 1] (рис. 1; 2: 1). Предмет выполнен методом шлифовки из подходящей по форме гальки кристаллического гранат-биотит-серицитового сланца (определение канд. геол.-минер. наук А. Н. Кондакова) зеленовато-серого цвета с выраженной продольной сланцеватой структурой. Общая длина изделия 23,2 см. Его коническое утолщённое основание с поперечным сечением в форме неправильного овала $4,4 \times 5,6$ см

Рис. 1. Сергушкин 1, каменное фалломорфное изделие

плавно переходит в цилиндрическую «ручку» длиной 12,7 см с овальным поперечным сечением $3,5 \times 3,2$ см. Навершие «ручки» оформлено в виде овалоидного утолщения диаметром $3,3 \times 3,6$ см и высотой 4 см со слабым наклоном на одну из сторон. На самой «ручке» чуть ниже середины её высоты моделирован покатый валик с низким рельефом диаметром $3,5 \times 3,8$ см. Расположение валика совпадает с центром тяжести скульптурки.

Функциональное назначение данного предмета остаётся неясным. Предположительно он мог являться пестом или, что более вероятно, толкушкой для измельчения мягких минералов (охры) или растительного сырья (коры, ягод, варёных клубней и пр.). В пользу этого говорит форма изделия, удобная для удержания в руке, при котором рельефный валик и выделенное навершие «ручки» играют роль ограничителей, препятствующих соскальзыванию ладони во время работы. Выполненные из камня, керамики, металла или

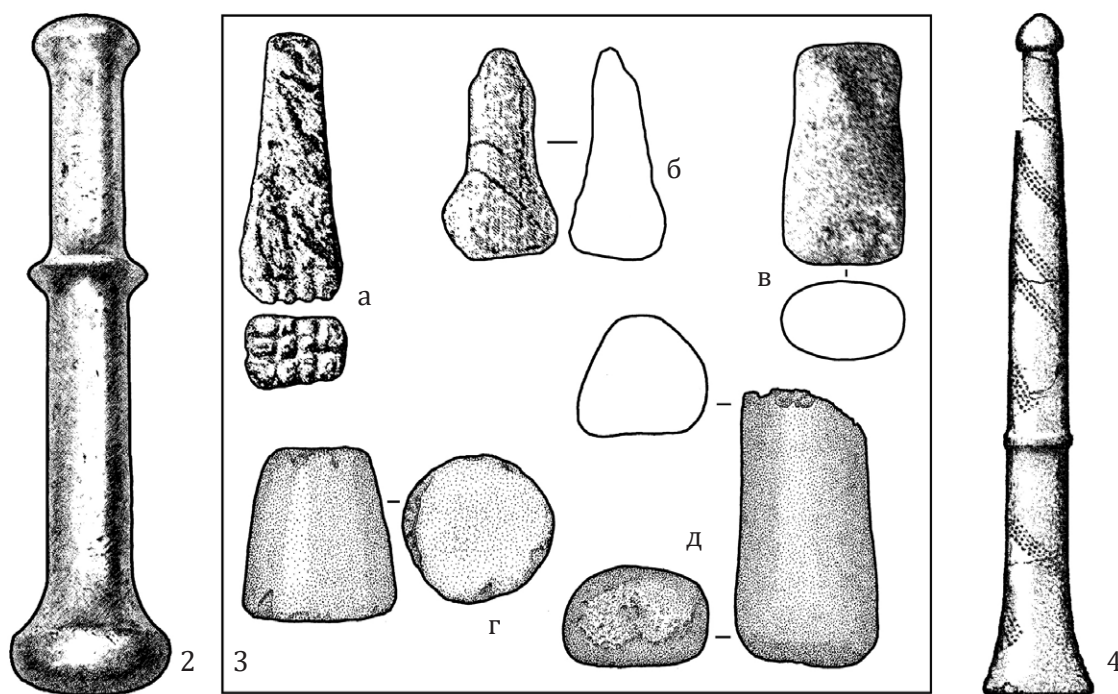
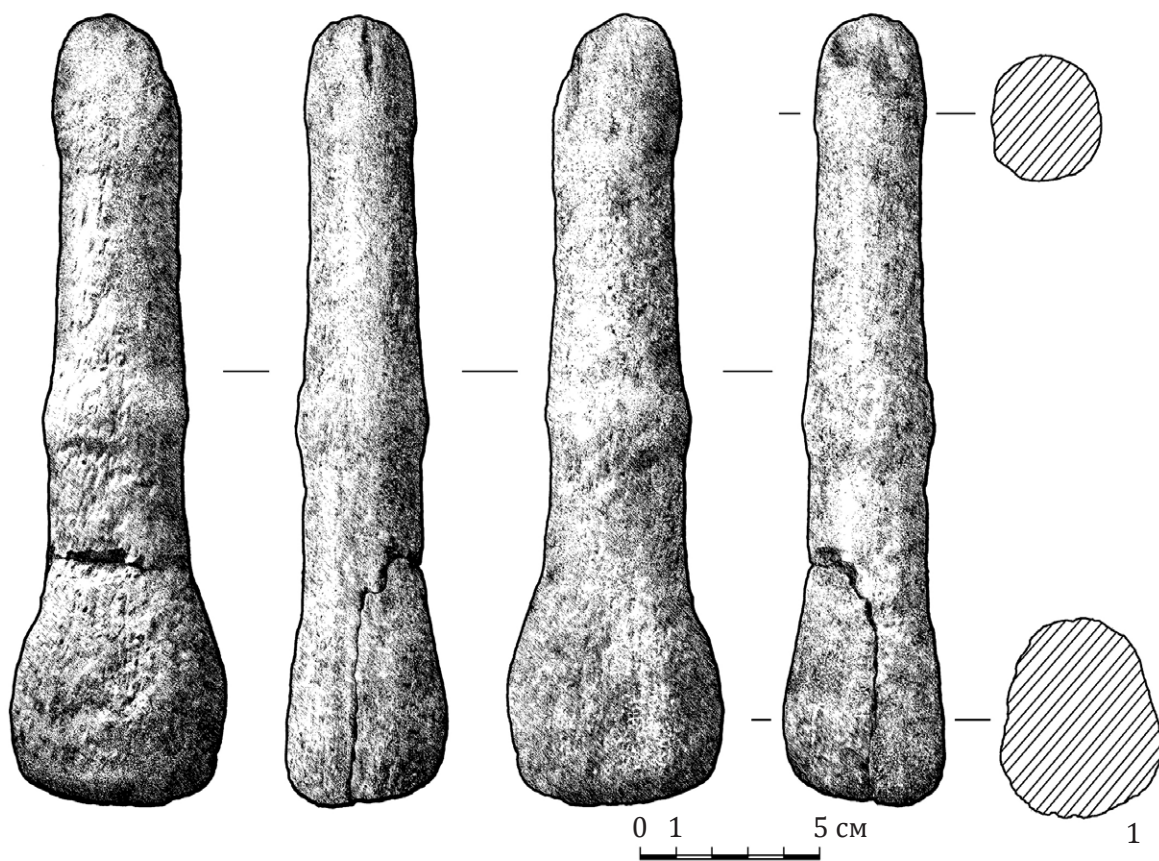

Рис. 2. Сергушкин 1: 1 – каменное фалломорфное изделие; 2–4 – аналогии. 2 – латунный пест (рис. по: [<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20332627>]); 3 – галечные песты с памятников Северного Приангарья: а – Рожково (по: [Богучанская..., 2015, рис. 133: 1]), б – Ручей Конный-3 (по: [Богучанская..., 2015, рис. 427: 1]), г-д – Сергушкин 1; 4 – «ачинский жезл» (по: [Ларичев, 1989, с. 98])

композитных материалов песты и пестики данной формы получили широкое распространение на территории Старого Света с начала нового времени (рис. 2: 2). Однако подобной интерпретации рассматриваемого изделия противоречит отсутствие сколько-нибудь выраженных следов работанности на его предполагаемой рабочей части. К тому же сам материал, из которого изготовлен данный предмет, имея выраженную продольно-слоистую структуру и низкую плотность, недостаточно устойчив к ударным нагрузкам, а естественная ноздреватая фактура «рабочей» поверхности с многочисленными мелкими кавернами делает его неудобным для использования в качестве песта или толкушки. Следует отметить, что все другие песты и тёрочки, найденные в культурном слое этого и других памятников Северного Приангарья (рис. 2: 3), изготовлены из галек и валунов более плотных пород камня, устойчивых к ударным нагрузкам, и имеют простую коническую или эллипсоидную форму с едва намеченной рукоятью (рис. 2: 3 а, б) либо вовсе без неё (рис. 2: 3 в–д). В то же время из гранат-биотит-серицитового сланца, обладающего не только мягкостью, но и некоторой декоративностью, была изготовлена одна из фигур янусовидных рыб, найденная на территории сопредельного памятника Взвоз (пункт 2) [Герман, Леонтьев, 2012, рис. 1: 27]. Данные обстоятельства позволяют предположить, что рассматриваемый предмет имел не утилитарное, а сакральное назначение. В этом случае форма предмета воспроизводит вполне определённые акцентированные анатомические особенности: его утолщённая нижняя часть моделирует корень фаллоса с мошонкой, валик на теле – низко расположенный препуций, а наверху – удлиненно-овальную головку без венца. Эти морфологические особенности позволяют предполагать, что данная скульптура воспроизводит эрегированный фаллос не человека, а какого-то животного.

Скульптурные изображения фаллического типа появляются на территории Сибири уже в палеолите. Наиболее известное из них – так называемый ачинский жезл,

изготовленный из бивня мамонта и имеющий миниатюрные размеры (рис. 2: 4) [Ларищев, 1989, с. 97, 98]. По своей форме он тождественен рассматриваемой скульптуре с Сергушкина 1, отличаясь от неё лишь уплощённым основанием конечной части и более чётко выделенным округлым навершием. Наиболее широкое распространение «песты» фаллической формы получили в среде скотоводческих культур Южной Сибири в финале эпохи бронзы [Кубарев, 1979, рис. 11; Савинов, 1996, табл. XVI]. Традиция создания фаллических статуарных изображений ритуального назначения сохранилась у ряда сибирских народов вплоть до этнографической современности. Так, изображение тунгусского Хозяина гор и рек, подателя промысловой удачи *Калу*, *Калусал* (эвенки) или *Калгам* (народы Амура), отличающегося от других божеств пантеона своей сексуальной активностью, ассоциировалось с формой скотьего фалла [Сем, 2012, с. 193, 480, 482]. Функционально тождественно ему божество саяно-алтайских тюрков *Коча-кан* (кумандинцы, шорцы) или *Кизи-хан* (телеуты). Его атрибут – сделанный из дерева стилизованный конский фаллос, при помощи которого во время обряда в игровой форме имитировались оргиальные действия [Сатлаев, 1971, с. 130–141; Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 34, 115].

Рассматриваемая скульптура была найдена на первом условном горизонте вне какого-либо контекста. Основным материалом этого горизонта составляли фрагменты керамики эпохи средневековья (62 %) и раннего железного века (29 %). Данное обстоятельство позволяет, с большой долей условности, квалифицировать принадлежность каменного фалломорфного изделия к комплексу средневековых материалов.

Фрагмент костяной накладки.

В средней части культурного слоя памятника на глубине 0,6 м от уровня дневной поверхности был найден фрагмент фигурной накладки размерами 3,2 × 1,5 см и толщиной до 2,5 мм (рис. 3: 1). Судя по сохранившейся части, предмет был изготовлен из пластинчатого скола с трубчатой кости крупного животного. Тыльная его

сторона плоская, с едва читаемыми ячейками трабекул, зашлифована поперечными движениями мелкозернистого абразива. Местами здесь сохранились чёткие разнонаправленные царапины от кончика ножа (резца). Лицевая сторона – слабовыпуклая, гладкая, зашлифована в продольном направлении. Ребро накладки в её верхней части скруглено, а в нижней плоско срезано под небольшим углом. На месте поперечного излома, возникшего в результате сильного изгибания, осталась часть круглого сквозного отверстия диаметром 2 мм, служившего для крепления предмета к основе.

Сохранившаяся часть изделия выполнена в виде стилизованной головы животного, показанной в профиль с разворотом влево. Удлиненная тяжёлая морда с харак-

терным расширением в области горбатого носа и вздутой массивной верхней губы, с подчёркнутыми выступами узкого лба и челюстей позволяет узнать в изображении образ комолого лося или, что более вероятно, лосихи. Глаз зверя передан прорезным овалом с точкой в центре, в той же технике изображено и ухо, большая часть которого оказалась обломанной. Ноздря животного показана заглублённым полуovalом. Низ морды украшен узкой полосой прорезного геометрического орнамента из двух параллельных зубчатых линий, негатив которого читается как горизонтальный зигзаг с шириной шага около 0,3 см. Начинаясь у сомкнутых губ, она проходит по линии рта и далее по нижней челюсти и шее.

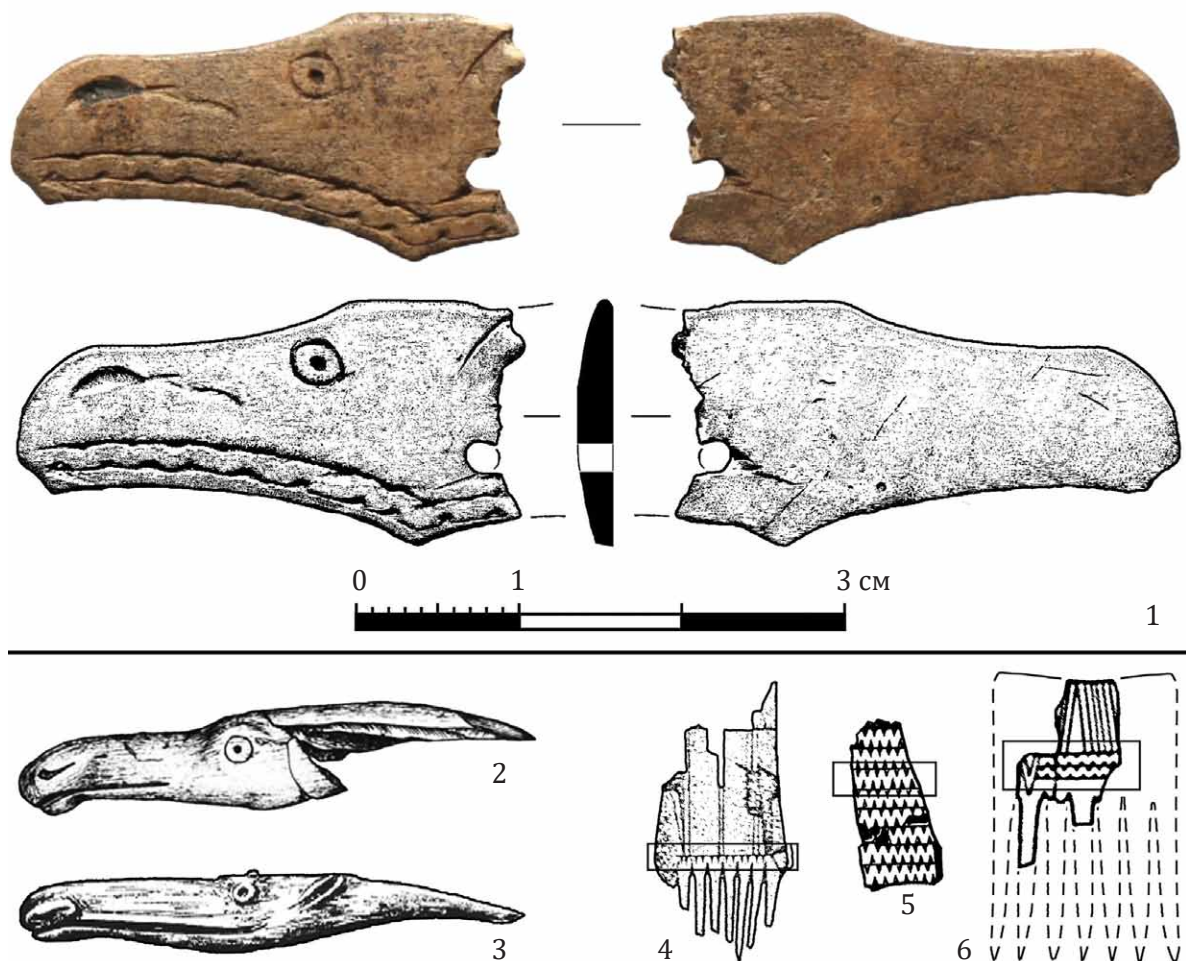

Рис. 3. Сергушкин 1: 1 – фрагмент костяной накладки; 2–6 – аналогии. 2, 3 – скульптурки с головой лося (по: [Жамбалтарова, Волков, 2013, рис. 12]); 4 – гребень из бивня мамонта, Взвоз (по: [Привалихин, 1994, 84]); 5 – фрагмент костяной пластинки, Сергушкин 3, мог. 8; 6 – костяной гребень, Слопцы, мог. 1 (по: [Привалихин, 1994, табл. 54: 8])

Образ лося с мезолита до этнографической современности занимал одно из ключевых мест в мировоззрении народов таёжной и лесной зоны Северной Евразии [Соколов, 2011]. Древнейшее для Циркумбайкаля скульптурное изображение головы этого животного найдено на поселении Студеное-2 (18–17 тыс. л. н.) [Константинов, 2011, с. 54; Константинов и др., 2003, с. 18]. Наибольшее своё распространение в мелкой пластике региона образ лося получил в китойское и глазковское время (могильники Китойский, Усть-Удинский, Верхоленинский, Локомотив, Усть-Белая, Шумилиха, Базаиха, Улан-Хада IV, местонахождение Усть-Едарма II и др.) [Жамбалтарова, Волков, 2013; Лохов, Дударек, 2012]. Хотя найденный нами обломок зооморфной фигурки и проявляет общее стилистическое сходство с указанными выше «классическими» образцами (рис. 3: 2, 3), он всё же существенно от них отличается. Это – не объёмное изображение, а крепившаяся к плоской основе односторонняя пластинка-накладка, декоративное оформление нижней части которой не имеет аналогов среди ранее опубликованных предметов мелкой пластики Байкало-Ангарского региона. Вместе с тем именно эта деталь позволяет нам предположительно установить культурно-хронологическую принадлежность рассматриваемого изделия. Орнамент в виде полосы частого зигзага крайне редко встречается в декоре многочисленных костяных и роговых предметов с поселений и стоянок Северной Ангары. Тожественным образом украшены лишь два гребня с местонахождений Взвоз (рис. 3: 4) и Слопцы (рис. 3: 6), а также фрагменты аналогичных друг другу костяных пластинчатых изделий с памятников Сергушкин 3 (рис. 3: 5) и Усть-Тушама-1 [Археологические комплексы..., 2014, с. 121]. В двух случаях (Слопцы и Сергушкин 3) эти находки происходят из закрытых комплексов погребений цэпаньской культуры. В связи с этим необходимо отметить, что до настоящего времени зооморфная мелкая пластика «цэпаньцев» была известна только по образцам бронзовой торевтики, выполненной в тради-

циях скифо-сибирского звериного стиля и являющейся либо подражанием южно-сибирским образцам, либо результатом прямого импорта [Привалихин, 2011а, с. 167]. Найденный же нами фрагмент фигурной накладки свидетельствует о вероятном существовании у носителей цэпаньской культуры собственных изобразительных канонов, генетически связанных с традициями предшествующего китойского и глазковского времени.

Фрагмент костяной «обоймы». На том же горизонте культурного слоя памятника, в 0,6 м от уровня дневной поверхности был найден обломок костяного изделия, покрытого резным геометрическим орнаментом (рис. 4: 1). Размеры сохранившейся части $5,4 \times 1,1 \times 0,7$ см. Он имел вид фрагмента несомкнутой в нижней части арочной трубки с U-образным поперечным сечением, изготовленной из продольно расколотого диафиза кости конечности некрупного животного. Полки плоские, тщательно зашлифованные, покрыты глубокой резьбой и имеют выраженный уклон к скругленной стенке. Один конец изделия обломан, второй, как и нижние грани, сильно выщерблен.

В древности на берегах Ангары подобным образом изготавливались разнообразные костяные орудия (см.: [Богучанская..., 2015, рис. 299, 4–6]). Однако намеренно моделированный сложный рельеф бокового профиля рассматриваемого предмета, крупное овальное отверстие для фиксации в его верхней стенке и сложная двусторонняя орнаментация заставляют нас предполагать, что это – крепившаяся на жёсткую основу декоративная обойма-накладка, не имеющая себе аналогов в опубликованных материалах.

Гравированный декор полок рассматриваемого предмета различен. Одна из них – тыльная – украшена циркульным орнаментом. Сохранилось шесть двойных кружков диаметром 4 мм с точкой в центре, выполненных «карусельным» сверлением и расположенных на разном удалении друг от друга. Вторая сторона – лицевая – покрыта сложным рисунком, состоящим из нескольких геометризированных элементов. По

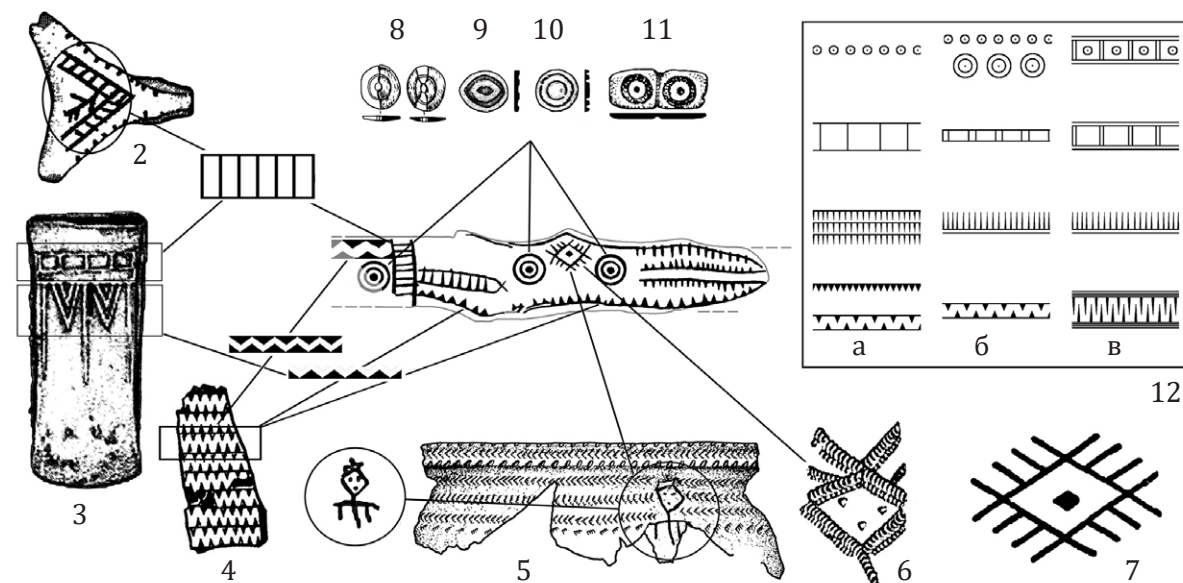
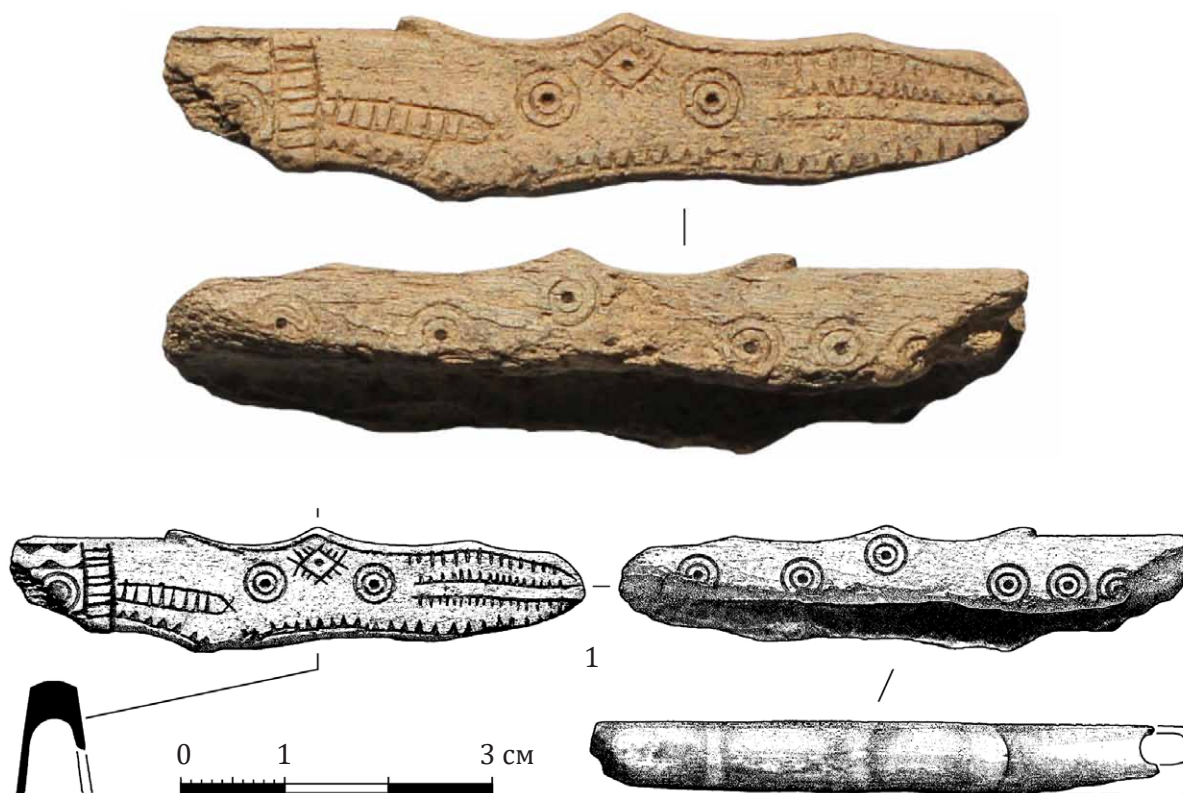

Рис. 4. Сергушкин 1: 1 – фрагмент костяной «обоймы»; 2-12 – аналогии. 2 – фрагмент керамического сосуда, Большая Пеленда (по: [Богучанская..., 2015, рис. 163]); 3 – кельт красноярско-ангарского типа, Чирида (по: [Гревцов и др., 2015, рис. 2]); 4 – фрагмент костяной пластинки, Сергушкин 3, мог. 8; 5 – фрагмент керамического сосуда, Усть-Кода-3 (по: [Богучанская..., 2015, рис. 64: 1]); 6 – личина с керамического сосуда, Капониер (по: [Привалихин, 2011а, рис. 2: 1]); 7 – соляный знак в вышивке (по: [Иванов, 1963, рис. 304]); 8 – костяные «бляшки», Каменка-1 (по: [Заика и др., 2013, рис. 11: 4, 5]); 9, 10 – бронзовые «бляшки», Сергушкин 1, мог. 1 (по: [Привалихин, 2011а, рис. 2: 36, 37]); 11 – сдвоенная «бляшка», Чирида (по: [Богучанская..., 2015, рис. 203]); 12 – мотивы орнаментов на кости: а – коряжки, б – чукчи, в – эскимосы (по: [Иванов, 1963, рис. 104, 105, 109, 159])

краю полки, повторяя её контур, прорезана тонкая линия, простая в верхней части и зубчатая – в нижней. В центре фрагмента, в верхней его половине, под треугольным выступом стенки изображён равносторонний ромб с точкой внутри и отрезками «усиками» по сторонам. Его фланкируют два кружка циркульного орнамента, тождественных нанесённым на тыльную полку. Справа от них прорезаны две параллельные линии с зубцами наружу, слева – удлинённая петля с «усиками» на сомкнутом конце и зубцами, обращёнными вовнутрь. Противоположный её несомкнутый конец упирается в полосу орнамента в виде вертикальной «лесенки», за которой следуют узкий фриз горизонтального зигзага с шириной шага около 0,3 см, образованный двумя параллельными зубчатыми линиями, и двойной кружок циркульного орнамента под ним.

Резьба на лицевой полке является не декоративным орнаментом, а частью рисунка, геометризованные элементы которого передают вполне конкретное изображение. Понять его содержание не представляется возможным. Вместе с тем, анализ составляющих его графем даёт возможность предположительно установить культурно-хронологическую принадлежность рассматриваемого изделия. Так, элемент в виде «лесенки» присутствует в орнаментации сосудов-дымокуров (рис. 4: 2) и бронзовых кельтов (рис. 4: 3) раннего железного века Северного Приангарья. Мотив широкого горизонтального зигзага, образованного линиями с треугольными зубцами, как было показано выше, надёжно соотносится с цэпаньской культурой (рис. 4: 4). Фестоны из обращённых вниз зубцов-треугольников также украшают бронзовые кельты этого времени (рис. 4: 3). В виде ромбов с отрезками-усиками на посуде цэпаньского и каменскомаковского типа изображались антропоморфные личины (рис. 4: 5, 6), однако данный элемент на рассматриваемом предмете более всего напоминает рисунок солнца в традиционной вышивке народов Северной Евразии (рис. 4: 7).

Циркулярный орнамент является очень древним. Б. А. Рыбаков определяет его

как «наиболее употребляемый для костяных изделий всех народов во все времена» [Рыбаков, 1948, с. 414]. Огромная территория его распространения свидетельствует о конвергентном возникновении этого знака у разных народов. Вместе с тем, в Северной Азии первоначально он использовался либо для фиксации значимых символов (солярный, плодородия и пр.), либо для передачи конкретных деталей образа (например, глаз – рис. 3: 2). Как простой декоративный элемент, не имеющий выраженного сакрального значения, он использовался крайне редко [Георгиевская, 1989, рис. XI: 12; LVII: 8]. Свою популярность циркулярный орнамент приобретает с эпохи ранних кочевников и бытует вплоть до этнографического времени. На территории Северной Ангары он наиболее часто встречается на изделиях цэпаньской культуры: круглые или овальные кружки с точкой в центре являлись украшением бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа [Привалихин, 1994, табл. 183, 184; Макаров, 2010; Привалихин, 2011а, рис. 2: 10], костяных (рис. 4: 8) и металлических (рис. 4: 9–11) «бляшек» и пр.

Таким образом, рассматриваемая костяная «обойма» с наибольшей вероятностью также относится к цэпаньской культуре раннего железного века. Следует отметить, что составляющие её узор элементы практически отсутствуют в орнаментации предметов последующего времени. Вместе с тем они широко представлены в резьбе по кости у народов Северо-Восточной Азии: коряков (рис. 4: 12а), чукчей (рис. 4: 12б) и эскимосов (рис. 4: 12в). Ранее нами уже высказывалось предположение о культурной связи «цэпаньцев» с населением этих территорий [Герман, Казакова, 2014, с. 86–88]. Косвенным подтверждением этой гипотезе является и орнаментация описанной выше обоймы.

Заключение

Масштабные охранно-спасательные мероприятия, проведённые при подготовке ложа затопления Богучанской ГЭС, существенно расширили базу источников по первобытной истории Северного Приангарья. Вместе с тем предметы, характеризующие декоративно-прикладное искусство

древнего населения региона, составили не столь значительную часть полученных материалов и в большинстве своём связаны с эпохами неолита и ранней бронзы. Рассмотренные в данной статье предметы из верхних культурных слоёв памятника Сергушкин 1 фрагментированы и встречены вне археологического контекста, что существенно снижает их информатив-

ность. Вместе с тем они представляют существенный интерес, поскольку иллюстрируют новые, до настоящего времени мало изученные аспекты духовной жизни ангарских племен раннего железного века – средневековья. Их значение и культурно-хронологическая атрибуция, вероятно, будут уточнены с введением в научный оборот других аналогичных материалов.

Литература

Археологические комплексы стоянки Усть-Тушамы-1 (Северное Приангарье) / Славинский В. С., Рыбин Е. П., Рыбалко А. Г., Анойкин А. А., Цыбанков А. А., Зольников И. Д., Васильев С. К., Сердюк Н. В., Слепченко С. М., Марковский Г. И., Милютин К. И., Искаков Г. Т. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 109–123.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / Деревяно А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. / Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 381–385.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 года) // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 78–85. (Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1).

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 133–155.

Герман П. В., Казакова Е. А. Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 80–89.

Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. Спасательные работы Беряамбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI (1). С. 509–514.

Жамбалтарова Е. Д., Волков П. В. Скульптурка головы лося из Фофановского могильника (ранний неолит, Юго-Восточное Прибайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Том 12. Вып. 7: Археология, этнография. С. 114–124.

Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 107–186.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего востока. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.

Константинов М. В. Забайкалье: земля, проникнутая небом // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 53–54.

Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-типография, 2003. 29 с.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Ларичев В. В. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.

Лохов Д. Н., Дударек С. П. Зооморфная скульптура из многослойного местонахождения Усть-Едарма II // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2012. № 1 (1). С. 126–137.

Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 19–21 мая 2010 г.). Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 196–198.

Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» (раскопки 2012 года) / Славинский В. С., Герман П. В., Леонтьев С. Н., Рыбин Е. П. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 486–491.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). Диссертация на соискание уч. степени к.и.н. Кемерово, 1994. 521 с.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Альманах. 2009. Вып. 4. С. 300–310.

Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Сборник научных статей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. С. 152–162.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Сборник научных статей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011а. С. 161–183.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 793 с.

Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Центр «Петерб. Востоковедение», 1996. 105 с. (Archaeologica Petropolitana. 2).

Сатлаев Ф. А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 130–141. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVII.).

Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 626 с.

Соколов Н. В. Лось в жизни древнего человека // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 1. С. 54–57.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова О. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев Л. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения 24.04.2020).

УДК 902.2

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00004

КУРГАНЫ ЭПОХИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ МОГИЛЬНИКОВ ХУТ И АК-ХАВАК В ТУВЕ (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК М. Х. МАННАЙ-ООЛА 1968 ГОДА)

К. М. Монгуш, М. А. Монгуш

Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва

Корпус источников по памятникам культуры енисейских кыргызов Тувы количественно преобладает над материалами других исторических эпох. Несмотря на этот факт, до сих пор по разным причинам далеко не все результаты раскопок опубликованы. В статье вводятся в научный оборот материалы погребальных комплексов эпохи енисейских кыргызов могильников Хут и Ак-Хавак, исследованные М. Х. Маннай-оолом в 1968 г. На первом памятнике, расположенном в Северной Туве, исследователем было раскопано четыре комплекса. Они представляли собой каменные и каменно-земляные объекты, под наземными сооружениями которых располагалось по одной могильной яме, размещённой в центре. На втором могильнике, расположенном в Центральной Туве, было раскопано три кургана, под наземными сооружениями которых также располагалось по одной могиле. Анализ результатов исследований этих комплексов позволил получить новые данные о погребальных конструкциях, обряду, а также набору инвентаря енисейских кыргызов в регионе. Особенно примечательна «кыргызская ваза», обнаруженная в одном из публикуемых памятников и весьма редко встречающаяся вне территории минусинской «метрополии». Основываясь на широком компаративном материале по древностям эпохи енисейских кыргызов Саяно-Алтая, авторы предлагают датировать памятники в рамках второй половины IX – первой четверти X вв.

Ключевые слова: поясная фурнитура, предметы вооружения, «кыргызская ваза», енисейские кыргызы, раннее средневековье, р. Хут, р. Улуг-Хем (Верхний Енисей), Ак-Хавак, Тува, Саяно-Алтайский регион, Центральная Азия

MOUNDS OF THE YENISEI KYRGYZ PERIOD IN THE KHUT AND AK-KHAVAK BURIAL GROUNDS IN TUVA (MATERIALS FROM THE 1968 EXCAVATIONS UNDER M. Kh. MANNAY-OOL)

K. M. Mongush, M. A. Mongush

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva

The corpus of sources on cultural heritage sites of the Yenisei Kyrgyz of Tuva outnumbers materials from other historical periods. Despite this fact, not all excavation results have been published for various reasons. The article introduces into scientific circulation materials of funerary complexes of the Yenisei Kyrgyz period in the burial grounds Khut and Ak-Khavak excavated by M. Kh. Mannay-ool in 1968. In the first site, located in Northern Tuva, the researcher unearthed 4 complexes representing stone and stone-earthern structures. Under each of the surface structures there is one grave located in the center or close to it. In the second site, which is located in Central Tuva, 3 mounds were excavated. In that site, similarly, a single grave is located under each surface structure. An analysis of the results of studying those complexes made it possible to obtain new data on burial structures, rite, as well as inventory of the Yenisei Kyrgyz in the region. Particularly noteworthy is the “Kyrgyz vase” found in one of the discussed sites. Such objects have been very rarely found outside the Minusinsk “metropolitan” area. Based on the broad comparative material on antiquities of the Yenisei Kyrgyz period in the Sayan-Altai, the authors propose dating the sites by the second half of the 9th – the first quarter of the 10th century.

Keywords: belt fittings, weapons, “Kyrgyz vase”, the Yenisei Kyrgyz, the early Middle Ages, the Khut River, the Ulug-Khem River (the Upper Yenisei), Ak-Khavak, Tuva, Sayan-Altay region, Central Asia

К настоящему времени корпус источников по памятникам культуры енисейских кыргызов Тувы количественно преобладает над материалами других исторических эпох. На основе полученных данных создана серия аналитических работ, но, несмотря на это, до сих пор не все материалы введены в научный оборот. По многим причинам «забываются» специалистами целые комплексы, археологические коллекции из которых зачастую десятилетиями лежат в хранилищах и запасниках научных и музейных учреждений. Между тем систематическая публикация подобных материалов, наряду с интенсивными полевыми изысканиями, остаётся актуальной для современной археологии Тувы. В настоящей работе в научный оборот вводятся материалы периода кыргызской экспансии, обнаруженные М. Х. Маннай-оолом в ходе раскопок 1968 г. могильников Хут и Ак-Хавак¹, расположенных в Северной и Центральной Туве соответственно.

Могильник на левом берегу р. Хут

Первое упоминание о кыргызских мекориалах этого памятника содержится в публикации М. Х. Маннай-оола [1969], вышедшей сразу после раскопок в «Археологических открытиях» и содержащей краткую характеристику погребальных сооружений и инвентарного комплекса исследованных объектов.

Памятник расположен на террасе левого берега р. Хут примерно в 6 км к востоку от одноимённого посёлка в Пий-Хемском районе (кожууне) Республики Тыва. Курганы на площади могильника располагались разрозненной цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ. Всего памятник включал семь объектов, из которых были исследованы пять. К культуре енисейских кыргызов относились объекты 1–4, а объект 5 – к культуре раннесредневековых тюрок.

Курган 1 (рис. 1: 1) находился в северо-восточной части памятника. Имел округлую в плане насыпь из обломков горных

¹ Информация о памятниках с небольшими поправками приводится по отчёту исследователя за 1968 г. Этот отчёт (Фондохранилище № 2. Ф.1 «Научная, экспозиционно-выставочная деятельность музея». Оп. 1. Д. 243) и коллекция предметов (№ 4731–4733) в настоящее время находятся в фондах Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва. Чертежи планов и разрезов выполнены по альбому отчёта, хранящемуся в научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Рук. № 475). Пользуясь случаем, выражаем признательность сотрудникам архива института за содействие в публикации настоящих материалов.

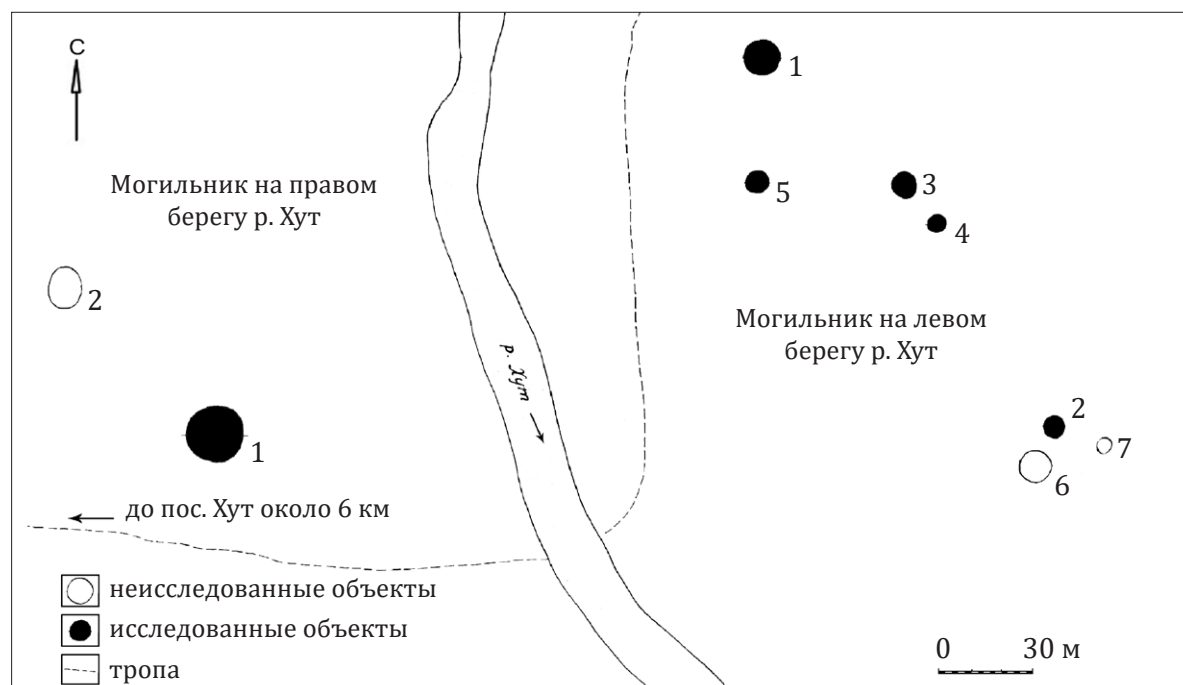
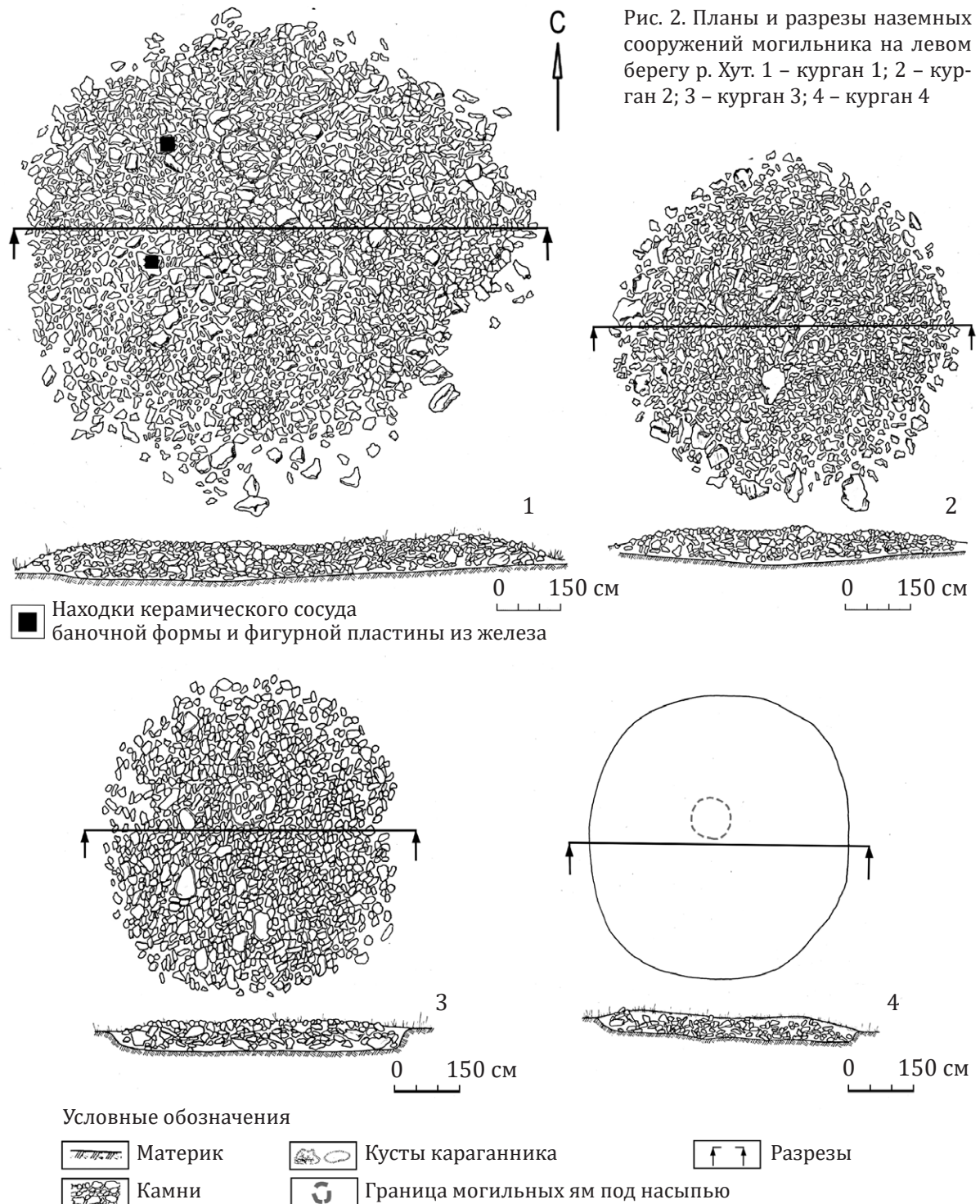

Рис. 1. План-схема могильников на правом и левом берегах р. Хут

пород и земли, диаметром 12 м. Высота её около 0,9 м. При снятии южной части курганной насыпи на глубине 0,67 м от уровня дневной поверхности были найдены обломки глиняного сосуда баночной формы, а в северной части – на такой же глубине – железная фигурная пластина (рис. 1: 1; 3Б: 4, 10) После полного снятия насыпи

кургана в его северной части была обнаружена овальная яма, размеры которой 1,4 × 1,1 м. На дне ямы, в её северо-западной части, на глубине 0,45 м от горизонта обнаружены костные остатки разрезанных на куски нескольких баранов: крестцы, позвонки, лопатки, бедренные кости, рёбра и др. В западной части – обломки сильно

раздавленного глиняного сосуда баночной формы, сделанного от руки, без применения гончарного круга (рис. 3А: 1; 3Б: 9), и костяная пряжка (рис. 3Б: 1). В центральной части ямы найдены четырехугольная тонкая костяная пластина с небольшими отверстиями по краям (отсутствует в кол-

лекции, рис. 2А: 3), фрагмент дна от кувшина (рис. 3А: 3; 3Б: 3) и железный наконечник стрелы (рис. 3А: 5; 3Б: 2). Все эти кости и предметы не имели никаких следов воздействия огня.

Курган 2 (рис. 1: 2) располагался в юго-восточной части могильника. По внешнему

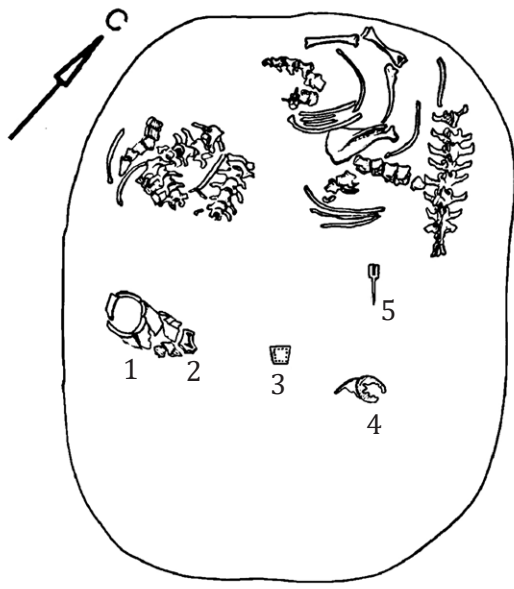
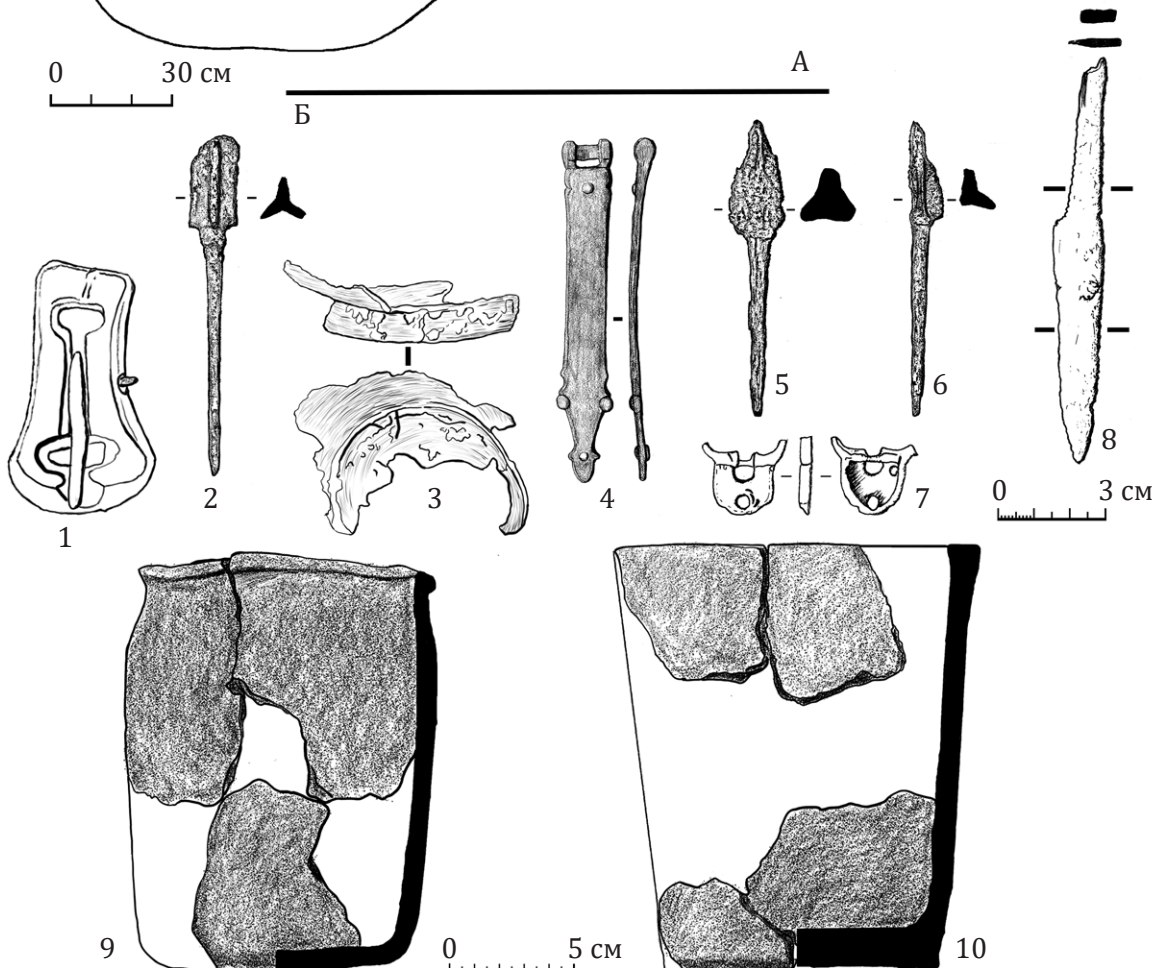

Рис. 3. План могилы кургана 1 (А) и сопроводительный инвентарь (Б) из курганов могильника на левом берегу р. Хут: 1-4, 9, 10 – курган 1; 5 – курган 2; 6 – курган 3; 7 – курган 4. 1 – кость (масштаб не выдержан, рисунок сделан по фото); 2, 3 – серебро (?); 4, 6-8 – железо; 9, 10 – керамика

1 – развал глиняного сосуда;
2 – костяная пластина;
3 – накладка на колчан;
4 – фрагмент от металлического сосуда;
5 – наконечник стрелы.

виду аналогичен кургану 1. Диаметр его – 8 м, наибольшая высота насыпи – 0,85 м. После снятия насыпи кургана в центральной его части была обнаружена яма овальной формы размерами 0,7 × 0,75 м. На дне ямы на глубине 0,33 м от уровня горизонта лежали крестцовая кость крупного животного и грудная кость барана. Между этими костями найдены коррозированные обломки железа. В западной и юго-западной частях ямы – фрагментированная бронзовая пряжка (рис. 3Б: 5) и остатки железного изделия неизвестного назначения (отсутствует в коллекции).

Курган 3 (рис. 1: 3) находился в 45 м к юго-востоку от кургана 1. Имел округлую в плане, сверху задернованную каменную насыпь из обломков горных пород, обильно засыпанных землёй. Размеры насыпи: 7 × 3,5 м, её высота около 0,75 м. После снятия насыпи кургана в его центральной части была обнаружена яма овальной в плане формы. Размеры: 0,95 × 0,75 × 0,73 м. На дне ямы на глубине 0,25 м от уровня горизонта были обнаружены позвонки, грудные кости и рёбра баранов. В юго-восточной части ямы лежал железный нож (рис. 3Б: 6).

Курган 4 (рис. 1: 4) располагался в 11 м к юго-востоку от кургана 3. Имел округлую в плане задернованную насыпь из обломков горных пород, обильно пересыпанных землёй. Размеры насыпи: 6,4 × 3 м, её высота – 0,45 м. После снятия насыпи кургана в его центральной части была обнаружена яма округлой в плане формы, размеры которой – 0,88 × 0,80 м. На дне ямы на глубине 0,42 м от уровня горизонта найдены позвонки, крестец, бедренные кости и рёбра барана. В восточной части ямы обнаружены три железных наконечника стрелы (рис. 3Б: 7, 8), один из которых отсутствует в составе коллекции.

Могильник Ак-Хавак

Как и в случае с рассмотренным выше памятником, общая характеристика могильника была представлена в краткой информационной статье [Маннай-оол, 1969]. Кроме этого, отдельные находки из кыргызских курганов (в частности, из кургана 2)

публикуемого памятника фигурировали в монографии Л. Р. Кызласова и Г. Г. Король [1990]. Но следует отметить, что в этих работах присутствуют некоторые неточности, на которые ниже будет указано подробнее.

Могильник Ак-Хавак (в переводе с тувинского – белый пригорок, холмик) расположен на правом берегу р. Улуг-Хем (Верхний Енисей), в 5 км ЮЗ от поселка Ээрбек в Кызыльском районе (кожууне) Республики Тыва. С юга от памятника, примерно в 20 м, располагается ныне не функционирующая грунтовая автомобильная дорога Ээрбек – Баян-кол. Могильник состоял из 10 погребальных сооружений, было раскопано 3 кургана, относящихся к кыргызскому времени.

Курган 1 (рис. 4: 1) располагался в восточной части могильника. Имел округлую в плане каменную насыпь из речных валунов и земли. Размеры насыпи: 10 × 10,5 м. Наибольшая её высота – 0,85 м. После снятия насыпи кургана в его центральной части была обнаружена яма овальной формы размерами 0,85 × 0,5 × 0,78 м. На дне ямы, в её западной части, на глубине 0,4 м были найдены крестцы, позвонки и рёбра баранов. К востоку от них стояла очень плохой сохранности чашечка из лака² (?), которая, к сожалению, при зачистке не сохранилась. Других находок не обнаружено.

Курган 2 (рис. 4: 2) располагался в центральной части могильника. По внешнему виду был аналогичен кургану 1. Размеры насыпи: 11 × 11,5 м, её высота – 0,75 м. После снятия насыпи кургана в его центральной части была обнаружена яма овальной формы (рис. 4: 2; 4), размеры которой – 0,85 × 1,4 м. На дне ямы, на глубине 0,68 м от уровня горизонта, были найдены разрезанные на куски костные останки мелкого рогатого скота, не имеющие следов сожжения: крестцы, позвонки, грудные кости, рёбра и др. В центральной части ямы обнаружена ваза с узким хорошо отформованным горлом, развёрнутым венчиком и плоским дном, сделанная на гончарном круге (рис. 4: 1; 8: 1). В западной части ямы была найдена бляха-оправа из

² В тексте отчёта указано, что этот предмет сделан из папье-маше.

золотой фольги (рис. 6А: 3; 6Б: 5), бронзовые бляшки (рис. 6А: 6, 8; 6Б: 2, 3), кольцо (рис. 6А: 5; 6Б: 4) и остатки корродированного железного предмета неизвестного назначения (рис. 6Б: 6); а в юго-восточной её части – серебряный кувшин исключительно хорошей сохранности с боковой орнаментированной ручкой на низком поддоне (рис. 6А: 2; 6Б: 7) и бронзовая бляшка (рис. 6А: 10). Отдельно между находками бронзовых бляшек и предметом неизвестного назначения лежали остатки железа (рис. 6А: 7).

Курган 3 (рис. 4: 3) располагался в юго-западной части могильника. Имел округлую в плане каменную насыпь из речных валунов и земли диаметром 9,5 м; наибольшая её высота – 0,75 м. Вокруг края насыпи кургана местами росли кусты караганника. После снятия насыпи кургана в его центральной части была обнаружена яма округлой формы размерами 0,65 × 0,6 м. На дне ямы на глубине 0,38 м от уровня горизонта были обнаружены крестцы, позвонки и рёбра баранов. Никаких других находок не выявлено.

Наземные сооружения и погребальный обряд публикуемых памятников, несмотря

на их значительную удалённость друг от друга (с севера и юга от Уюкского хребта), единообразны. В частности, наземные сооружения представляют собой округлые в плане комплексы, большинство из них – курганы, сложенные из камней в два или три слоя (рис. 2: 1–3; 4: 1–3). Выделяется только курган 4 могильника на правом берегу р. Хут, который был сложен из камня и земли (рис. 2: 4). Диаметр сооружений варьируется от 7 до 12 метров, средняя высота составляет менее метра. Анализ планов разрезов наземных сооружений показывает, что они не имели каких-либо архитектурных особенностей, как, например, кольца-крепиды, широко представленные в однокультурных памятниках. Причиной этому является применявшаяся в те годы методика раскопок наземных сооружений «на снос», которая во многом негативно отражалась на определении особенностей надмогильных сооружений объектов (ср.: [Кызласов, 1978; Длужневская, Семёнов, 1990]). Вполне возможно, хотя и маловероятно, что наземные сооружения исследованных комплексов первоначально представляли собой башнеобразные конструкции, как в случае с объек-

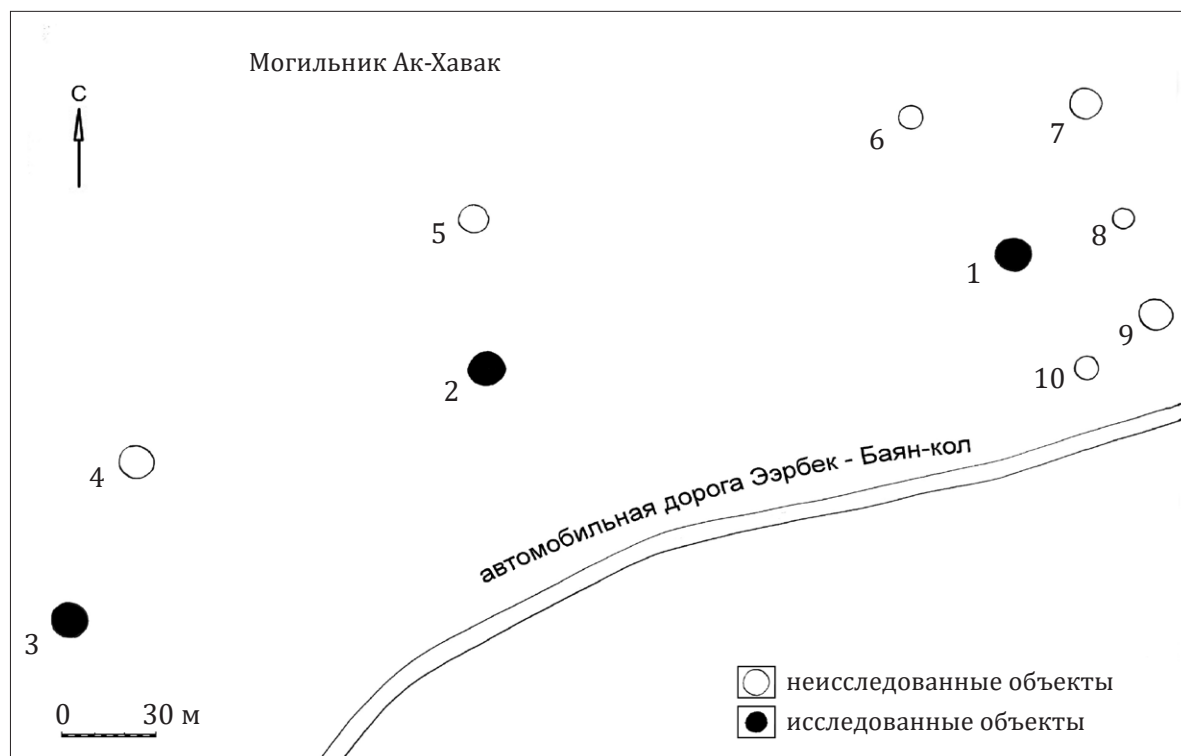

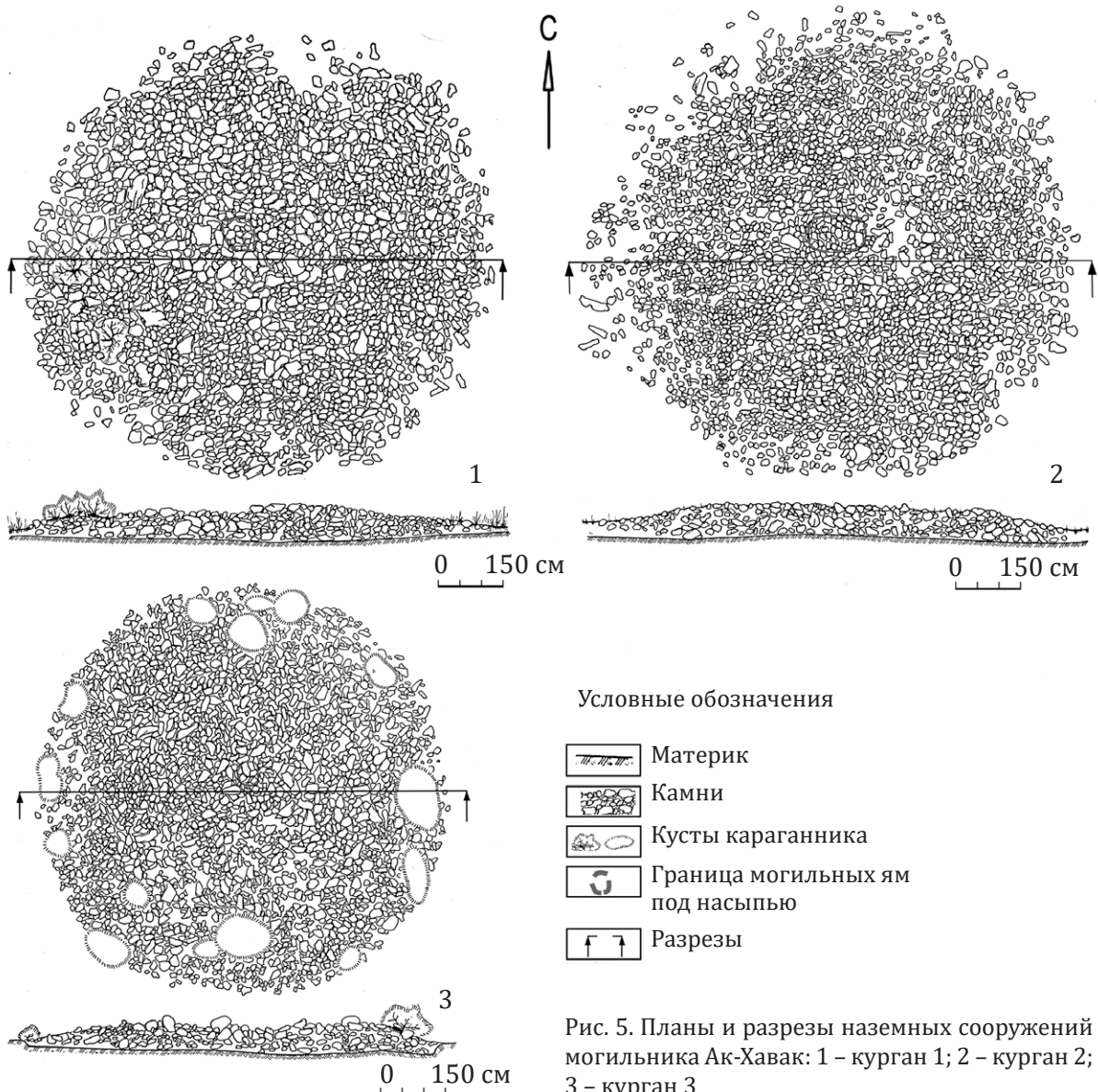
Рис. 4. План-схема могильника Ак-Хавак

тами более поздних комплексов могильника Эйлиг-Хем III [Грач и др., 1998, с. 14].

Под каменной наброской всех объектов находилась только одна овальная в плане могильная яма, расположенная по центру или близко к нему (рис. 2: 4). Глубина ям небольшая – от 20 до 60 см. Внутри каждого кургана, помимо сопроводительного инвентаря, были обнаружены отдельные кости мелкого рогатого скота (преимущественно крестцы, позвонки, лопатки и др.), которые являлись остатками заупокойной пищи. Автором раскопок особо отмечается, что видимых следов сжигания встречено не было. Но очевидно, что заупокойная пища могла помещаться рядом с кре-

мированными остатками людей (см., например: [Нечаева, 1996, с. 141]).

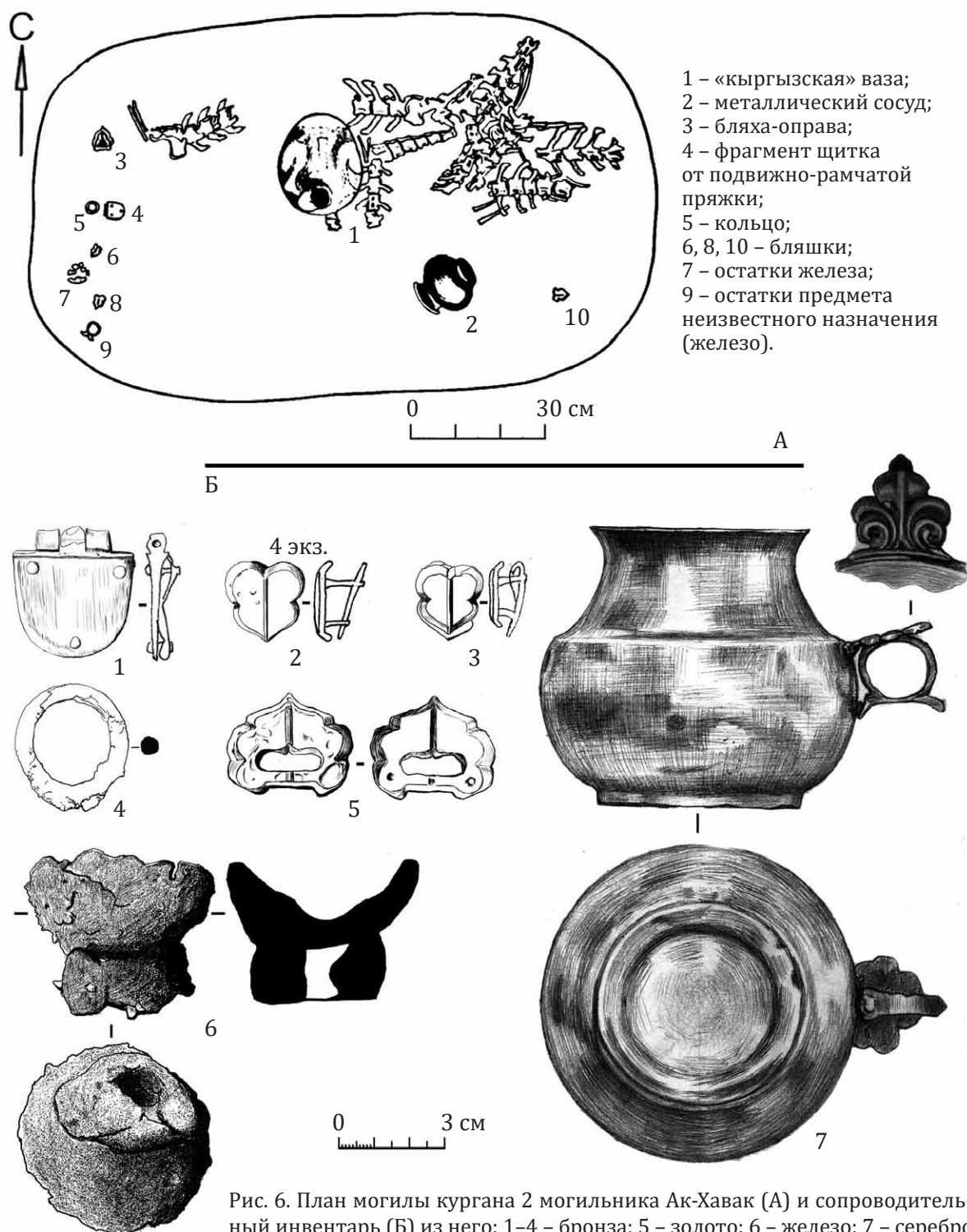
Крайне необычным представляется отсутствие следов кремации (пепла) погребённых в публикуемых памятниках, на что их исследователь обращает внимание в отчёте. Однако такой вывод не согласуется с обнаруженными предметами. В частности, на поясной гарнитуре из кургана 2 Ак-Хавака имеются следы высоких температур в виде копоти и «корольков» на поверхности (рис. 7: В, Г). Это позволяет предположить, что М. Х. Маннай-оол вполне мог не заметить следов кремации. Не исключено, что агрессивный грунт из могил публикуемых памятников также не способ-

ствовал сохранению остатков кремации, или же большинство памятников относились к кенотафам, которые известны по раскопкам начала прошлого столетия [Кызласов, 1983]. Так ли это на самом деле – установить по архивным источникам весьма затруднительно.

Материальный комплекс памятников сравнительно беден. Несмотря на это, можно сказать, что они дополняют материалы по культуре енисейских кыргызов Тувы.

Предметы вооружения представлены только железными черешковыми наконечниками стрел. Очевидно, что они были со-

держимым колчана. Все они происходят из курганов могильника на левом берегу р. Хут (всего их было четыре экземпляра, в коллекции обнаружено три). Ударная часть предметов различна: трёхлопастная с пятиугольным абрисом головки из кургана 1 (рис. 3Б: 2); трёхлопастные с треугольным абрисом головки из кургана 4 (рис. 3Б: 6, 7). Рассмотренные предметы имеют прямые аналогии во всём ареале культуры енисейских кыргызов (см. например: [Длужневская, 1994, рис. 6]).

Характерным инвентарём погребальных памятников данной эпохи являются находки костяного и металлического снаряжения, относящегося к воину и его боевому коню. В публикуемых нами комплексах они были обнаружены в курганах 1 и 2 могильника на левом берегу р. Хут и отдельно в кургане 2 могильника Ак-Хавак. В первом памятнике в кургане 1 были обнаружены костяная пряжка и пластина с отверстиями по периметру. К сожалению, последняя находка к настоящему време-

ни не обнаружена в составе коллекции и поэтому подробная характеристика её невозможна. Роговая пряжка с язычком (рис. 3Б: 1) характерна для всего саяно-алтайского средневековья, второй предмет – костяная пластина (рис. 3А: 3) – по всей вероятности, является накладкой на колчан (см. формальный аналог: [Кубарев, 2005, табл. 73: 11]). В кургане 2 была найдена фрагментированная бронзовая пряжка с неподвижной рамкой (рис. 3Б: 5), которая в отчёте названа автором исследований бляхой. Очевидно, пряжка была крепёжным элементом саадачного пояса или подвесных ремней основного, о чём свидетельствует небольшой размер предмета.

Второй памятник оказался более представительным по набору предметов снаряжения. В частности, обнаружена металлическая гарнитура парадного пояса воина. Однотипные предметы (всего пять экземпляров – четыре больших, один миниатюрный) представляют из себя бронзовые

Рис. 7. Нагар на внутренней части фрагментов керамических сосудов и следы высоких температур на бронзовых предметах пояса из публикуемых памятников (указаны стрелками): А, Б – фрагменты сосудов из могилы (см. рис. 3: 9) и насыпи (см. рис. 3: 10) кургана 1 могильника на левом берегу р. Хут; В, Г – щиток от пряжки и кольцо из могилы кургана 3 могильника Ак-Хавак

бляшки-накладки на ремень с фестончатым оформлением краёв (рис. 6Б: 2, 3) со следами высоких температур в виде копоти и «корольков». На оборотной стороне их остались пластины-фиксаторы, почти точно повторяющие лицевую часть бляшек и прикреплённые с помощью тонких шпеньков. Аналогичные по оформлению бляшки встречаются во многих памятниках саяно-алтайского региона. В частности, в Туве тождественные бляшки известны в погребениях человека с конем [Овчинникова, 2013, табл. XI: 9; XII: 10–12] и в одном кыргызском кургане № 112 у р. Туран из раскопок С. А. Теплоухова [Кызласов, 1983, рис. 12: 7–9]. Интересно, что за пределами рассматриваемого нами региона абсолютные аналогии им обнаружены в слоях последней четверти VIII в. Пенджикента в Средней Азии [Распопова, 1980, рис. 63, 18].

Отдельно нужно сказать про золотую (фольга) бляху-оправу (рис. 6Б: 5) со смещённой от центра щелевой прорезью. Она имеет «портальный» внешний абрис, по центру его, как и в случае с описанными выше предметами, проходит центрирующая нервюра. По всей вероятности, она была обкладкой бронзовой или железной бляхи-оправы, поскольку на оборотной части имеются две едва заметные вмятины шляпок шпеньков. Линии соответствия этому предмету широко представлены в средневековых памятниках Саяно-Алтайского региона и за его пределами (см., например: [Овчинникова, 1990, рис. 7]).

Остатками крепёжной системы этого пояса является щиток от подвижно-рамчатой язычковой пряжки (рис. 6Б: 1). Предмет представляет собой овально-прямоугольную пластину (U-образный абрис), сложенную вдвое и закреплённую тремя шпеньками. На прямой части щитка точно по центру имеются выступы-шарниры для крепления рамки утраченной пряжки и язычка. Неясно назначение бронзового кольца, со следами высоких температур из того же комплекса (рис. 6Б: 4; рис. 7: Г), которое, вероятно, тоже следует отнести к гарнитуре этого пояса (быть может, от саадака). Заканчивая характеристику пред-

метов пояса, обращаем внимание на факт отсутствия сложной растительной орнаментации на данных вещах, которые более соответствуют предметам так называемого общетюркского облика [Грач и др., 1998, табл. XXV]. Верхняя граница существования таких предметов в культуре енисейских кыргызов, согласно наиболее фундированной к настоящему времени типологии поясной гарнитуры Г. В. Длужневской, – не ранее первой половины X в. [1994, с. 39].

Краткого анализа требуют ещё два предмета – железные нож (курган 3 могильника на р. Хут) и сильно корродированный предмет неизвестного назначения (курган 2 могильника Ак-Хавак). Находка черешкового ножа (рис. 3Б: 6) является весьма характерной для погребений саяно-алтайского средневековья и сопредельных регионов. Другое дело – второй предмет (рис. 6Б: 6), который представляет собой полусферическое изделие, на выпуклой стороне которого имеется пластинчатое кольцо на двух ножках. По всей вероятности, эту находку можно считать миниатюрным котелком. В качестве косвенного аналога можно привести фрагменты полноразмерного котла, которые были обнаружены в кургане 4 могильника Кюзленги II на крайнем юго-западе Тувы [Грач, 1980, рис. 6: 8]. Это позволяет говорить о распространении традиции помещения котлов в комплексы енисейских кыргызов, как и в погребения раннесредневековых тюрков, а также ещё раньше – в пору существования кокэльской культуры гунно-сарматского времени, где вотивные котелки известны в большом количестве [Трифонов, 2010, рис. (фото) на с. 53: 2]. Полагаем, что масштаб данной похоронно-поминальной практики у енисейских кыргызов ещё предстоит оценить в будущем.

Из раскопанных исследователем памятников происходит металлическая и керамическая посуда, обнаруженная в кургане 1 могильника на р. Хут (в могиле и в насыпи) и кургане 2 могильника Ак-Хавак.

Керамическая посуда представлена развалом двух сосудов баночной формы и изготовленной на гончарном круге «кыргыз-

ской»³ вазой. Находки сосудов в виде банки (рис. 3А: 1, 8) весьма характерны для памятников эпохи [Кызласов, 1983, рис. 11: 4, 5; Овчинникова, Длужневская, 2000, рис. 9: 4, 5]. Следует отметить, что на внутренней стороне обоих сосудов (рис. 7: А, Б) имеется нагар, в связи с чем в будущем перспективно провести соответствующий анализ.

«Кыргызская» ваза (рис. 8: 1) – редкая, но встречаемая вне территории «метрополии» категория посуды (см., например: [Мартынова, 1976]). Выше мы указывали, что ранее она была опубликована в работе Л. Р. Кызласова и Г. Г. Король как «Эрбек, курган 3» [Кызласов, Король, 1990, рис. 14, 15]. Однако имеются некоторые неточности в воспроизведённом исследователями рисунке предмета и его контексте. Очевидно, что этот же сосуд, а если быть точнее, рисунок со всеми неточностями источника, вошёл также в статью по типологии раннесредневековых центральноазиатских ваз П. А. Азбелева [2007, ил. 3: А; 4]. Следовательно, будет правильно еще раз проанализировать данную находку.

Форма тулова сосуда яйцевидная, с плоским дном; венчик отогнут наружу; отдельные части его повреждены почти полностью. В верхней трети тулова проходит сложный орнамент из волют, который изготовлен в комбинированной технике: фигурный штампованный рисунок (в виде «ёлки») и резное оформление краёв волют. Согласно типологии П. А. Азбелева, сосуд может относиться к типу «узкогорлых», чему не противоречит соотношение форм дна и горловины. Поэтому данный предмет может датировать комплекс в рамках IX–X вв., хотя изготавливать такие сосуды могли с конца VII–VIII вв. [Азбелев, 2007, ил. 5].

В однокультурных комплексах Тувы, насколько известно, имеется несколько подобных находок. Данные по обнаруженной Л. Р. Кызласовым вазе в кургане 2 могильника Шанчиг весьма запутанны. В сводной таблице книги «История Тувы в средние века» представлен полностью сохранившийся сосуд, а ниже по тексту имеется иллюстрация обломка вазы, орнамент на котором – в виде ромбов [Кызласов, 1969,

³ П. А. Азбелев считает, что «этнические определения часто неточны, спорны и некорректны, так что вернее говорить о минусинской и тувинской группах (гончарных ваз. – К. М., М. М.); первые обнаруживают в могилах на чаатасах и синхронных им могильниках Минусинской котловины, вторые сосредоточены в катакомбах могильника Чааты I в Центральной Туве» [2007, с. 145]. Мы в общих чертах поддерживаем такую оценку исследователя, а такое наименование этого предмета оставили в силу утвердившейся историографической традиции.

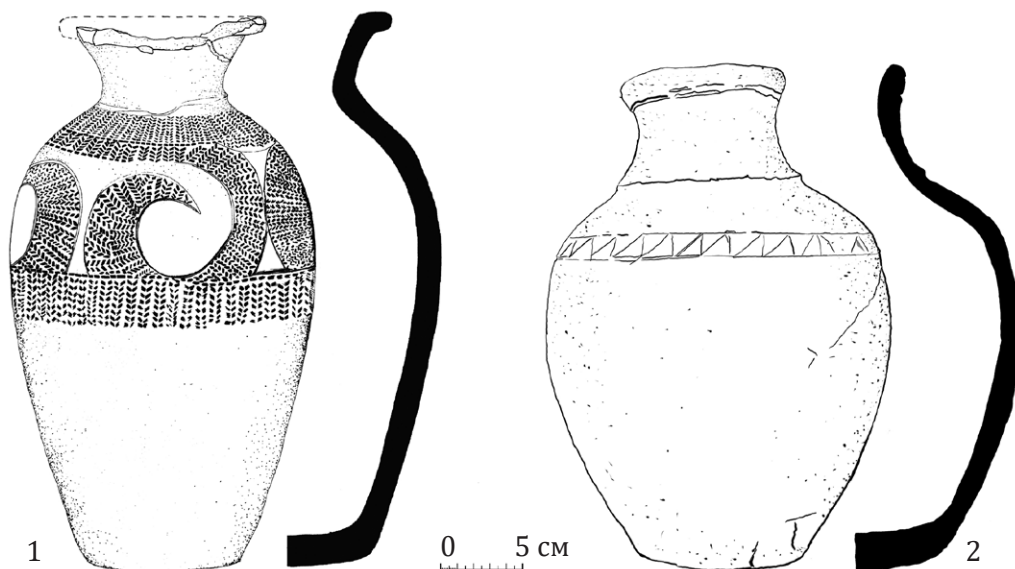

Рис. 8. «Кыргызская» ваза из кургана 2 могильника Ак-Хавак (1) и керамический сосуд из ритуальной выкладки у оз. Амдайгын (2)

с. 99, табл. 1, 1; рис. 31, 4]. Такая же информация представлена в полной публикации могильника Шанчиг, но в статье не фигурирует рисунок предмета [Кызласов, 1978, с. 40]. Вероятно, ваза из таблицы книги была обнаружена в другом комплексе, а подпись к ней ошибочна. Б. Б. Овчинникова также указывает на фрагмент «кыргызской» вазы в кургане 3 группы I могильника Аймырлыг 2 на левом берегу р. Чаа-Холь. Датировка этого комплекса находится в рамках второй половины IX–X вв. [Овчинникова, 2018, с. 154]. Очень важно отметить, что публикуемой посуде имеется также формальный аналог (рис. 8: 2) из одиночной ритуальной выкладки у оз. Амдайгын в Южной Туве [Маннай-оол, 1968, с. 328]. В общих чертах он почти повторяет основные формы вазы из Ак-Хавака, и отличается только орнаментацией в верхней трети тулова – резной поясok в виде треугольников. Также важно, что данный сосуд, очевидно, изготовлен не на гончарном круге, а вручную, ленточным способом. В общих чертах можно сказать, что этот сосуд является подражанием (по крайней мере, форме) «кыргызских» ваз [Евтюхова, 1948, с. 14, 94, 95] и имеет аналогию в одном из кыргызских комплексов у горы Тепсей на Среднем Енисее [Грязнов, Худяков, 1979, рис. 84: 2].

Престижность публикуемой вазы из Ак-Хавака не вызывает сомнений, на это указывают и находки металлической посуды. Они представлены целым серебряным кувшином из кургана 2 могильника Ак-Хавак (рис. 6Б: 7) и фрагментом дна посуды такого же типа из кургана 1 могильника на р. Хут (рис. 3Б: 3). Наиболее интересен первый кувшин, который, при всём сходстве с аналогичными предметами из памятников эпохи, имеет ряд уникальных черт. В целом, у предмета характерные для такой посуды морфологические свойства – полусферическое тулово с ярко выраженным угловатым плечиком, от которого вверх отходит невысокая воронковидная горловина с отогнутым наружу венчиком, а также слившийся с туловом поддон и ручка в виде кольца. Интересно оформле-

ние последнего элемента данной посуды: в верхней части ручки-кольца имеется декоративная бляшка в виде трилистника, а в нижнем – изогнутое ребро. Указанные элементы выступают держателями ручки, которые присоединены к тулову сосуда. В целом эти два предмета пополняют серию серебряных кувшинов, обнаруженных на территории Верхнего Енисея и сопредельных регионов. Они известны в курганах раннесредневековых тюрок Алтая и Тувы (см.: [Овчинникова, 1990, рис. 32: 1–4; Кубарев, 2005, рис. 18: 2, 5]) и в кыргызских памятниках [Маннай-оол, 1963; Грач и др., 1998, табл. XIX: 23; Длужневская, Савинов, 2007, фото случайной находки на вклейке]. В последнем случае особо интересен предмет из кургана 2 Эйлиг-Хема III, который является наиболее поздней находкой подобного типа. Следует сказать, что оформление ручки в виде трилистника (характерного орнаментального мотива в металлопластике культуры кыргызов) из публикуемого комплекса указывает на его принадлежность именно к IX–X вв. [Длужневская 1994, рис. 18; Король, 2007, с. 180].

Заканчивая характеристику материального комплекса, вводимого в научный оборот, следует остановиться ещё на двух примечательных находках: железной фигурной пластине (рис. 3Б: 2) и утраченной ещё при раскопках лаковой чашечке. Первая находка была обнаружена вместе с развалом баночного керамического сосуда (рис. 3Б: 10) в камнях наземного сооружения кургана 1 могильника на р. Хут. Она представляет собой пластину, в нижней части которой имеется фигурное оформление, в верхней – петля для шарнирного соединения. Общая форма предмета не характерна для памятников IX–X вв. и соответствует значительно более позднему типу вещей так называемого аскизского облика (см., например: [Кызласов И. Л., 1983, табл. IX; Грач и др., 1998, табл. XXV]). Если данная находка является необычной, то второй предмет, обнаруженный в кургане 3 могильника Ак-Хавак, весьма характерен для памятников указанного периода.

Вероятно, он был аналогичен чернолаковой чашечке, обнаруженной в кургане 17 известного Шанчигского могильника [Кызласов, 1978, рис. 2: 5].

Хронологическая позиция памятников представляет большой интерес, так как у исследователей сложились разные мнения по этому поводу. Как полагал автор отчёта о раскопках, довольно архаичные предметы, такие, как «кыргызская» ваза или гарнитура конского и поясного снаряжения, чётко позволяют атрибутировать публикуемые памятники временем ранее 840 г. (период 20-летней войны енисейских кыргызов с уйгурами). Такую же датировку приводили Г. В. Длужневская и Вл. А. Семёнов относительно могильника Ак-Хавак в публикации кыргызских памятников правобережья р. Улуг-Хем – курганов в урочищах Ангор-Хову и Чайлаг-Ховак. В этой работе указывалось следующее: «Крайне любопытно, что памятники, которые были известны здесь, в восточной части правобережья Улуг-Хема до настоящего времени, и авторы раскопок (С. И. Вайнштейн и М. Х. Маннай-оол; имеются в виду раскопанные ими курган со стелой у горы Хербис-Баары и могильник Ак-Хавак. – К. М., М. М.), и мы – по конструктивным и обрядовым особенностям и сопроводительному инвентарю – датировали временем до сере-

дины IX в. н. э.» [Вайнштейн, 1963; Длужневская, Семёнов, 1990, с. 79]. Но едва ли такая датировка может быть принята, поскольку архаичные вещи, обнаруживаемые в памятниках кыргызов (к примеру, поясная фурнитура общетюркского облика) могут существовать довольно долго, до середины X в. Поэтому мы, руководствуясь, в первую очередь, данными картографии кыргызских комплексов, представленными в более поздней работе Г. В. Длужневской с соавторами, а также разработанной ею же типологией материального комплекса, склонны относить настоящие памятники к широкому хронологическому отрезку IX–X вв. [Грач и др., 1998, табл. XXV]. При этом возможно их осторожное сужение. Так, на основе декора бляшки от ручки кувшина (рис. 6Б: 7) из кургана 2 Ак-Хавака и железной фигурной пластины из кургана 1 могильника на р. Хут (рис. 3Б: 9) можно в определённой мере допустить дату исследованных М. Х. Маннай-оолом памятников в рамках второй половины IX – начала / первой четверти X вв. Разумеется, такая хронологическая позиция комплексов не безусловна. Думается, новые исследования и публикация ещё не введенных в научный оборот материалов (а их число пока велико), могут как опровергнуть, так и подтвердить данные по этому вопросу.

Литература

- Азбелев П. А. Раннесредневековые центральноазиатские вазы: декор и контекст // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 145–157.
- Грач А. Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озёр и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. 1980. Вып. XXII. С. 103–123.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: «Фундамент-Пресс», 1998. 84 с.
- Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.
- Длужневская Г. В., Семёнов Вл. А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. С. 76–85.
- Длужневская Г. В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н. э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Lodz, 1994. Fasc. VI. С. 21–43.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН – СПбГУ, 2007. 198 с.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 109 с.

- Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 404 с.
- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. М.: Наука, 1983. 128 с. (Свод археологических источников. ЕЗ-18).
- Кызласов Л. Р.* Курганы древнехакасской тютятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестник Московского государственного университета. 1978. Серия VIII. История. С. 38–56.
- Кызласов Л. Р.* Курганы тютятской культуры Тувы (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // Советская археология. 1983. № 3. С. 153–169.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Маннай-оол М. Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 году // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1963. Вып. X. С. 238–246.
- Маннай-оол М. Х.* Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 г. // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1968. Вып. XIII. С. 322–328.
- Маннай-оол М. Х.* Раскопки в Тувинской АССР // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 200–201.
- Мартынова Г. С.* Погребения с «кыргызскими» вазами в курганах Михайловского могильника // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КемГУ, 1976. Вып. 7. С. 68–80.
- Нечаева Н. Л.* Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 108–142.
- Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б. Б.* Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). Коллективная монография. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 139–172.
- Овчинникова Б. Б.* Могильник Аймырлыг 2 – наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 149–155.
- Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.
- Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.: Наука, 1980. 142 с.
- Трифонов Ю. И.* Могильники Аргалыкты I, VI–VII, XI–XIII и Кара-Тал I–V // Памятники кокзальской культуры: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 46–79.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00005

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ПАМЯТНИКАХ СУХОВО I И ЛЮСКУС III В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО

И. А. Плац

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

Поиск новых археологических памятников, а также исследование и мониторинг состояния сохранности уже известных местонахождений, остаётся одной из самых актуальных задач археологии, особенно для слабоизученных районов, таких, как район современного г. Кемерово, расположенного на стыке Нижнего и Среднего Притомья. Цель статьи заключается во введении в научный оборот результатов разведочных изысканий 2018 г. на территории г. Кемерово. В данной статье публикуются материалы двух памятников – ранее неизвестной средневековой стоянки Люскус III и разновременного поселения Сухово I. Проведённые исследования дополняют археологическую карту Притомья и расширяют источниковую базу по древней и средневековой истории региона.

Ключевые слова: средневековье, бронзовый век, неолит, Притомье

ARCHAEOLOGICAL FINDS AT SUKHOVO I AND LUSKUS III SITES IN THE CITY OF KEMEROVO

I. A. Plats

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The search for new archaeological sites is one of the most urgent tasks of the Russian archaeology, particularly, in insufficiently explored areas, the modern city of Kemerovo located on the border of the Lower and Middle Tom regions is still among these. The purpose of the article is to introduce information on materials obtained during reconnaissance research in the territory of the city of Kemerovo in 2018. This paper publishes materials of two sites – the previously unknown medieval site Luskus III and the multi-period settlement Sukhovo I. The research complements the archaeological map of the Tom river region and source base for the research in early and medieval history.

Keywords: the Middle Ages, the Bronze Age, the Neolithic, the Tom river region

*Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН
№ 0352-2019-0006 «Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири
(ранний и поздний голоцен)»*

Введение

В 2018 г. сводным отрядом, состоящим из сотрудников ФИЦ УУХ СО РАН, музея-заповедника «Томская Писаница», КемГУ и волонтеров была проведена археологическая разведка на территории г. Кемерово (Кемеровская область). Цель работ заключалась в выявлении новых и обследовании уже известных объектов археологического наследия на территории г. Кемерово. В результате были выявлены и поставлены на учёт объекты культурного (археологического) наследия: поселение «деревня

Кемерово» (XVIII–XX вв.), стоянка Люскус III (средневековье), стоянка Сухово II (поздний бронзовый век); а также обследованы ранее известные памятники Люскус I (поздний бронзовый век) и Сухово I (разновременный). Материалы частично опубликованы [Марочкин и др., 2018; Марочкин, Плац, 2019; Плац, 2019а].

Разведки в черте г. Кемерово стали плановым продолжением многолетних усилий сотрудников лаборатории археологии Института экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН по составлению археологиче-

ской карты наименее изученных районов Притомья [Марочкин, Герман, 2011; Плац, 2017], в ходе которых проведена череда разведок на северо-западе Кемеровской области [Марочкин и др., 2012; Марочкин, Плац, Конончук, 2015; Марочкин, Юракова, Сизёв, 2015; Плац, 2019б]. В 2018 г. эти работы осуществлялись в рамках реализации проекта «Древняя история Кемерова», поддержанного Фондом Президентских грантов и Администрацией г. Кемерово.

В данной статье вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы памятников Сухово I и Люскус III, полученные в результате археологической разведки 2018 г.

Сухово I

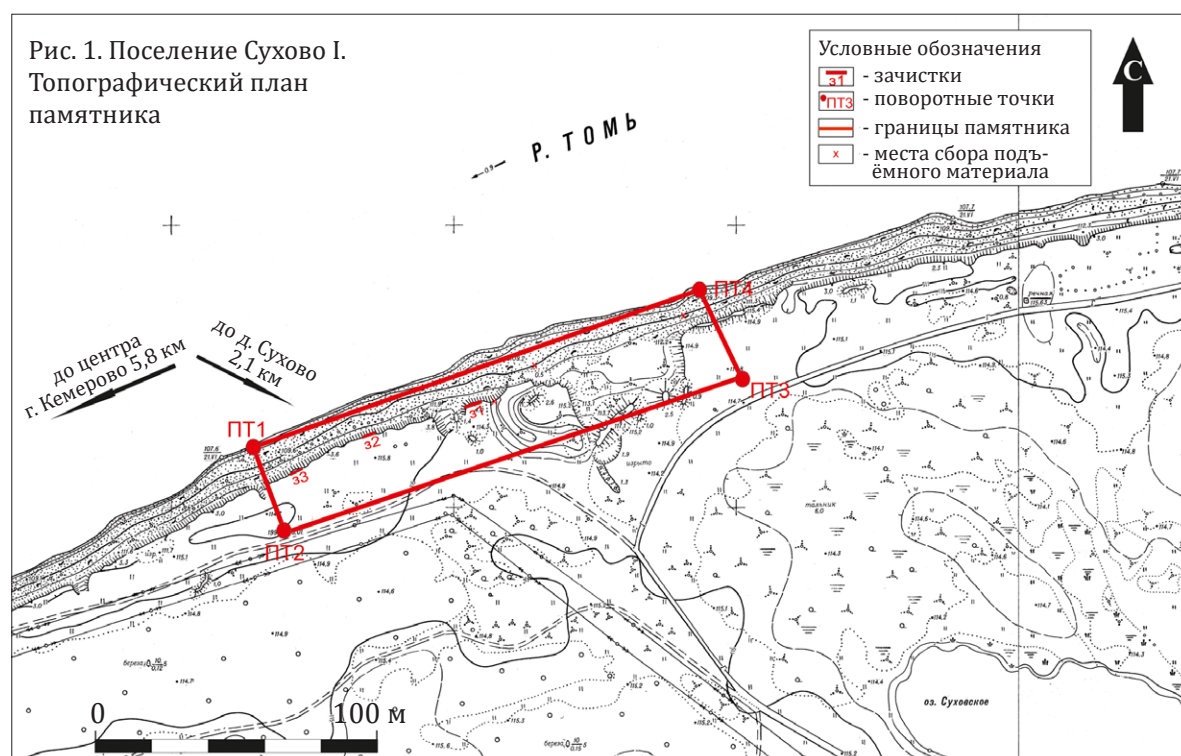
Краткая история изучения памятника. Поселение открыто в 1971 г. С. Н. Ивлевым, им же в разные годы собран подъёмный материал. Основные результаты этих сборов опубликованы [Марочкин, Плац, 2019], коллекция хранится в Кемеровском областном краеведческом музее. Позднее на западном берегу Суховского озера, но в другом месте, подъёмный материал собирали Ю. М. Бородин и А. М. Кулемзин [Кулемзин, Бородин, 1989, с. 62, 63]. Дан-

ное местонахождение предложено выделить в отдельный памятник – Сухово II [Плац, 2019а].

Так как точное местоположение памятника Сухово I оставалось неизвестным, в разведке 2018 г. участвовал первооткрыватель памятника С. Н. Ивлев. Материалы разведки представлены ниже.

Расположение памятника (рис. 1). Поселение Сухово I расположено в черте г. Кемерово на первой надпойменной террасе левого берега р. Томи, на своеобразном перешейке между р. Томью и оз. Суховским, в 360 м к СЗ от северо-западной оконечности оз. Суховского, в 630 м к СЗ от родника, известного кемеровчанам как «Святой источник». Ближайшими населёнными пунктами являются г. Кемерово – 5,8 км (до центра города) на ЮЗ от памятника, и д. Сухово – 2,1 км на ЮВ от памятника.

Состояние. Территория памятника хорошо задернована, за исключением береговых участков, которые медленно осыпаются. Гораздо большую опасность представляет антропогенная нагрузка на памятник. Во-первых, данная территория является излюбленным местом отдыха жителей Ленинского района г. Кемерово,

в результате чего на территории памятника бульдозером был скрыт участок берега для оборудования съезда к реке. Во-вторых, в 1980-х гг. во время строительства микрорайона «Шалготарьян» с территории памятника, по всей видимости, брался грунт, так как имеются многочисленные следы глубоких рытвин и бульдозерных «ходов». В это же время сюда свозились и выбрасывались бракованные бетонные панели зданий. В целом, состояние памятника можно признать удовлетворительным, за исключением участков, разрытых бульдозером.

Описание находок и стратиграфии (рис. 2). Для определения стратиграфии и границ памятника, а также выяснения его культурно-хронологической принадлежности было произведено три зачистки обнажений почвенного покрова.

В зачистке № 1 обнаружена одна находка – отщеп случайной формы размерами 2,5 × 1,9 × 0,3 см (рис. 2: 1).

В зачистке № 2 обнаружено 29 фрагментов тулова и придонной части одного сосуда (рис. 2: 2–9). Цвет – коричневый. Толщина стенок – 0,8 см. На одном фрагменте имеется орнамент в виде горизонтальной линии и прямых оттисков гладкого штампа.

В зачистке № 3 обнаружена одна находка – фрагмент орнаментированного венчика керамического сосуда (рис. 2: 10). Цвет – коричневый. Толщина стенок – 0,6 см. Фрагмент орнаментирован рядами прямых и наклонных оттисков гребенчатого штампа.

Достаточно необычна стратиграфия памятника, выявленная в ходе зачисток и осмотра обнажений. Она характеризуется большой толщиной гумусированной супеси (более 1 м), которая образовалась в результате постепенного отложения речных наносов. Именно этот слой является культуросодержащим. Гумусированный горизонт сменяется смешанным слоем гумуса с речным песком коричневого цвета. Далее идет слой чистого речного песка. В одной из зачисток встретилась линза из галек, которая образовалась тоже в результате реч-

ных наносов. Следует заметить, что по причине большой мощности слоя гумуса стационарные раскопки памятника будут связаны со значительными трудозатратами по сравнению со среднестатистическими памятниками Южной Сибири, где слой гумуса составляет обычно не более 0,5–0,6 м.

Кроме того, С. Н. Ивлевым переданы ещё несколько предметов с памятника Сухово I. Во-первых, это венчик и тулово светло-серого цвета (рис. 2: 11, 12). Толщина стенок – 0,8 см. На венчике имеется орнамент в виде двух рядов трапециевидных оттисков. Во-вторых, заготовка каменного тесла размерами 13 × 12 × 3 см, с крупными сколами на одной из плоскостей (рис. 2: 13).

Культурная принадлежность и вопросы датировки. Предметы, найденные на памятнике Сухово I, принадлежат к разным археологическим периодам.

К неолиту – раннему бронзовому веку относятся отщеп из зачистки № 1 и заготовка тесла. Ранее уже публиковались другие находки этого времени на памятнике Сухово I [Марочкин, Плац, 2019].

К позднему бронзовому веку предположительно можно отнести фрагменты от керамического сосуда, обнаруженного в зачистке № 2. На это указывает тот факт, что на соседнем ирменском поселении Люскус I встречаются похожие по технике изготовления сосуда. Фрагменты залежали достаточно глубоко – 70–78 см от уровня современной поверхности.

К раннему железному веку и средневековью предположительно можно отнести фрагмент венчика из зачистки № 3. Он залегал на глубине 50 см от современной поверхности – это выше, чем фрагменты сосуда из зачистки № 2, а значит – относится к более позднему времени. К раннему железному веку, возможно, относится фрагмент, орнаментированный трапециевидными оттисками.

Люскус III

Краткая история изучения памятника. Памятник открыт в июле 1996 г., когда С. Н. Ивлевым и В. А. Зиновьевым к западу

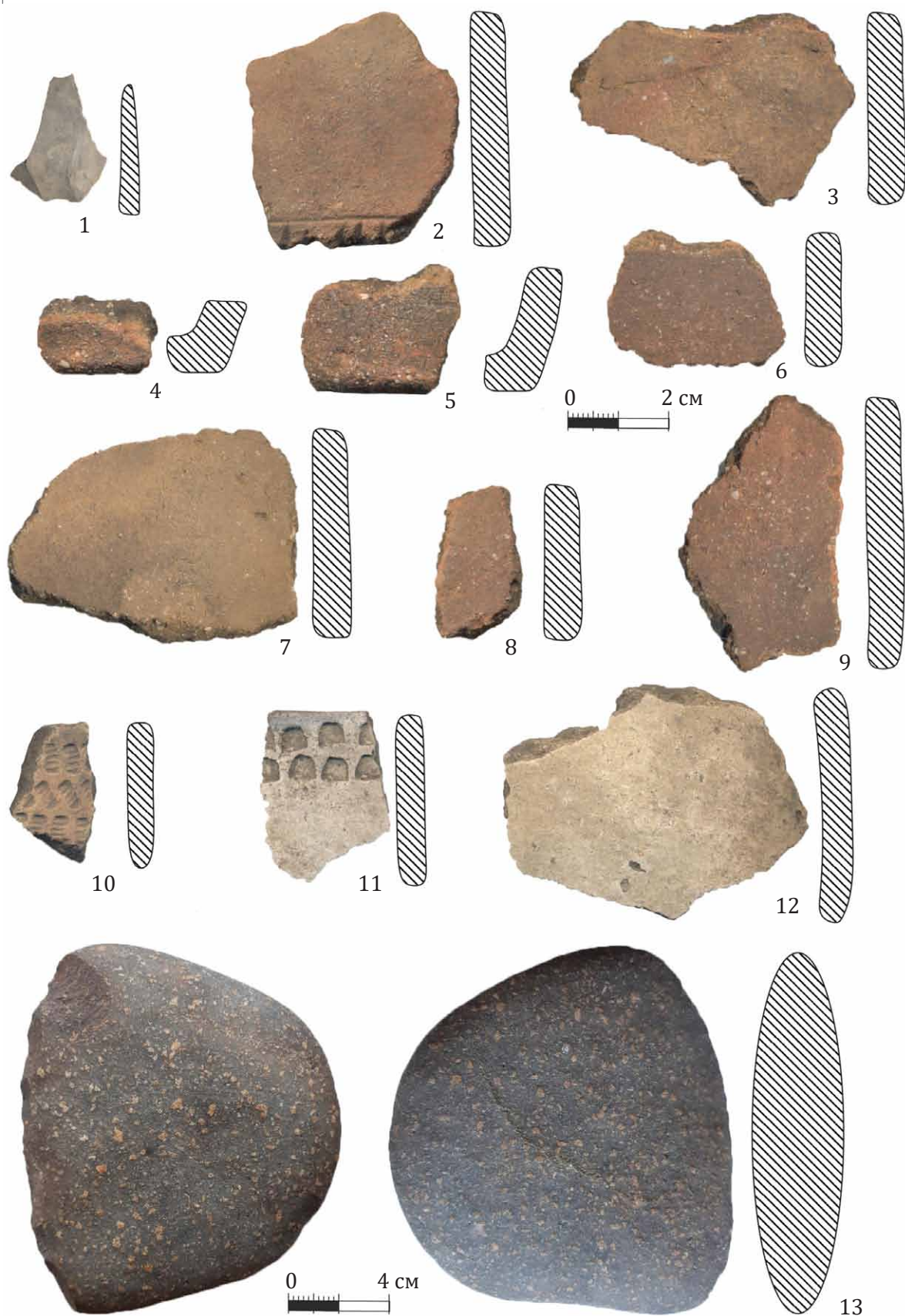

Рис. 2. Поселение Сухово I. Находки: 1 – отщеп; 2-12 – фрагменты керамических сосудов; 13 – заготовка тесла. 1 – зачистка № 1; 2-9 – зачистка № 2; 10 – зачистка № 3; 11-13 – подъемные сборки

от памятника Люскус I в береговом обрыве был обнаружен развал керамического сосуда. В 2018 г. памятник повторно обследован и поставлен на учёт в качестве выявленного объекта археологического наследия.

Расположение памятника (рис. 3). Поселение Люскус III расположено в черте г. Кемерово на надпойменной террасе правого берега р. Томи, в месте, где террасу разрезает глубокий овраг от пересохшего ручья, образуя мысовидный участок, к 250 м к ЮЗ от здания по адресу ул. Ноябрьская, 70/5, в 400 м к З от устья р. Люскус.

Состояние. Памятник находится на мысу, высоко вздымающемся над поймой р. Томи. Обрывы отвесные, поэтому происходит естественное медленное обрушение берега. Территория памятника поросла березняком. Стоянка находится рядом с оживлённой дорогой, соединяющей Кемерово с дачными посёлками и сёлами Елыкаево и Старочервово. Ещё в 1960-х гг. здесь были сооружены крепления для боннов (по Томи раньше производился лесосплав).

Этот факт фиксируется наличием оплывших траншей. Территория памятника местами замусорена, но, в целом, его состояние удовлетворительное.

Описание находок (рис. 4). В осыпи берега найден развал большого лепного круглодонного керамического сосуда. Сосуд частично реконструирован. Толщина стенок – от 1 см в зоне венчика, до 0,5 см в зоне тулова. Цвет теста – тёмно-коричневый, почти чёрный. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда – венчик и часть тулова. Срез венчика орнаментирован отпечатками гладкого штампа, из-за чего он приобрёл «волнообразный» вид. У самого среза венчика нанесены миниатюрные сквозные ямки. Далее идёт пояс наклонных отпечатков крупного гребчатого штампа. Переходная зона от венчика к тулову орнаментирована тремя рядами вдавлений, сделанных пальцем, с ногтевыми отпечатками. Ниже расположена небольшая полоса без орнамента, после которой нанесены небольшие наклепные волнообразные валики. Нижняя часть сосуда орнамента не имела.

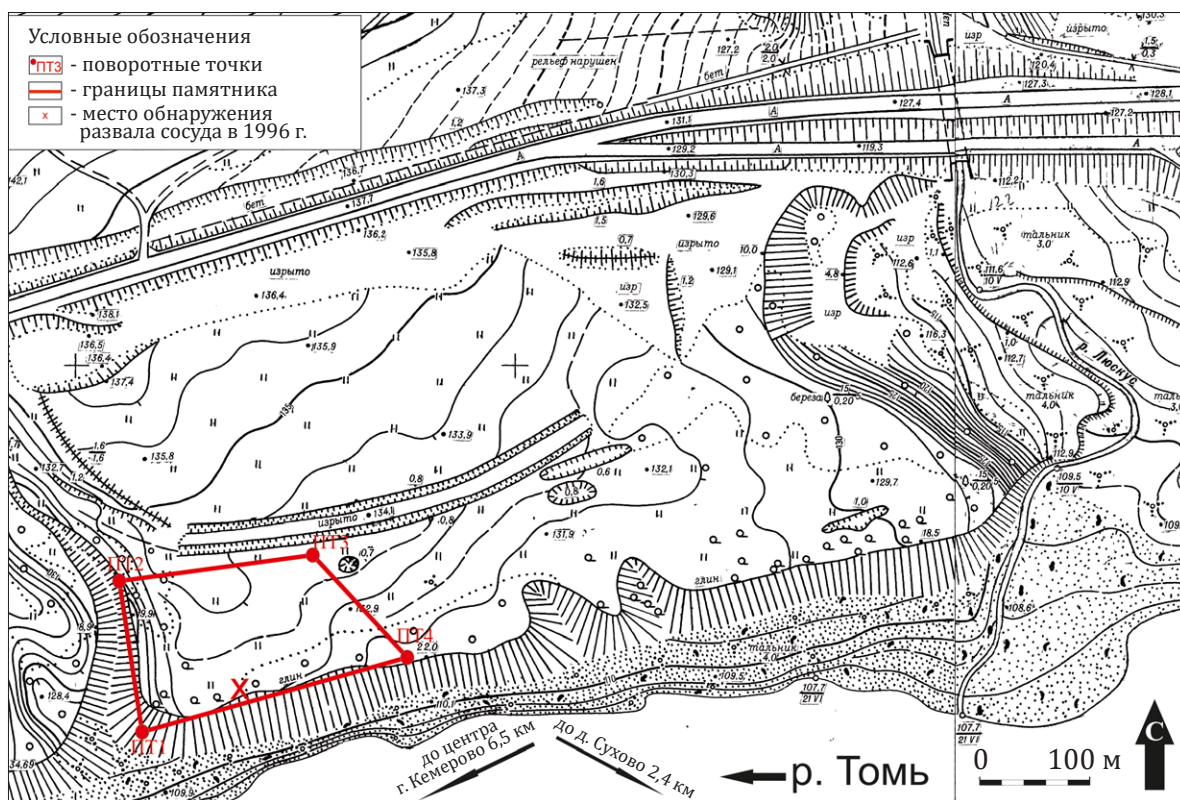

Рис. 3. Стоянка Люскус III. Топографический план памятника

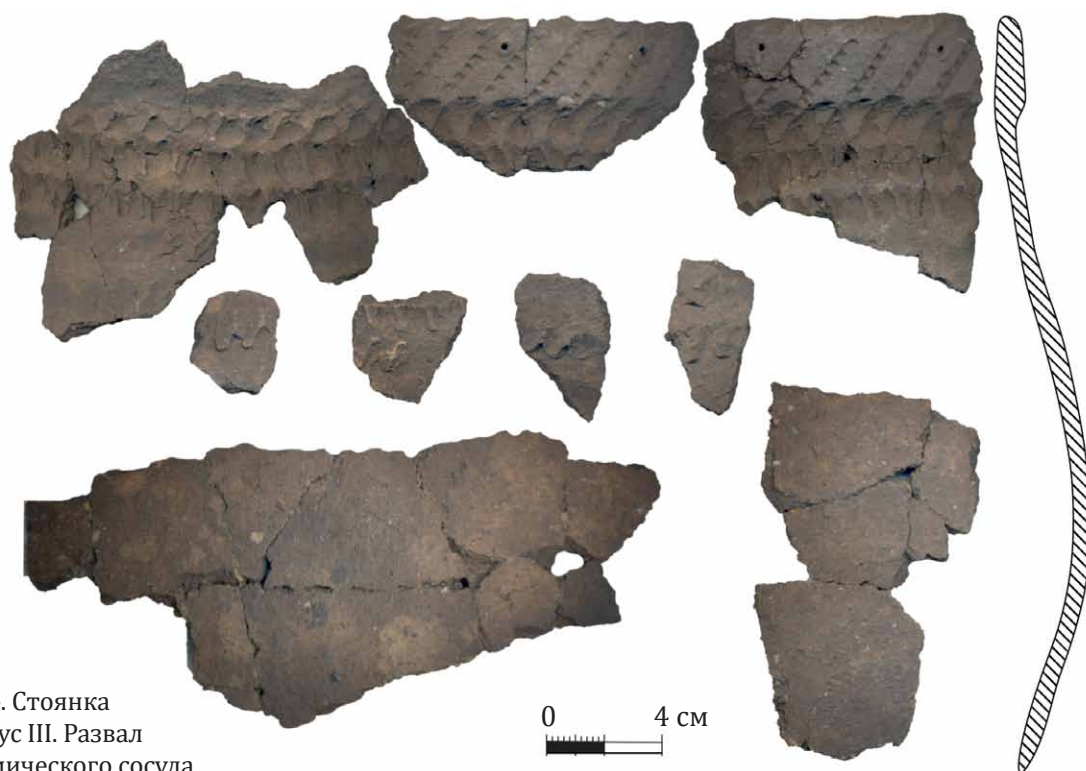

Рис. 4. Стоянка
Люскус III. Развал
керамического сосуда

Культурная принадлежность и вопросы датировки. Посуда, аналогичная найденному на стоянке Люскус III сосуду, известна в Среднем Причумылье в средневековом Змеинкинском могильнике, в частности, в курганах 55 и 56 [Беликова, 1996, с. 58–63, рис. 34, 40]. Материалы данных курганов датируются серединой XI–XII вв. и относятся к культуре енисейских кыргызов [Беликова, 1996, с. 98, 99, 126–136]. Кроме того, похожая керамика имеется на памятнике Казанково-14 в Горной Шории, датированном началом II тыс. н.э. [Ширин, 2003, с. 245]. Но ближайшей аналогией является коллекция средневековой керамики с поселения Ивановка 1 на юге Нижнего Притомья, датированная VI–X вв., с возможным заходом в начало второго тысячелетия н.э. Данная керамика связывается с рёлкинской и лачиновской культурами [Марочкин и др., 2018, с. 9–11].

Таким образом, появление стоянки Люскус III предварительно можно датировать

в рамках VIII–XII вв. и связать с расселением тюркоязычных племен в Южной Сибири.

Заключение

В результате проведённой археологической разведки была достигнута основная цель – выявлены новые объекты археологического наследия на территории г. Кемерово, а также получены новые данные об уже известных памятниках.

Материалы памятников Сухово I и Люскус III дополнили источниковую базу по древней и средневековой истории Притомья. В дальнейшем необходимо проведение локальных земляных работ на данных объектах с целью установления более точных границ, а также уточнения мощности культурного слоя и, тем самым, перспективности осуществления стационарных раскопочных работ, так как обнаруженные находки свидетельствуют о стояночном, недолговременном характере этих памятников.

Литература

Беликова О. Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томского университета, 1996. 272 с.
Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.

Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. III. С. 78–86.

Марочкин А. Г., Плац И. А. Каменные артефакты из археологических находок у Суховского озера в городе Кемерово // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово. 2019. Вып. 9. С. 12–16.

Марочкин А. Г., Плац И. А., Конончук К. В. Результаты археологической разведки 2015 года в южных районах Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 58–65.

Марочкин А. Г., Плац И. А., Сизёв А. С., Васютин С. А., Веретенников А. В. Начало археологического изучения «кемеровских» деревень // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 65–73.

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Сизёв А. С. Результаты разведки на юге Нижнего Притомья в 2013 г. в Яшкинском районе Кемеровской области // Археологические открытия 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2015. С. 694.

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Сизёв А. С., Щербакова А. В., Плац И. А. Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2012 г. // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. С. 113–115.

Плац И. А. Материалы к археологической карте юга Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 6. С. 45–56.

Плац И. А. Сухово II – стоянка ирменской культуры в черте г. Кемерово // Ежегодная конференция молодых ученых ФИЦ УУХ СО РАН «Развитие – 2019» [Электронный ресурс]: сборник трудов конференции 23–25 апреля 2019 г. Кемерово: ФИЦ УУХ СО РАН, 2019а. С. 288–296.

Плац И. А. Разведки в Кемеровском районе // Археологические открытия. 2017 год. М.: Институт археологии РАН, 2019б. С. 473–474.

Ширин Ю. В. Горная Шория в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. С. 242–246.

ЛОДКИ НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И. Д. Русакова

Музей-заповедник «Томская Писаница»

Новоромановская писаница имеет ряд особенностей по сравнению с другими памятниками наскального искусства реки Томи. Одна из таких особенностей – большое количество изображений лодок относительно других петроглифов памятника. В статье анализируются композиции с лодками, выявленные и уточнённые в результате расчистки плоскостей писаницы от лишайников.

Ключевые слова: Новоромановская писаница, петроглифы, лишайники, расчистка, изображения лодок

THE BOATS OF NOVOROMANOVO ROCK ART SITE

I. D. Rusakova

Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The Novoromanovo rock art site has a number of peculiar features outstanding among other rock art sites of the Tom river. One of the peculiarities is the large number of boat images relative to other petroglyphs on the site. The paper analyzes the compositions with boats identified and refined as a result of clearing off the lichens.

Keywords: the Novoromanovo rock art site, petroglyphs, lichens, clearing, boat images

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 20-49-420003 р_а
«Наскальное искусство Кузбасса: хронология, мифология и культурная принадлежность»*

Введение

Новоромановская писаница имеет ряд особенностей по сравнению с другими памятниками наскального искусства Томи. Среди них: локализация основной группы петроглифов на наклонных выходах скальной породы, расположенных на незначительной высоте на берегу, у уреза воды; наличие пласта изображений, в хронологическом отношении самого позднего на Томи и характерного только для этого памятника; самое большое количество изображений медведей на писаницах Притомья; наличие сюжетов и образов, уникальных для томских писаниц (змея, кошачий); самое большое количество изображений лодок относительно других петроглифов памятника и в целом самое большое количество изображений лодок на Томи.

Значительное процентное соотношение лодок и других петроглифов писаницы

отмечали ещё первые исследователи памятника. По их сведениям, «лодки составляют третью часть всех рисунков» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 229]. В настоящее время, когда проведена расчистка плоскостей Новоромановской писаницы от лишайников, в связи с чем были внесены существенные корректировки в существующую ранее общую картину памятника, мы можем говорить о том, что изображения лодок в количественном отношении составляют примерно восьмую часть, или около 13 %. К сожалению, о количестве рисунков применительно к Новоромановской писанице можно говорить лишь приблизительно из-за существенного объёма повреждений, которым подвергались и подвергаются скальные плоскости на протяжении всего своего существования. Причины столь серьёзных повреждений уже приводились ранее [Ков-

тун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 140; Русакова, 2018, с. 39, 40]. В результате значительная часть рисунков дошла до нас лишь во фрагментах, по которым часто трудно судить о том, что же первоначально было изображено древним художником.

Тем не менее, количество определяемых на сегодняшний день изображений лодок на памятнике весьма значительное. Они находятся как на наклонных скальных выходах на берегу, так и на вертикальных плоскостях, расположенных на различной высоте над уровнем воды.

Описание изображений

Практически все изображения лодок входят в состав различных композиций (рис. 1–5). Исключение составляет лодка, обнаруженная на небольшом скальном выходе в 2011 г. в ходе раскопок местонахождения Долгая I, расположенного над основным комплексом петроглифов писаницы [Ковтун, Марочкин, 2013, табл. 1]. Лодка представляет собой прямую горизонтальную линию, перпендикулярно которой выбито пятнадцать «столбиков»-«пассажиров». Справа и чуть выше лодки выбито изображение, напоминающее голову лося. По его расположению можно допустить, что голова изображена на носу лодки. Линий эскиза «шеи» обнаружить не удалось: поверхность очень неровная, сплошь покрытая складками и трещинами (рис. 1: 1; 6: 1).

На плоскости II.3 зафиксирован рисунок лодки с шестью гребцами, нос (?) которой представляет собой изогнутую линию, обращённую выпуклым концом вверх. Лодка выбита над двумя фигурами лосей, развёрнутых головами в противоположные стороны (рис. 1: 2; 6: 2). В нижнем левом углу нанесено изображение животного на двух ногах (одной передней и одной задней), с выгнутой спиной и поднятым вверх хвостом. На округлой голове в технике гравировки показаны два небольших уха в виде буквы «V». По всем признакам это фигура кошачьего, аналогов которой нет больше среди петроглифов Томи.

Рисунок лодки на плоскости II.3 был опубликован А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым как рисунок 1 [Окладников, Мартынов, 1972, с. 128, 1] (рис. 7: 1).

Изображение лодки с крупной головой животного на носу находится на плоскости II.4, так же, как и на предыдущей плоскости, в верхней части композиции, над двумя развёрнутыми в противоположные стороны фигурами лосей (рис. 1: 3; 6: 3). Слева сверху на плоскости выбито изображение неопределённого животного (медведя?); рядом с верхней фигурой лося, соприкасаясь с ней головой, находится ещё одна фигура лося (?), сохранившаяся фрагментарно: голова и часть линии спины (рис. 1: 3).

У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодка с плоскости II.4 опубликована под № 5 [Там же, с. 128, 5] (рис. 7: 5).

По крайней мере две лодки присутствуют на плоскости II.9. Крупное изображение лодки с головой лося на носу и с шестью сохранившимися гребцами находится в верхней части композиции (рис. 1: 4; 6: 4). Под этой лодкой выбито две фигуры лося одна под другой, направленные головами вправо. Перед нижней фигурой лося находится ещё одна подобная фигура, также головой вправо. Над ней – лось, направленный влево. Голову этой фигуры перекрывает глубоко выбитый солярный знак.

Второе изображение, которое можно определить как лодку, находится в левой части композиции, позади фигур лосей. Оно представляет собой линию с загнутыми вверх носом и кормой и пятью (?) гребцами (рис. 1: 4; 6: 5). На плоскости присутствуют остатки выбивки, которую сложно идентифицировать из-за значительного объёма повреждений.

Лодка с головой лося на носу с плоскости II.9 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова под № 8 [Там же, с. 128, 8]. Лодка, показанная в монографии в верхней левой части этой же композиции, по видимому, в ходе прорисовывания была перемещена авторами со среднего левого фрагмента плоскости наверх (рис. 1: 4; 7: 8).

Две лодки изображены на плоскости II.10. Одна из лодок (с пятью гребцами) находится на корпусе нанесённого контуром крупного лося в центре композиции (рис. 2: 1; 6: 6); другая лодка расположена в нижней части плоскости, над фигурой

другого лося (?), меньшего по размеру. На лодке «читаются» восемь гребцов, изображённых в виде вертикальных столбиков. Ещё одна фигура гребца имеет антропоморфный облик. Нос (?) лодки, возможно, завершается головой животного (рис. 2: 1; 6: 7). На плоскости присутствуют также три

антропоморфных персонажа, один из которых – женский, а также личина, уникальные для писаниц Томи изображения змей и неопределённые животные (рис. 2: 1).

В публикации А.П.Окладникова и А.И.Мартынова лодки с плоскости П.10 отсутствуют.

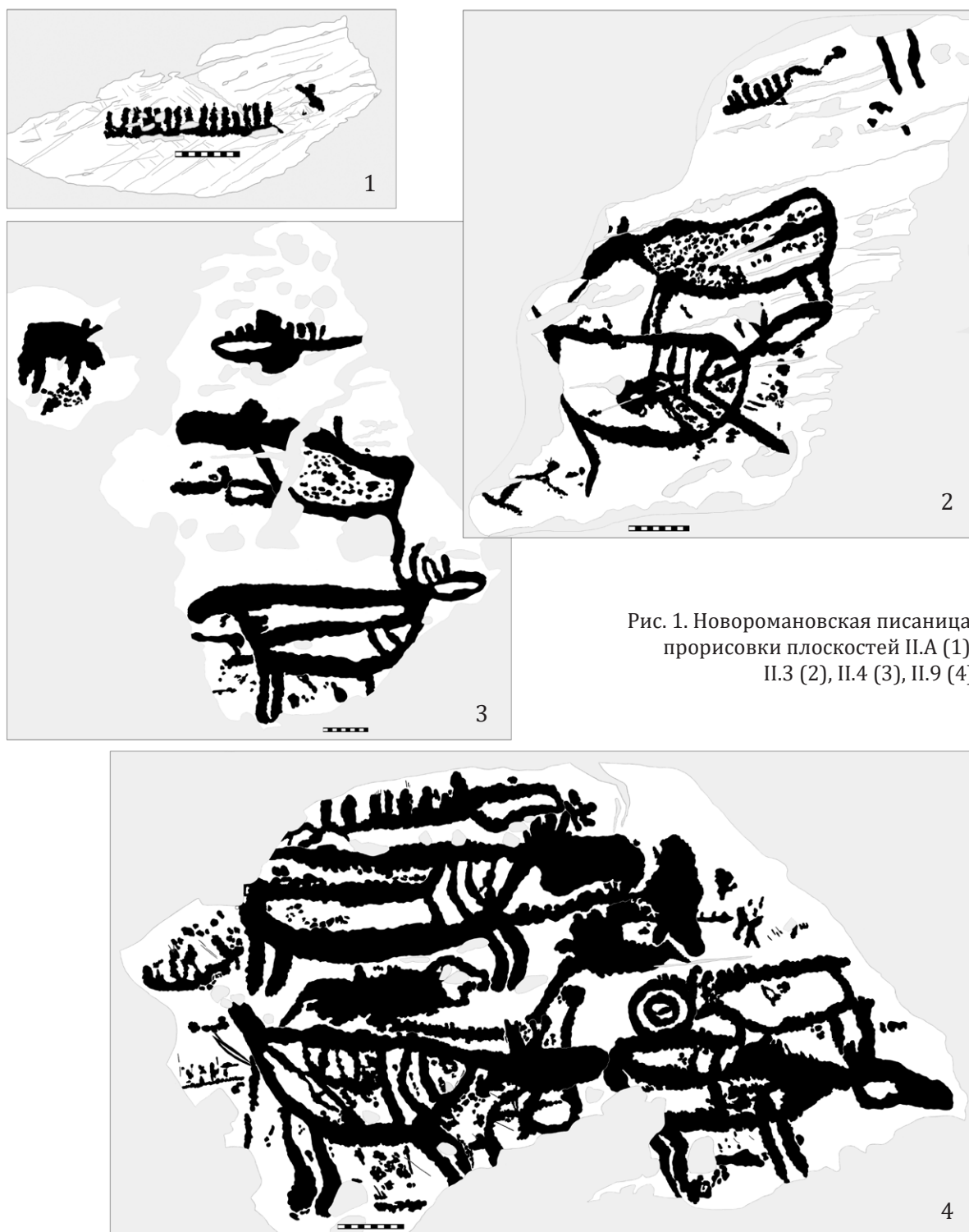

Рис. 1. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей П.А (1), П.3 (2), П.4 (3), П.9 (4)

В многофигурной композиции на плоскости П.15 насчитывается более 30 изображений: лоси (один из которых на задних ногах), антропоморфные персонажи (в том

числе два с лучами над головой), птицы, солярный и другие знаки, лестница (?), неопределённые животные (рис. 3). Среди рисунков можно идентифицировать две

Рис. 2. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей П.10 (1) и П.17 (2)

Рис. 3. Новоромановская писаница, прорисовка плоскости П.15 (1) и её фрагменты (2; 3)

лодки, одна из которых находится в средней части композиции и представляет собой широкую горизонтальную линию с сохранившимися семью гребцами (рис. 3: 1, 3; 6: 8).

Ещё одну лодку можно «вычленить» из переплетения линий в левой части композиции (рис. 3: 1, 2; 6: 9). Скорее всего, эти же линии посчитали лодкой и А. П. Окладников и А. И. Мартынов [Там же, с. 128, 14] (рис. 7: 14). Выше, возможно, одна над другой, были выбиты ещё две лодки, но об этом нельзя сказать с уверенностью (рис. 3: 2).

В целом, на плоскости II.15 много фрагментов нечитаемых изображений, среди которых А. П. Окладников и А. И. Мартынов сочли возможным выделить ещё два рисунка лодок: между лосем и медведеподобной антропоморфной фигурой [Там же, с. 131; 133, 22] (рис. 7: 22) и в левой верхней части плоскости, рядом с крупными фигурами медведя и лося [Там же, с. 132; 135, 26] (рис. 7: 26). По всей вероятности, на этой же плоскости А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым было выделено ещё одно изображение лодки, под № 31 [Там же, с. 132; 135, 31] (рис. 7: 31). Нам эту лодку найти не удалось.

Пять лодок можно насчитать на плоскости II.17 (рис. 2: 2). Оригинальная лодка (1) представлена в левой части композиции. Она имеет загнутую вверх корму или сидящего гребца (точнее сложно сказать из-за утраты левого края лодки) и нос в виде головы животного, возможно, лося. Два пассажира лодки – антропоморфные персонажи в рогатых головных уборах – показаны в танце или каком-то другом действии: ноги их согнуты, одна рука у обоих отведена назад, другая – приподнята и согнута в локте. Между ними изображён предмет, представляющий собой широкую вертикальную линию, вырастающую из лодки и раздваивающуюся в верхней части (рис. 2: 2; 6: 10).

Лодка расположена в районе задних ног лося, раскинутых в беге. Верхняя часть корпуса этого изображения утрачена; сохранились также передние ноги, линия шеи и нижняя часть головы животного. Перед

лодкой выбито ещё одно изображение лося (рис. 2: 2).

Вторая лодка (2) располагается в нижней части композиции. Она представляет собой изогнутую линию, от которой вверх отходят короткие отрезки. Через их вершины выбита ещё одна линия, изогнутая в меньшей степени, чем первая. Таким образом, создается впечатление, что перед нами каркас лодки с высокой носовой частью (рис. 2: 2; 6: 11).

Две лодки (3, 4), изображённые одна за другой, находятся в средней части композиции. Они представляют собой слегка изогнутые горизонтальные линии с короткими «столбиками». Оба изображения перекрываются фигурами лосей (рис. 2: 2; 6: 12, 13). В верхней части плоскости, возможно, сохранился фрагмент изображения лодки (5) с утраченной правой частью, с поднятым вверх носом с головой птицы (?) (рис. 2: 2; 6: 14).

Кроме описанных рисунков, на плоскости II.17 присутствуют фигуры медведя (?), лосей (один из них – на задних ногах и с «лучами» над головой), лыжника, неопределённых животных, знаков (рис. 2: 2).

Одна из лодок с плоскости II.17 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова в композиции под № 34, ещё две – в композиции под № 36 [Там же, с. 138, 34, 36] (рис. 7: 34, 36).

Четыре (?) лодки изображено на плоскости II.24: три из них – в левой части плоскости (рис. 4: 1; 6: 15–17). Одна из лодок (3) показана широкой полосой с короткими столбиками-гребцами; правая её часть перекрыта крупным изображением лося (рис. 4: 1; 6: 17). Другая лодка (4) одним своим концом соприкасается с передними ногами того же изображения лося (рис. 4: 1). На ней над короткими столбиками-гребцами возвышается крупная антропоморфная фигура в рогатом головном уборе (?) с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками. У бедра антропоморфного персонажа изображён знак, напоминающий рогатину с перекладиной (рис. 4: 1; 6: 18). На плоскости присутствуют ещё два изображения лосей и остатки неопределённой выбивки (рис. 4: 1).

У А.П. Окладникова и А.И. Мартынова с плоскости II.24 опубликованы три лодки под № 35 и 36 [Там же, с. 138, 35, 36] (рис. 7: 35, 36). Возможно, на этой же плоскости авторы обнаружили ещё одну лодку, но, к сожалению, из описания непонятно, где конкретно она находится [Там же, с. 134; 139, 37] (рис. 7: 37).

На плоскости II.26 в верхней части зафиксировано изображение лодки с двенадцатью сохранившимися гребцами. Нос и корма лодки уходят под сколы. На носу сохранился фрагмент головы животного (?) (рис. 4: 2; 6: 19). Лодка перекрывается изображением медведя, стоящего на задних лапах. Ниже медведя выбит лось, а в пра-

Рис. 4. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей II.24 (1); II.26 (2) и IV.3 (3)

вой нижней части плоскости – антропоморфный персонаж на одной ноге, с поднятыми вверх руками и в рогатом головном уборе (рис. 4: 2).

У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодка с плоскости II.26 опубликована под № 42 [Там же, с. 136; 139, 42].

Плоскость IV.3. Здесь выбита длинная лодка как минимум с двенадцатью гребцами и с головой лося на носу (рис. 4: 3; 6: 20). Её изображение перекрывается ногами (?) какой-то крупной фигуры животного, туловище и голова которого не сохранились. Помимо лодки, здесь представлены лось, три медведя, неопределённое копытное животное и личина. В верхней части плоскости прослеживаются остатки неопределённой выбивки (рис. 4: 3).

В публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова этой плоскости нет. По версии авторов, рисунок лодки присутствует на плоскости IV.2 [Там же, с. 140, 48; 142] (рис. 7: 48). Нами на этой плоскости такого рисунка не обнаружено.

На вертикально расположенных плоскостях выше по течению Томи также зафиксировано несколько изображений лодок.

Плоскость VI.6: три лодки, которые перекрываются фигурой лося (рис. 5: 1; 6: 21, 22, 24). На одной из лодок наряду с девятью короткими столбиками-гребцами показан неопределённый предмет, представляющий собой подпрямоугольную вертикально расположенную фигуру с «хвостиком» (короткой изогнутой линией) в верхней части (рис. 5: 1; 6: 24). У А. П. Окладникова и А. И. Мартынова лодки с плоскости VI.6 опубликованы под № 53 [Там же, с. 141, 53; 143] (рис. 7: 53).

На плоскости VI.8, от которой сохранился лишь небольшой фрагмент, определяются два изображения лодок. Верхняя лодка представляет собой горизонтальную линию с сохранившимися двенадцатью гребцами-столбиками, корма и нос лодки утрачены.

Нижняя лодка имеет загнутую вверх корму (или нос?), на ней изображено восемь гребцов в виде коротких вертикальных линий, а также, вероятно, антропоморфные фигуры, которые в настоящее время имеют очень нечёткие очертания. Правый край лодки перекрыт остатками неопределяемой выбивки; возможно, это фрагмент корпуса какого-то животного (рис. 5: 2; 6: 23, 25).

Одна из лодок с плоскости VI.8 опубликована у А. П. Окладникова и А. И. Мартынова под № 52 [Там же, с. 141, 52; 142] (рис. 7: 52). В целом, в монографии 1972 г. фигурируют 19 изображений лодок (рис. 7), шесть из которых нам найти не удалось.

В статье мы рассматриваем только те изображения, которые с большой долей уверенности можно интерпретировать как лодки. Очевидно, что таких изображений было существенно больше. Некоторые из них сохранились лишь в небольших фрагментах из-за естественных повреждений скальной поверхности, некоторые позднее были перекрыты другими изображениями, и вычленив их из общего скопления линий представляется крайне проблематичным. Но и имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать ряд выводов об использовании лодки и особенностях её изображения населением, жившим в древности в непо-

Рис. 5. Новоромановская писаница, прорисовки плоскостей VI.6 (1) и VI.8 (2)

средственной близости от Новоромановской писаницы.

Анализ материалов

Всего зафиксировано 25 изображений лодок на двенадцати плоскостях памятника. Практически все лодки, за исключением одиночного изображения на плоскости II.A (рис. 1: 1), и фрагмента плоскости VI.8, значительная часть которой, по-види-

мому, утрачена (рис. 5: 2), находятся в композициях с изображениями животных. Большая часть из них – в композициях с присутствием лося. Как видно из таблицы I, преобладающим мотивом является расположение лодки над фигурой лося (11 лодок из 25) (рис. 1: 2, 3, 4; 2: 1; 3: 1, 2; 4: 1, 2, 3). В пяти случаях лодки располагаются позади фигуры лося или перед ней

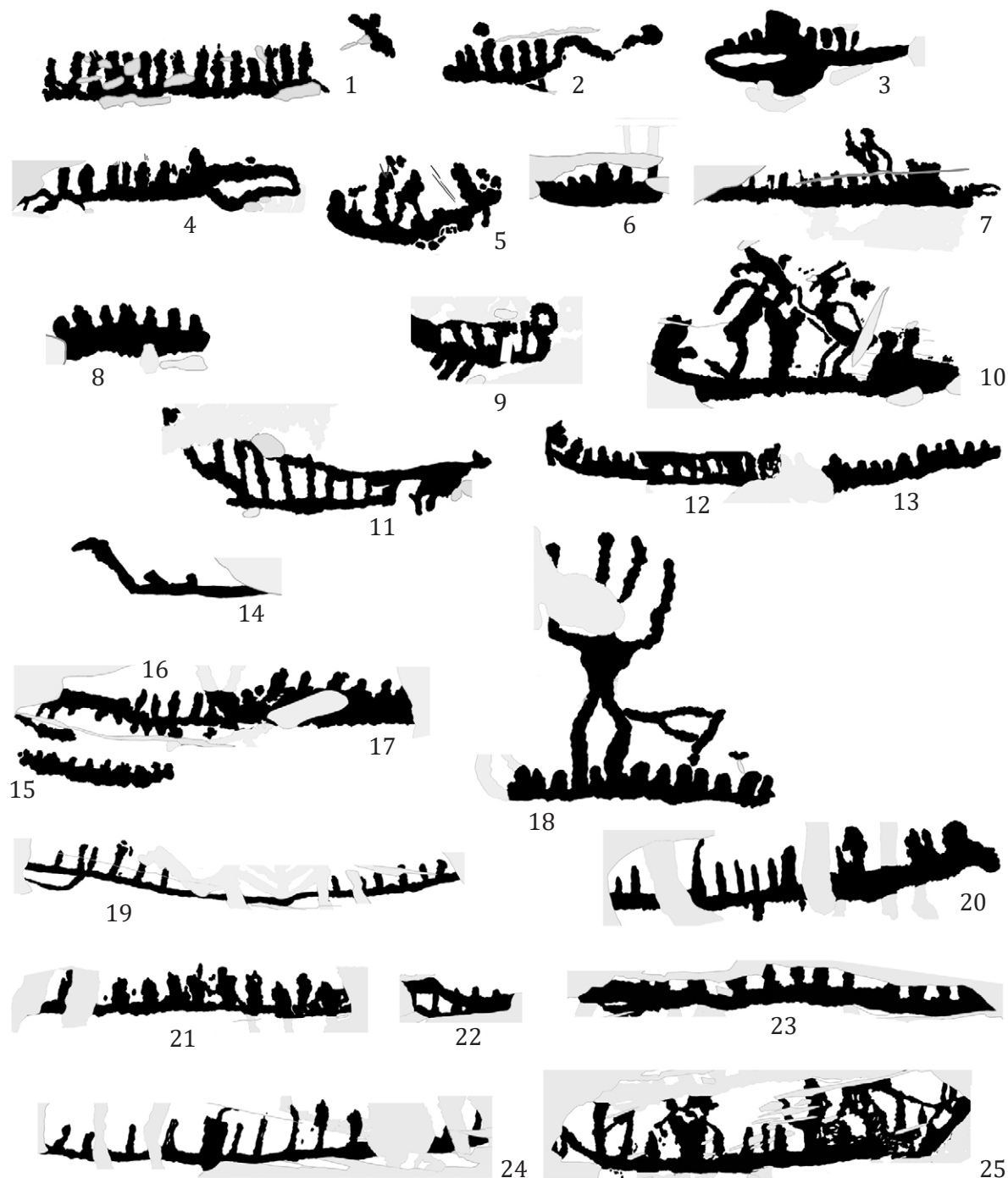

Рис. 6. Новоромановская писаница, изображения лодок

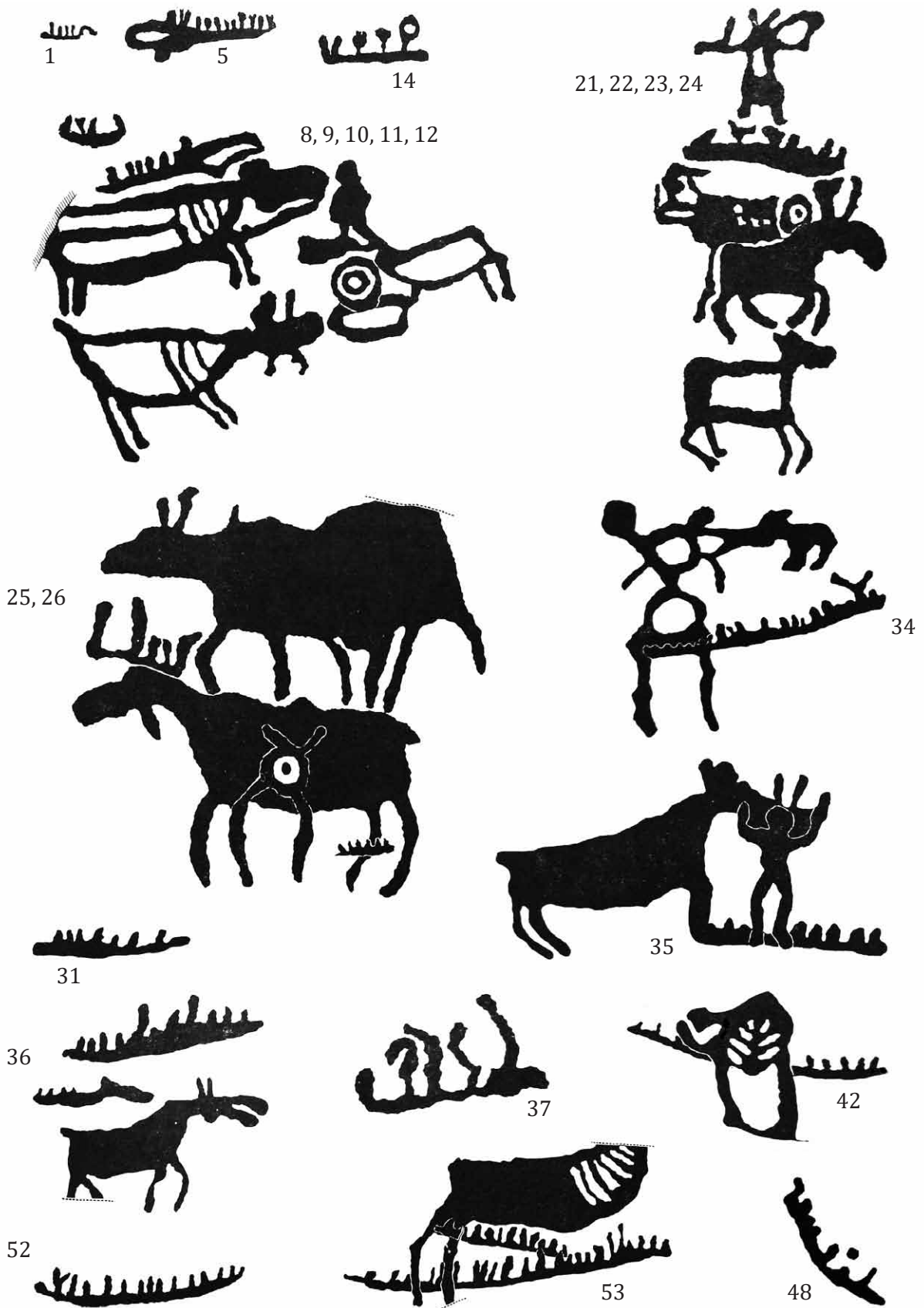

Рис. 7. Изображения лодок по А. П. Окладникову и А. И. Мартынову. Сохранена авторская нумерация рисунков

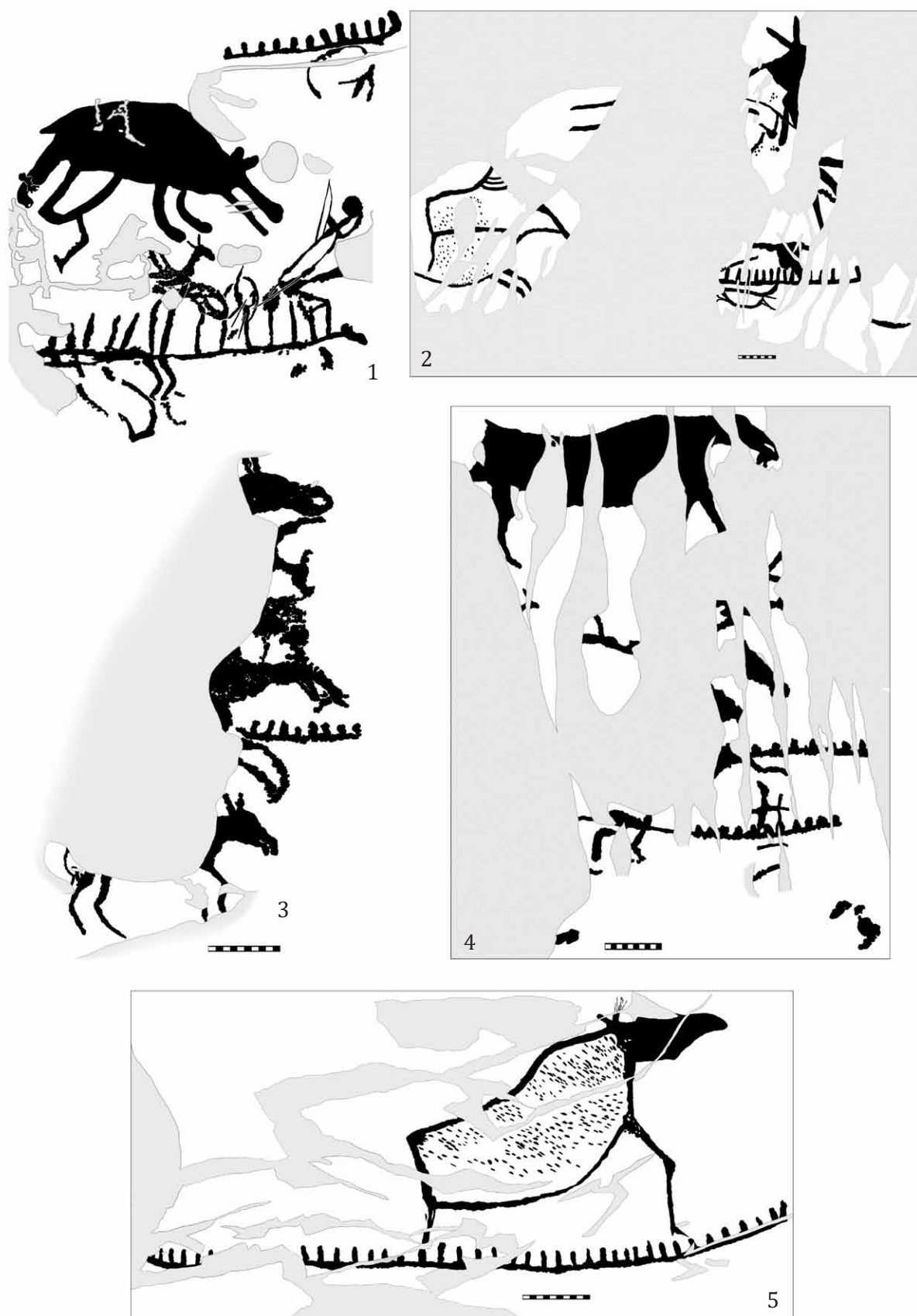

Рис. 8. Изображения лодок на писаницах Притомья: 1, 2 – Томская писаница; 3 – Вторая Новоромановская писаница; 4 – Никольская писаница; 5 – Крутая II

(рис. 1: 4; 2: 2; 4: 1), в трёх – под фигурой лося (рис. 2: 2; 5: 1). В одном случае лодка расположена внутри контура туловища лося (рис. 2: 1). На многофигурной плоскости П.15 одна из лодок находится слева от изображения водоплавающей птицы (рис. 3: 3). На двух плоскостях – П.26 и IV.3 –

в композициях, наряду с лосями, присутствуют медведи (рис. 4: 2, 3). На плоскости IV.3 в композиции с лодкой, лосем и медведями находится неоконтуренная личина (рис. 4: 3). У семи лодок из 25 можно предположить наличие на носу головы лося (рис. 6: 1, 3, 4, 7, 10, 19, 20).

Табл. I. Изображения лодок и их расположение в композициях

ПЛОСКОСТЬ	Изображения лодок										
	количество	вне композиций	над лосем	рядом с лосем	под лосем	на корпусе лося	рядом с водоплавающей птицей	над животным (?)	в композиции присутствует медведь	с головой лося на носу	сантропоморфными персонажами
П.А	1	+								+ (?)	
П.3	1		+								
П.4	1		+							+	
П.9	2		+	+						+	
П.10	2		+			+				+ (?)	+
П.15	2		+				+				
П.17	5		+	++	++					+	+
П.24	4		+++	+							+
П.26	1		+						+	+ (?)	
IV.3	1		+						+	+	
VI.6	3			+	+						
VI.8	2							++			+
	25	1	11	5	3	1	1	2	2	7	4

На писаницах Притомья, помимо Новоромановской, изображения лодок известны на Томской, Второй Новоромановской, Никольской писаницах и на Крутой II (рис. 8). На Томской писанице две лодки находятся на плоскости 3 основного местонахождения (гр. II, рис. 8: 1). Одно изображение лодки, верхнее, представляет собой слегка изогнутую с правого края линию с двенадцатью короткими вертикальными линиями-гребцами. Вторая лодка имеет нос в виде головы лося; линии гребцов длиннее, чем у первой лодки. Их насчитывается 14. Левый край лодки утрачен. Один из гребцов показан в виде вертикального отрезка с округлым пятном-головой (?). Слева от него гребец представлен в виде вертикальной линии, от верхней части которой отходят две дуги, образующие не-

замкнутый овал (рис. 8: 1). Хотя, возможно, эти линии принадлежат какому-то другому изображению, не сохранившемуся до наших дней: на данном участке плоскости прослеживаются остатки сильно затёртой или выветренной выбивки, а также фрагменты нескольких фигур, перекрывающих друг друга. В своей средней части лодка перекрывает остатки фигуры человека, от которой сохранились согнутые в коленях ноги и туловище, контуры которого при нанесении лодки могли быть использованы для фигур гребцов. Голова и руки антропоморфного персонажа не сохранились, видимо, они перекрыты головой лося и передней частью туловища какого-то копытного животного. В правой части лодку перекрывает изображение лучника (рис. 8: 1).

В 2008 г. на высоко расположенных вертикальных скальных выходах группы I Томской писаницы А. Пьянзиным было обнаружено несколько фрагментов сильно разрушенной плоскости с петроглифами, среди которых присутствует лодка с сохранившимися тринадцатью или четырнадцатью гребцами. Над изображением лодки сохранился фрагмент крупной фигуры животного, по всей вероятности, лося (рис. 8: 2). Слева от лодки определяется корпус ещё одного животного с орнаментированной дугообразными линиями шей (?). Остальные линии сложно как-то идентифицировать. Плоскость требует дополнительного исследования с помощью альпинистского снаряжения и фронтальной фотофиксации, в результате которой имеющаяся прорисовка может быть скорректирована по мелким деталям.

В 2015 г. у устья р. Писаной, также на скальных выходах, расположенных на большой высоте и недоступных, обнаружены ещё 4 новые плоскости с выбитыми изображениями лосей, антропоморфных фигур и лодки, сильно разрушенными вследствие естественных деструктивных процессов [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 31].

Таким образом, на Томской писанице на сегодняшний день известно четыре изображения лодок. Лодки на плоскости 7 основного местонахождения («верхний фриз»), опубликованной А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [Окладников, Мартынов, 1972, с. 73, 113–115], как показали современные исследования, на самом деле не существует [Миклашевич, 2011, с. 130, рис. 2, 1, 2].

На Второй Новоромановской писанице также известно одно изображение лодки [Русакова, Барина, 1997, с. 64; рис. 4, Б]. Оно представлено прямой линией со слегка загнутым сверху левым концом, восемь гребцов показаны в виде коротких столбиков. В композиции с лодкой присутствуют изображения лосей, сохранившиеся фрагментарно (рис. 8: 3).

На Никольской писанице в 1993 г. на сильно разрушенной плоскости было зафиксировано два изображения лодок [Там же, с. 65; рис. 9, Б]. Они представляют со-

бой слабо изогнутые линии с короткими и широкими столбиками-гребцами. Оба изображения сохранились не полностью. На верхней лодке «читаются» семь гребцов, на нижней – одиннадцать. На последней изображена также антропоморфная фигура в высоком остроконечном головном уборе и с посохом (?) в руке. Над лодками выбита крупная фигура шагающего лося (рис. 8: 4).

Ещё одна лодка присутствует в композиции с крупной фигурой лося на местонахождении Крутая II [Ковтун, Русакова, 2009, рис. 2]. Лодка – очень длинная, показана с помощью слегка изогнутой линии с короткими «столбиками», которых в настоящее время насчитывается 36. Несомненно, их было значительно больше: левый край лодки утрачен, а также отслоилась скальная корка в левой и средней её частях (рис. 8: 5).

Всего на указанных писаницах – Томской, Второй Новоромановской, Никольской и Крутой II – в настоящее время известно восемь изображений лодок. Все они, как и большинство лодок Новоромановской писаницы, композиционно связаны с изображениями лосей.

Среди памятников самого близкого нижнетомскому ареала наскального искусства, изображения лодок известны, например, на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 15; 28; 29; 49; 55; 58; 70; 83; 84; 90; 97; 104; 121; табл. 8; 9, 8–12; Заика, Зоткина, 2018, рис. 2], на местонахождениях Оглахты I [Sher et al., 1994, 4.4; 44.3; 47.2; 48.1; 50.7; 87.1; 92.1; 95.8], Черёмушный Лог [Sher, 1999, 24.15; 24.49; 24.51], Тепсей I [Blelnova et al., 1995, 6.1], Усть-Туба III [Там же, 1.5; 3.3; 3.4; 3а.2; 3а.3; 72.3;], Усть-Туба IV [Там же, 2.1], Майдашинская писаница [Миклашевич, 2015, рис. 4: 1; Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, рис. 5: 1, 2].

Хронологическую принадлежность изображений лодок определить достаточно сложно. Сами по себе в большинстве своём они не имеют выраженных датирующих признаков. Чаще всего судить о времени их нанесения можно по изображениям, составляющим с ними единую композицию, и по палимпсестам. На памятниках наскаль-

ного искусства Среднего Енисея изображения лодок присутствуют в композициях, включающих фигуры лосей, оленей, медведей, быков, кабанов, антропоморфных существ, в том числе в рогатых головных уборах. Рисунки животных в таких композициях в основном относятся к ранним хронологическим горизонтам. Так, например, на Майдашинской писанице на обнаруженных недавно плоскостях с петроглифами фигуры животных, выполненные в «минусинском» стиле, сопровождают изображения более десятка лодок с «пассажирами» [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2016, с. 34; рис. 5: 1, 2]. Значительная часть лодок находится в композициях с животными, выполненными в ангарской изобразительной традиции [см., например, Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 28; 29; 58; 70; 83; 90; 104; Заика, Зоткина, 2018, рис. 2]. В связи с этим исследователи датируют большинство изображений лодок эпохами неолита – ранней бронзы [Шер, 1980, с. 187; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 123; Кубарев, 2011, с. 60].

На Томской, Второй Новоромановской, Никольской писаницах и на Крутой II лодки также сочетаются с фигурами лосей, близкими к ангарской традиции, поэтому они могут быть отнесены к эпохе бронзы.

В отношении Новоромановской писаницы не всё так однозначно. На этом памятнике обобщённо можно говорить о двух основных хронологических группах петроглифов, значительно отличающихся друг от друга. Ранняя группа относится к эпохе бронзы [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 89–93; Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 147]. Более поздняя группа была отнесена исследователями к кулайской культуре [Мартынов, Ломтева, 1993, с. 196–201]. До недавнего времени эта датировка казалась недостаточно обоснованной из-за отсутствия на прилегающих территориях памятников кулайской культуры. В настоящее время, после открытия кулайского культового комплекса на поселении Ивановка I [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014, с. 112, 113], по всей видимости, стоит вернуться к возможности датировки позднего комплекса петроглифов Новоромановской писаницы кулайским временем,

о чём уже было сказано [Ковтун, 2014, с. 80]. Эти рисунки имеют ярко выраженные стилистические и иконографические особенности, позволяющие без труда выделять их среди других петроглифов.

Обе группы – рисунки эпохи бронзы и рисунки кулайского времени – внутри также стилистически неоднородны, но это тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Ряд изображений мы можем достаточно уверенно отнести к одному из указанных хронологических пластов. Кулайским временем можно датировать изображения лодок, композиционно связанных с фигурами лосей на плоскостях II.4 и II.9 (рис. 1: 3, 4; 6: 3, 4). При этом лодка на плоскости II.4 и верхняя лодка на плоскости II.9 на носу имеют лосиные головы, аналогичные по стилю головам животных, изображённых ниже. Для отнесения второй лодки с плоскости II.9 (рис. 1: 4; 6: 5) к данной хронологической группе, несмотря на то, что практически все окружающие её изображения, видимо, были нанесены в кулайское время, всё же нет достаточных оснований.

Палимпсесты и композиционная связь с другими изображениями позволяют ряд лодок связать с ранней группой рисунков.

- На плоскости II.3 лодка и фигура кошачьего (?) выполнены более мелкой выбивкой, чем фигуры лосей. Возможно, они были нанесены на скалу в одно время, более раннее, чем лоси (рис. 1: 2). При этом изображение лодки позже могло быть включено в композицию с лосями.

- На плоскости II.15 присутствуют ранние изображения, выполненные в эпоху бронзы, и более поздние – кулайские. Можно предположить, что изображение лодки в левой части композиции относится к раннему пласту петроглифов памятника, оно находится над фигурой лося, близкого по стилю к ангарской изобразительной традиции (рис. 3: 2). Вторую лодку соотносить с каким-либо хронологическим периодом не представляется возможным (рис. 3: 3).

- На плоскости II.17 (рис. 2: 2) также имеются как минимум два хронологических пласта рисунков. К раннему пласту относятся: фигура лося в центре компози-

ции; ещё одна фигура лося, раскинувшего ноги в беге, в левой части (она сохранилась не полностью: почти всё туловище и верхняя часть головы утрачены); изображения лося на задних ногах и лыжника, голова которого перекрывается более поздним изображением лося.

Изображение лодки 1 с антропоморфными существами в рогатых головных уборах, показанными в момент какого-то действия, по-видимому, относится к ранней группе петроглифов писаницы (рис. 2: 2; 6: 10). Вероятно, первоначально изображение лодки 1 было связано с изображением лося, расположенного над ней. Позже была выбита другая фигура лося справа от лодки, по стилистическим признакам более близкая к кулайской группе петроглифов (рис. 2: 2). Можно допустить, что изображение лодки, выполненное в эпоху бронзы, могло быть использовано населением раннего железного века для иллюстрации каких-то своих мифологических сюжетов.

Лодка 3 в средней части композиции перекрывается фигурой лося ранней группы. Соответственно, её мы тоже можем отнести к ранней группе. Говорить о хронологической принадлежности лодок 2, 4 и 5 сложно. Лодки 2 и 4 перекрываются фигурой лося, относящегося к поздней хронологической группе, лодку 5 трудно привязать к какому-либо изображению (рис. 2: 2).

- На плоскости II.24 также присутствуют изображения ранней и поздней групп петроглифов. Две более мелких фигуры шагающих лосей относятся к ранней группе; крупная фигура лося в статичной позе в центре композиции – к поздней. Лодки 1–3 находятся над ранней фигурой лося, возможно, связаны с ней композиционно, при этом рисунок лодки 3 перекрывается фигурой лося поздней группы. Лодка 4, по всей видимости, была нанесена позже фигуры раннего лося, так как видно, что линия её основания как бы огибает контур головы этого лося и перекрывает его уши (рис. 4: 1). Но насколько позже это было сделано, определить сегодня невозможно. Сложно также установить, в одно ли время с лодкой была выбита крупная антропоморфная фигура в рогатом головном убо-

ре и с руками, поднятыми для адорации (?). Изображение этой лодки вполне могло использоваться населением как эпохи бронзы, так и кулайского времени.

- На плоскости II.26 лодка перекрывается фигурой медведя, которая, как и фигура лося, относится к поздней группе петроглифов писаницы. Скорее всего, изображение лодки было нанесено одновременно с антропоморфной рогатой фигурой, которая была выявлена после расчистки плоскости от лишайников и по всем признакам относится к эпохе бронзы (рис. 4: 2). Здесь мы также можем предполагать использование более древнего изображения лодки населением раннего железного века.

- На плоскости IV.3 присутствует изображение неоконтуренной личины, имеющей близкие аналогии среди окуневских изображений уйбатского иконографического типа [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 16, 19, № 1, 2, 162 и др.], а также есть фигуры медведей, которые тоже, скорее всего, относятся к ранней группе петроглифов писаницы. Видно, что левая часть лодки с лосиной головой на носу выполнена такой же мелкой выбивкой, как и фигуры медведей, достаточно сильно выветрена или затёрта льдами и патинизирована. Правая её часть, вероятно, подновлялась, совпадает по цвету патины с фигурой лося, относящегося скорее к поздней группе (рис. 4: 3).

- На плоскости VI.6 крупная фигура лося ранней группы перекрывает изображения лодок, и можно говорить об их ранней датировке (рис. 5: 1).

- По расположению плоскости VI.8 на вертикальном скальном выходе, где локализуются изображения ранней хронологической группы памятника, по схожести техники выбивки, патине, степени выветренности с рисунками на плоскости VI.6 мы можем предположить, что лодки с плоскости VI.8 были нанесены в эпоху бронзы (рис. 5: 2).

К ранней хронологической группе относится и лодка с плоскости II.A (рис. 1: 1). Эта плоскость была перекрыта культурным слоем стоянки Долгая I и датируется не позднее середины II тыс. до н. э. [Ковтун, Марочкин, 2013, с. 20].

Табл. II. Хронологическая принадлежность лодок Новоромановской писаницы

Плоскость	Эпоха бронзы	Кулайское время	Время не определено	Возможное использование изображения лодки, нанесённой в эпоху бронзы, в кулайское время
II.A	+			
II.3	+ (?)			+
II.4		+		
II.9		+		
II.10			+	
II.15	+ (?)		++	
II.17	++		+	++
II.24	+++ (?)		+++	+
II.26	+ (?)		+	+
IV.3	+			+
VI.6	+++			
VI.8	++			
	15	2	8	6

Ни одну из лодок плоскости II.10 не представляется возможным отнести к какому-либо хронологическому отрезку: верхнее изображение лодки находится внутри контура лося, нанесённого в кулайское время, однако нет уверенности, что эти изображения были выполнены одновременно; нижнее изображение лодки композиционно связано с фигурой лося (?), не имеющего выраженных датирующих признаков (рис. 2: 1).

Таким образом, соотнести с какой-либо из хронологических групп можно 17 изображений лодок из 25: 15 изображений можно датировать эпохой бронзы, два – кулайским временем. Остальные изображения пока не поддаются хронологическому определению. В шести случаях можно говорить о возможности включения населением раннего железного века более древних изображений лодок в свои композиции (табл. II).

Заключение

Очевидно, что значительное количество изображений лодок на Новоромановской писанице связано с активным применением этого средства передвижения в повседневной жизни, использованием её изображения для иллюстрации мифологических сюжетов или для проведения каких-либо культовых действий.

Часть изображений лодок, по мнению исследователей, может быть интерпретирована как реально бытовавшие лодки, предназначенные для хозяйственной деятельности [Савватеев, 1983, с. 179]. Другой вариант интерпретации – также реальные лодки, используемые для проведения важных ритуалов, связанных с принесением жертв духам водных объектов и испрашиванием у них безопасности проживания и охранения от бед и несчастий [Окладников, 1971, с. 99, 100].

Часто изображения лодок связывают с представлениями древнего населения Евразии о способах доставки душ умерших людей в загробный мир, с идеей воскрешения (возрождения) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 231, 232; Савватеев, 1983, с. 179; Заика, 2003, с. 22; Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2005, с. 213–218; 2011, с. 255–257, 282 и др.]. Выступать в качестве «духов-водителей» лодок в загробный мир могли личины [Окладников, 1971, с. 100; Заика, 2003, с. 23]. На Новоромановской писанице, на плоскости IV.3 присутствие личины может служить дополнительным аргументом в пользу интерпретации изображения лодки в данной композиции как транспорта для перевозки душ умерших в мир мёртвых (рис. 4: 3).

На Новоромановской писанице и, в целом, на писаницах Томи, бросается в глаза

тесная связь изображений лодок с образом лося. Если на Среднем Енисее лодки композиционно связаны с широким набором образов животных и людей, то на Томи из 33 изображений лодок на всех писаницах 27 показаны в композициях с лосями или имеют нос в виде головы лося. Возможно, преобладание этого сюжета связано в целом с более «бедным» набором персонажей в наскальном искусстве Томи, где подавляющее большинство древних рисунков составляют лоси.

На Новоромановской писанице значительный процент от общего количества изображений лодок (7 из 25) представляют изображения с головой лося на носу. Как в своё время отметили А. П. Окладников и А. И. Мартынов, подобные рисунки весьма характерны для Северной Европы и очень редки для Сибири [1972, с. 126; 230]. Новоромановская писаница выглядит здесь исключением из правила.

Почему на носу лодок изображалась именно голова лося? Пожалуй, для петроглифов Томи по сравнению с памятниками других территорий этот вопрос вызывает меньше всего сомнений. Судя по дошедшим до нас наскальным рисункам, лось являлся главным персонажем мифотворчества племён, населявших эти края в древности. Дополнительно к доводам исследователей, находящих объяснения сочетанию образа лося и лодки в этнографических материалах [см., например: Окладников, Мартынов, 1972, с. 232–234;

Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2005, с. 216, 218], хочется добавить, что на людей, несомненно, производило огромное впечатление зрелище переплывающего через реку лося. Автор настоящей статьи также была свидетелем переправы лося через Томь. Вряд ли кого-то оставит равнодушным ни с чем не сравнимая картина плывущего животного, когда даже издали чувствуется его мощь и одновременно большая грация и лёгкость, с которой он быстро движется по воде, несмотря на достаточно сильное течение. Поэтому неудивительно, что на скалах на особых ладьях-лодках «форштевень», или нос, венчает голова лося. Вероятно, она была призвана придать лодке силу, скорость и ловкость передвижения по глубоким и быстрым водам.

В целом же большое место, которое было отведено лодке в сюжетах Новоромановской писаницы, может быть связано с особым местонахождением памятника. Уникальность расположения плоскостей, удобных для нанесения рисунков, могла подвигнуть местное население на создание особого святилища, с какими-то специальными функциями, присущими только ему. Об этом говорит и специфический набор персонажей, и ярко выраженное присутствие двух разных художественных традиций, чего мы не наблюдаем на других памятниках наскального искусства Притомья, и преемственность образов на протяжении длительного времени.

Литература

- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 379 с.
- Заика А. Л. Лодки в страну предков (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 21–31.
- Заика А. Л., Зоткина Л. В. Относительная хронология шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на центральном участке писаницы) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 45–55.
- Ковтун И. В. Шёпот духов. (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. 171 с.
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 17–24.

- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д.* Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 84–95.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д.* Крутая II – новое местонахождение петроглифов в Нижнетомском очаге наскального искусства // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Материалы научной конференции. Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. С. 65–68.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н.* Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Том 1. С. 140–148. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 444 с.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
- Мартынов А. И., Ломтева А. А.* О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 192–202.
- Миклашевич Е. А.* Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Том 1. С. 128–138. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII).
- Миклашевич Е. А.* Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 66–78.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л.* Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48.
- Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 343 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.
- Панкратова Л. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю.* Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 108–115.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета. 1985. 192 с.
- Русакова И. Д.* Новоромановская писаница: десять лет после расчистки от лишайников // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 8. С. 36–44.
- Русакова И. Д., Баринаева Е. С.* Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 64–77.
- Савватеев Ю. А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983. 216 с.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.* Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 246 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 2: Sibérie du Sud 2).
- Sher J., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D.* Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 1: Sibérie du Sud 1).
- Sher J.* Sibérie du Sud 4: Cheremushny Log // Sher J., Savinov D., Legtchilo N., Sher M. Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. Paris: Diffusion de Boccard, 1999. 128 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 4: Sibérie du Sud 2).

ИГРЫ ПРИРОДЫ И ВОСПРИЯТИЯ. ВОСТОЧНОЕ ПАННО ЗАЛА РИСУНКОВ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ

А. К. Солодейников¹, Р. Т. Ахмедьянов¹, О. Я. Червяцова²

¹Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»;

²Государственный природный биосферный заповедник «Шульган-Таш»

Статья посвящена Восточному панно зала Рисунков Каповой пещеры, на котором в 1959 г. А. В. Рюминным были открыты первые в Восточной Европе изображения животных – представителей плейстоценовой фауны. Несмотря на прошедшее с этого открытия время, изучение Восточного панно – самого часто воспроизводимого и обсуждаемого в научной литературе комплекса наскального искусства из Каповой пещеры – далеко от завершения. В статье суммируются накопленные за 60 лет сведения разных авторов об изображениях и субстрате, на котором они нарисованы, предлагается апробация новой системы индексации наскального искусства Каповой пещеры, вводятся в научный оборот некоторые ранее неизвестные рисунки, выполненные охрой, и рельефные изображения. Методом пигментных карт получены иллюстрации распределения пигмента на плоскости, что позволяет интерпретировать рисунки на новом уровне. На основании мнений предыдущих исследователей и собственного опыта постулируется технологическая и хронологическая неоднородность представленного здесь изобразительного пласта. Тем самым формируется база для предстоящего полного описания Восточного панно зала Рисунков Каповой пещеры.

Ключевые слова: Капова пещера, Шульган-Таш, палеолитическое искусство, наскальное искусство

GAMES OF NATURE AND PERCEPTION. EAST PANEL OF THE HALL OF DRAWINGS IN KAPOVA CAVE

A. K. Solodeynikov¹, R. T. Akhmedyanov¹, O. Ya. Chervyatsova²

¹Historical and Cultural Museum-Reserve "Shulgan Tash cave";

²State Natural Biosphere Reserve "Shulgan Tash"

The report discusses the eastern panel of the Hall of Drawings from the Kapova cave. It is there that 61 year ago the first in Eastern Europe images of Pleistocene fauna representatives were found by A. Ryumin. Despite of a decades-long lapse, studying of the panel is far from being complete. The paper summarizes some results of previous research on images and their substratum. Based on the authors' own investigations a new system of the images registration is substantiated and some previously unknown images are introduced. Applying the pigment map method some new results of digital treatment of the images were obtained which can improve interpretation of the images. Based on the previous researchers' opinion and the authors' own experience, it is proposed that the question of technical and chronological heterogeneity of the complex should be considered closed. Some prospects for further investigations are also suggested.

Keywords: Kapova cave, Shulgan-Tash, Paleolithic art, rock art

Введение

Восточное панно расположено почти напротив входа в зал Рисунков на втором этаже (третьем ярусе) Каповой пещеры. Строго говоря, вход в зал (265 м от входа в пещеру)

находится в юго-западной его части, а панно (около 300 м от входа в пещеру)¹ – на восточной стене. Однако, визуальное Восточное панно воспринимается как находящееся напротив входа, от которого к плоско-

¹ Замеры сделаны по проекции с 3D модели.

стям с рисунками и дальше вглубь пещеры ведёт тропа, огибающая расположенную почти по центру зала крупную глыбу высотой более полутора метров и через подъём ведущая в дальние залы пещеры. От глыбы открывается вид на Восточное панно. Высота потолков в зале достигает тридцати метров, зооморфный выступ размерами $6,5 \times 3,5$ м, на котором находятся рисунки, расположен в самой нижней части относительно ровной восточной стены: такое расположение позволяло использовать для

освещения плоскостей верхний рассеянный по характеру, но рисующий по направлению свет костров с обеих сторон – такие условия освещения рисунков невозможны больше нигде в пещере. На возвышенностях справа и слева от панно есть следы от небольших костров и остатки углей и древесины (рис. 1). При съёмке, результаты которой представлены в статье (рис. 2–18), мы использовали, в основном, свет с этих направлений, который после нескольких проб оказался наиболее выгодным.

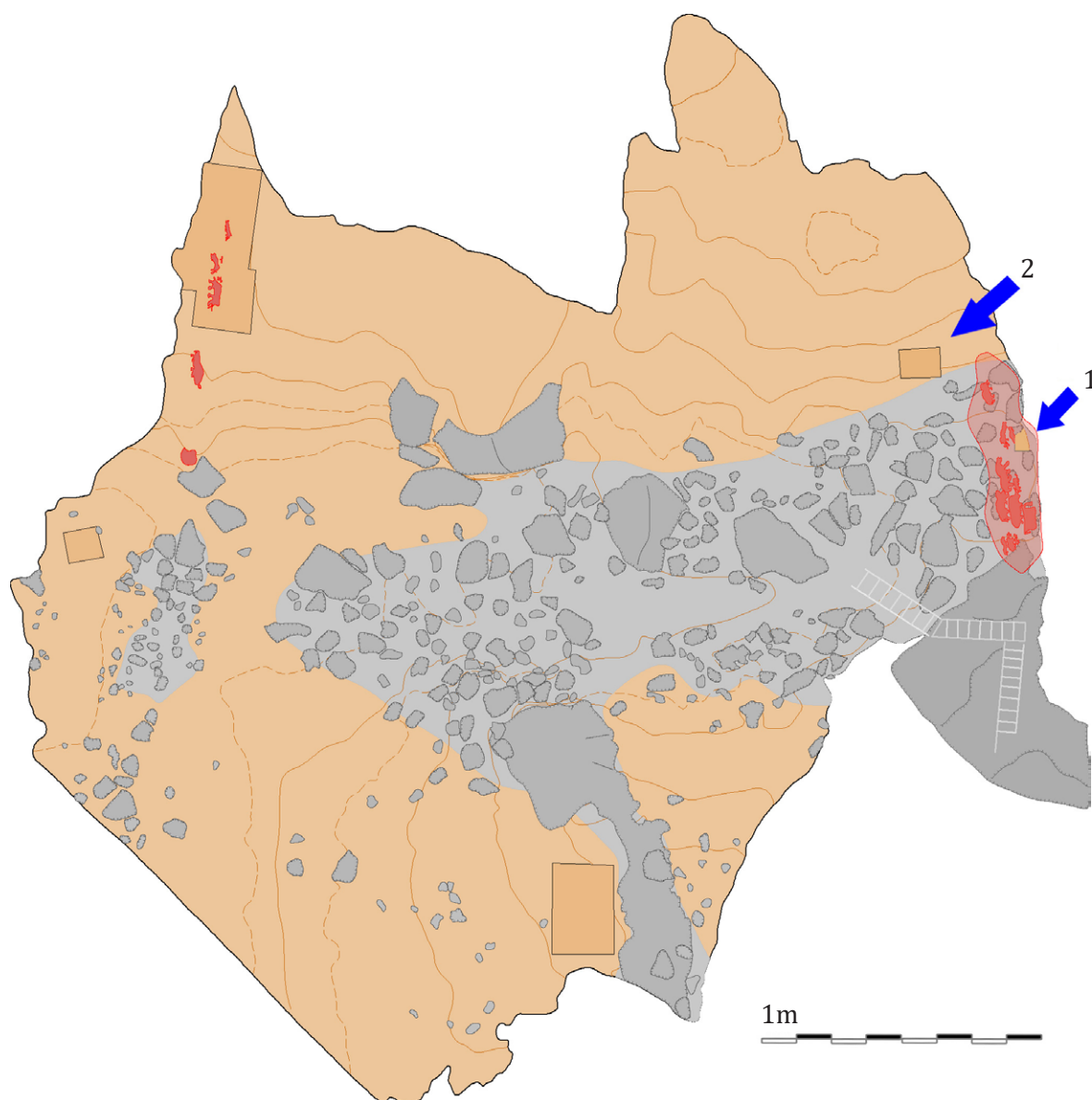

Рис. 1. План зала Рисунков по трёхмерной модели пещеры. Сплошные горизонталы проведены через 1 м, прерывистые – через 0,5 м. Серым обозначены поверхности, не покрытые глиной, светло-коричневым – глинистые. Розовая область в правой части: проекция Восточного панно. Синими стрелками обозначены шурфы: 1 – Т. И. Щербаковой, 2 – В. С. Житенёва. (Автор – Р. Т. Ахмедьянов)

Плоскость восточной стены образована по тектонической трещине субмеридионального простирания, имеющей такие признаки смещения блоков породы, как кливаж и борозды скольжения. Пол перед панно представляет собой навал глыб и камней – результат обвала верхней части восточной стены, произошедшего задолго до нанесения рисунков. Стена имеет отрицательный уклон, угол падения в юго-западном направлении составляет 70° (по: [Ляхницкий и др., 2013]). Выступ, на котором находится панно, делит на две неравные части крупная диагональная трещина (рис. 2). Правая часть выступа, в свою очередь, делится на две части морфоскульптурным элементом в форме полутрубы. Этот элемент представляет собой типичный парагенетический (антигравитационный) канал, который образовался во фреатических условиях² между растворимыми известняковыми стенками и инертным глинистым заполнителем. Такие формы типичны для многих пещерных систем, подвергавшихся в определённой фазе спелеогенетической эволюции кольматации –

заполнению рыхлыми осадками [Farrant, Smart, 2011; Lauritzen, Lauritsen, 1995; Slabe, Prelovšek, 2013; De Waele et al., 2013]. Кольматация, которую не единожды пережила Капова пещера, наложила существенный отпечаток на морфологию полостей и сопровождалась обширным развитием парагенетических каналов: в нижней центральной части плоскости есть небольшая ниша также парагенетического происхождения. По центру правой части панно сохранилась кора древнего кальцитового натёка желтоватого цвета, по которой нанесены охрой некоторые из изображений. Цвет субстрата на панно неоднороден. Часть поверхности покрыта слоем вторичных минеральных отложений, часть имеет серый цвет, характерный для неизменённых вмещающих известняков, часть – желтоватый цвет известняка, подвергшегося выветриванию. Крупных очагов биопоражений на панно на сегодняшний день не выявлено.

Считается, что в зале Рисунков изображения сохранились лучше, чем на первом этаже. Действительно, немногие рисунки, находящиеся в других залах, можно уви-

² Когда полость находится ниже уровня базиса эрозии.

Рис. 2. Общий вид Восточного панно

деть и «прочитать» без применения специальных методик, в то время как значительная часть изображений в зале Рисунков визуально распознается без проблем. По сравнению с полостями первого этажа, зал Рисунков гораздо суше в любое время года, и лишь на одном изображении (трапеция, 14-03-04-03-09) на Восточном панно в многоводные периоды отмечается увлажнение. Вода поступает на поверхность стены изнутри, что свидетельствует о наличии пустот под рисунками, которые, в свою очередь, являются угрожающими сохранности изображений факторами. Тем не менее, явно выраженных следов десквамации поверхности на панно нет. Зал Рисунков был суше залов первого этажа уже задолго до нанесения изображений, так как настолько выраженных древних натёчных форм, как на первом этаже, здесь не наблюдается. Однако, под хорошо различимым изобразительным пластом сохранились реликты более древних изображений, что даёт новый материал для сравнения состояния и хронологического соответствия рисунков первого и второго этажей Каповой пещеры.

Изучение рисунков Восточного панно

Первая серьёзная характеристика панно приводится А. В. Рюминым в журнале «Archeologické rozhledy» в 1961 г. в качестве примера описания памятника [Рюмин, 1961]. Считается, что именно здесь им был обнаружен первый в пещере рисунок – так называемая Лошадь Рюмина в центральной части панно. Судя по всему, Александр Владимирович работал с этим «щитом каменной стены грота галереи мамонтов, заполненным изображениями», как он его называет, до какой-либо его расчистки, потому что уверенно идентифицировать многие из описанных им фигур сегодня невозможно. Тем не менее, этой публикации мы обязаны повторному открытию барельефного изображения (14-03-04-02-08) в нижней части панно (рис. 11). А. В. Рюмин предположил, что древние художники готовили поверхность под рисунки и механически подрабатывали рельеф стены при создании некоторых изображений. Он отметил использование естественного релье-

фа при создании изображений и невозможность отделить краску от рельефных форм. Особого внимания заслуживает его замечание о «наложении одного рисунка на другой», то есть, о многослойности изобразительного ряда. Также А. В. Рюмин провёл первые химические анализы красок с изображений.

Описание изображений, предложенное О. Н. Бадером [1965], видимо, было выполнено после расчистки стены членами экспедиции под его руководством, так как более соответствует современному состоянию плоскостей с изображениями.

В. Е. Щелинский во время исследований пещеры в 1980-х гг. также отмечал следы подготовки поверхности перед нанесением рисунков, в частности, скалывание и стачивание при помощи грубого абразива отдельных мелких выступов, «мешавших художнику провести ту или иную линию при выполнении рисунка» [Щелинский, 1990].

В. Г. Котов уверенно говорит о практике подготовки поверхности и относит найденный им фрагмент кальцитового натёка к инструментам, которые могли быть использованы для её абразивной обработки [Пещерное святилище., 2019]. К явным следам подготовки поверхности панно перед нанесением рисунков можно относить следы обкалывания натёчных форм и подработки ударной техникой, например, дорсальной линии на изображении 14-03-04-02-08 и в других местах, отмеченных предыдущими исследователями. Кроме того, в левой части панно наблюдается заметная разница между периферийными зонами и местом, где нанесён крайний слева рисунок. В правой верхней части панно (над «Верхним мамонтом» 14-03-04-03-05) также можно увидеть разницу в фактуре и цвете поверхности, что можно трактовать как результат её подготовки для нанесения рисунков. Вместе с тем, на подстилающем субстрате сохранился ряд естественных неровностей. Например, в центральной нижней части рисунка «Мамонт-диссидент» (14-03-04-02-03) пигмент нанесён поверх щётки относительно крупных, хорошо сохранившихся кристаллов кальцита (рис. 3), а на изображении трапеции встречаются мелкие кораллиты, покрытые пиг-

ментом. Эти наблюдения свидетельствуют о вероятном отсутствии масштабных абразивных воздействий при подготовке поверхности. В правой нижней части выступа можно проследить микроскопические параллельные диагональные полосы, которые могут быть как естественного, так и искусственного происхождения. Мы склоняемся к естественному образованию подобной фактуры стены (так называемые борозды скольжения), но, в целом, чтобы исключить использование абразива при обработке поверхности древним человеком, у нас недостаточно данных. За исключением левого верхнего угла, вся остальная поверхность панно отличается от участков стены вокруг него по цвету и фактуре, что может объясняться по-разному. Если предполагать участие человека в формировании современного состояния поверхности, то наряду с возможностью подготовки её древними людьми нельзя исключать того, что мы имеем дело со следами «научного вандализма», связанного с неквалифицированной расчисткой плоскостей от загрязнений и современных надписей. Именно подобному вторжению мы обязаны отсутствием на большей части панно следов вермикуляции³, сохранившейся только в верхней правой его части поверх рисунка мамонта и внутри трещины, разделяющей стену. К сожалению, до

сих пор недоступны архивы экспедиций О. Н. Бадера, поэтому восстановить историю позднего антропогенного вмешательства в структуру поверхности панно мы пока не можем. Но в нашем распоряжении есть несколько фотографий, сделанных А. В. Рюминым и Е. Д. Богдановичем в первые после открытия изображений годы, и сравнение их с современным состоянием стены демонстрирует, что панно в первое десятилетие после открытия рисунков подвергалось серьёзной расчистке, вплоть до удаления значительных натёчных образований. Последние реставрационные работы здесь были проведены в 2017 г. под руководством Э. Гийомета и касались они лишь удаления точечных загрязнений глиной на участках стены, не занятой рисунками. По имеющимся в нашем распоряжении фотографиям, сделанным с интервалом в несколько лет с начала 2000-х гг. до настоящего времени, заметной разницы в состоянии панно не обнаруживается.

Значительный вклад в изучение Восточного панно был сделан В. П. Любиным, который, среди прочего, предположил возможность подновления рисунков на примере анализа изображения «Мамонта-диссидента» (14-03-04-02-03), на основании чего впервые на фактической основе поставил вопрос о хронологической неоднородности изображений Восточного панно.

³ Вермикуляция (*vermiculus*, *лат* – «червячок, личинка») – образование небольших по размеру глинистых отложений в неровностях стены, по форме напоминающей червячков.

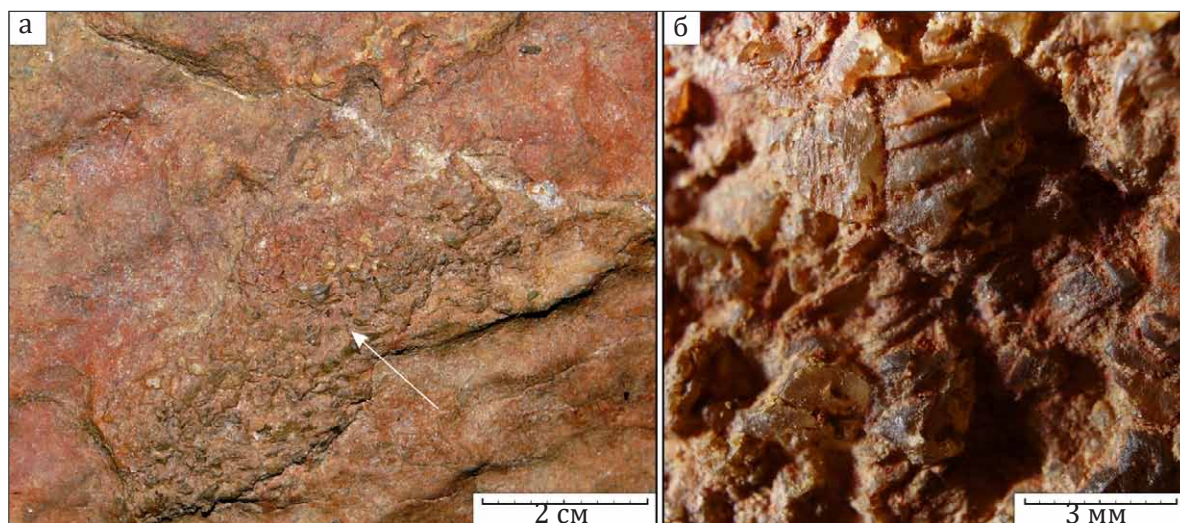

Рис. 3. Кальцитовая щётка, покрытая пигментом. Фото О. Я. Червяцовой

Мы пришли к тем же выводам после анализа пигментных карт изображений, например, «Верхнего мамонта» (14-03-04-03-05). В том, что касается техники, использовавшейся при создании рисунков, в первую очередь В. П. Любин отмечал отсутствие эскизов. Технику нанесения краски он представлял себе следующим образом: «широкой кистью ... изображение исполнялось сразу в один приём, без заметных поправок» [Любин, 1991, с. 30]. Едва ли можно согласиться с тем, что рисунки наносились в одно движение. Аргументом против этого мнения является хорошо прорабатываемая на пигментных картах двойная линия, а также разная ширина линий у некоторых изображений. В. Г. Котов предполагает возможность использования «шпателей» из кальцита или известняка в качестве инструментов для нанесения краски [Пещерное святилище., 2019, с. 255]. Применение кисти или «шпателей» вполне вероятно, однако мы, скорее, склонны предполагать, что в качестве основного инструмента для нанесения краски использовался палец. Тем не менее, некоторые части рисунков, возможно, были растушёваны методом «надува», когда жидкая краска выдувается изо рта через трафарет, образованный руками художника [Lorblanchet, 2010]. Рисунки, по мнению В. П. Любина, наносились «на сырую поверхность известняковой скалы, что при высыхании способствовало закреплению и долговечности низов красочного слоя. Большая же часть этого слоя со временем смывалась, образуя розоватые потёки, покрывавшие незакрашенные части фигур...» [Любин, 1991, с. 30]. Эти «розоватые потёки» были поводом для утверждений разными исследователями силуэтной манеры изображений, что было аргументированно опровергнуто В. П. Любиным. Результаты нашего анализа пигментных карт подтвердили справедливость его мнения: силуэтных рисунков в пещере, и на Восточном панно в частности, нет. Однако во многих случаях причиной наличия «розоватых потёков», по нашему мнению, является не размывание красочного слоя плёночной или текущей влагой, но присутствие предыдущего пласта изображений, плохо сохранившегося

к моменту создания хорошо видимых сейчас рисунков. Причём частичное соответствие контуров подстилающего и видимого изобразительных пластов наводит на мысль о подновлении изображений. Далее, В. П. Любин констатировал «использование естественных неровностей стены для подчёркивания отдельных элементов фигур животных» [1990, с. 61]: «линия горба первого мамонта приурочена к дугообразному вылому; левая передняя нога «лошади Рюмина» наведена по кальцитовому натеку; глаз четвёртого мамонта обозначен небольшим выступом скалы» [Там же, с. 30]. «Нельзя сказать, что изображения только двухмерны» [Там же, с. 63] – подытоживает исследователь. Кроме того, он отмечал сложное сочетание художественных приёмов в контексте «проблемы перспективной передачи образа», обращая внимание на фронтальное, по его мнению, положение голов мамонтов при изображении корпуса в профиль. Подобный приём автор назвал «условно повернутое положение», описывая сочетание в одном изображении проекций «в двух направлениях одновременно». Важнейшие наблюдения В. П. Любина, к сожалению, игнорировались последующими исследователями при описании и анализе рисунков, и его идеи не получили развития.

В 2013 г. Ю. С. Ляхницкий с соавторами опубликовал топографическую привязку панно в зале пещеры и изображений на нём, а также сообщил о не отмеченных предыдущими исследователями следах краски в центре панно [Ляхницкий и др., 2013].

Некоторые важные дополнения к накопленным сведениям о Восточном панно сделал В. С. Житенёв в своей докторской диссертации [2018]. В частности, им были описаны некоторые не отмеченные ранее следы краски и указано на широкое использование рельефа при создании изображений. Также исследователь подверг сомнению трактовку серии линий в правой части панно в качестве изображения человека (14-03-04-04-02). Результаты наших последних изысканий также заставляют сомневаться в справедливости интерпретации этого изображения как ан-

тропоморфного, хотя именно по результатам наших первых опытов с цифровой обработкой изображений, выполненных охрой, этот рисунок получил такую трактовку. Кроме того, В. С. Житенёв дополнил новыми суждениями проблему хронологической неоднородности имеющихся на панно рисунков.

Непосредственно под панно, в основании ниши, О. Н. Бадером в 1973 г. был заложен шурф, который вторично проработали в 2003–2005 гг. участники экспедиции под руководством Т. И. Щербаковой. О. Н. Бадером было отмечено накопление аллювия в верхнем плейстоцене, означающее, что гидрологические условия в зале Рисунков были иными: здесь текла вода. В раннем голоцене условия изменились, и поверхность глинистого слоя образовалась толстая кальцитовая кора. Расчистка культурного слоя непосредственно под панно дала немногочисленные находки осколков натёчных форм, «2–3 плитки плотного натёчного известняка с окрашенной в красный цвет поверхностью и несколько галек, частью довольно крупных» (отчёт О. Н. Бадера 1973 г. по: [Житенёв, 2018, с. 111]). О. Н. Бадер считал, что галька могла быть принесена сюда только человеком, однако нельзя исключать занесение гальки водным потоком в активную фазу спелеогенеза. Вне зависимости от того, как попала сюда галька, важно, что О. Н. Бадер отмечает стёртость одной из них, что, по его мнению, может свидетельствовать о возможности её использования для растирания краски. Однако следов краски на гальке обнаружено не было. Можно предположить, что эта галька использовалась в качестве инструмента при подработке поверхности перед нанесением рисунков. Кроме того, в 2005 г. здесь были обнаружены фрагменты охры и угля, датирование которых в лаборатории ВСЕГЕИ дало результат 15100 ± 130 л. н. Рядом с изображением «Мамонта, идущего в гору» В. С. Житенёвым был обнаружен «камень со следами красного пигмента на поверхности». Поблизости от находки, на склоне, экспедицией МГУ был заложен шурф, в котором кроме охры и углей был найден фрагмент расколотой гальки. Кроме того, было об-

наружено «значительное количество» фрагментов небольших сталактитов, один из которых имел «искусственно пробитое» отверстие в верхней части. В. С. Житенёв интерпретирует находку как остатки производства украшений [Там же, с. 120]. Возможно, стоит рассмотреть эти находки как свидетельство попыток изготовления из сталактитов флейт. В целом, раскопки вблизи Восточного панно позволяют говорить о кратковременных посещениях человеком этой зоны в эпоху позднего плейстоцена, которые не были связаны с хозяйственной активностью, но имели явно выраженные следы художественной деятельности.

Инструменты и методы исследования

В 2019 г. нами была предложена пятичастная система индексации наскального искусства Каповой пещеры, в соответствии с которой Восточное панно зала Рисунков получило индекс 14-03-04, где 14 – номер зала Рисунков при сквозной нумерации полостей пещеры, 03 – это номер Восточной стены, если считать от входа в зал слева направо, и 04 – это номер собственно панно, которое, в свою очередь, в соответствии с морфологическими характеристиками и особенностями поверхности делится на пять плоскостей, первая из которых (14-03-04-01) занимает переднюю часть зооморфного выступа. Вторая (14-03-04-02) – имеет подтреугольную форму, располагается до крупной диагональной трещины, проходящей через весь блок, и характеризуется неровной поверхностью с параллельными диагональными следами скола. Третья (14-03-04-03) – занимает пространство между диагональной трещиной и парагенетическим каналом (полутрубой) и характеризуется относительно ровной поверхностью с мелкими ячеистыми фасетками в нижней части плоскости, возможно, фреатического происхождения, а также параллельными горизонтальными микровыступами неясного генезиса. Четвёртая (14-03-04-04) – продолжается от парагенетического канала до угла блока, и здесь также характерны мелкие ячеистые фасетки в нижней части плоскости. Пятая плоскость (14-03-04-05) находится

за углом выступа, отличается обилием натёчных форм и очевидным отсутствием того или иного вида современного антропогенного вмешательства. Большинство рисунков находится в границах естественных плоскостей, хотя есть и исключения, например, внутри парагенетической полутрубы в правой части выступа хорошо заметны следы охры.

Рисунки на Восточном панно выполнены в сложной смешанной технике: в большинстве случаев прослеживается естественный (?) рельеф стены, соответствующий зооморфным очертаниям, которые «подведены» охрой. Утверждать, что рисунки здесь сделаны охрой, не вполне корректно, поскольку, как будет показано ниже, для большинства из них рельеф стены играл роль матрицы, по которой создавалось изображение. То есть, в создании этих изображений, возможно, краска играла вспомогательную роль, и уместнее было бы говорить о «подчёркивании», или «усилении» охрой особенностей рельефа поверхности. Одним словом, рельеф играет столь же важную роль в формировании образа, как и краска, а, возможно, является основой изображения. В большинстве случаев использования рельефа можно быть уверенным в том, что этот рельеф – естественный. Однако для некоторых изображений возможность искусственного моделирования поверхности исключать нельзя. В некоторых случаях (например, 14-03-04-02-08) наблюдаются явные следы намеренного обкалывания натёчных форм. Линии, которыми сделаны рисунки, различной ширины (от 2 до 5 см), краска наносилась в жидком состоянии либо пальцами, либо методом «надува» [Lorblanchet, 2010]. Диффузия краски выражена слабо, некоторые линии растушёваны, что едва ли можно объяснить воздействием плёночной или инфльтрационной влаги. Имеются перекрытия красочных следов разной сохранности: кроме хорошо видимых изображений, наблюдаются слабые остатки красной краски, которые не относятся к известным нам рисункам. В области спины носорога под красочным слоем обнаружены две группы тонких гравированных следов. Также на втором рисунке мамонта (14-03-04-02-02)

есть следы царапания поверх красочного слоя, возможно, оставшиеся после удаления граффити. Одним словом, комплекс изображений на панно трудно назвать однородным как с технологической точки зрения, так и стилистически.

Ниже приводятся результаты последней инвентаризации панно. Рисункам присвоены уникальные пятичастные индексы, которые однозначно задают расположение изображений в пещере. Учётные индексы рисунков в рамках отдельных выделенных плоскостей могут меняться по мере исследования, по крайней мере, до тех пор, пока представление о памятнике не будет «кристаллизовано» в виде, например, опубликованного каталога, однако общая структура базы данных изображений памятника останется той же даже в случае обнаружения новых рисунков. Общий принцип учёта элементов рельефа, плоскостей с изображениями и рисунков, применяемый нами – слева направо и сверху вниз. В соответствии с ним приводятся описания рисунков в рамках обозначенных выше плоскостей. Замеры рисунков, хорошо видимых глазом, с целью верификации данных были сделаны три раза: по месту, по пигментной карте и по трёхмерной модели. Этот небольшой эксперимент подтвердил, что наиболее точные замеры можно сделать по пигментной карте, именно они приводятся в перечне. Также с целью тестирования возможностей применения методов пигментных карт и DStretch для анализа красочного слоя некоторые пигментные карты, сделанные с фотографий, были продублированы и с 3D модели. Расхождения минимальны, что позволяет говорить о возможности колориметрического анализа по качественно изготовленным трёхмерным моделям, полученным методом фотограмметрии. В процессе документирования были сделаны десятки снимков для каждого изображения, что позволило выбрать оптимальные для передачи рельефа и краски фотографии. В данной публикации приводятся, как правило, две иллюстрации, одна из которых демонстрирует рельеф стены, другая – пигментная карта – показывает следы распределения красного пигмента. В этих слу-

чаях серия фотографий делалась жёстко закреплённым аппаратом с разным освещением, с одного из дублей, снятых специально с этой целью, изготавливалась пигментная карта, из десятков других выбирался тот, где лучше всего виден микрорельеф стены поверхности. Однако, направление света, при котором рисунки «читаются» лучше всего – одновременно краска и рельеф, в целом совпадает с расположением гипотетических костров на возвышенностях по обеим сторонам панно. Для анализа изображений методом пигментных карт применялись как фотографии, полученные с импульсными источниками света, так и с диодными осветительными приборами цветовой температурой 3200 К и 5600 К. Публикуемые пигментные карты выполнены с целью визуализации рисунков, а не анализа краски, по большей части, на основе канала *hue*. Для составления плана зала использована трёхмерная модель, созданная сотрудниками лаборатории RSSDA. Также некоторые использованные в статье данные были получены с помощью этой модели.

Результаты

14-03-04-00-00 (рис. 2). В качестве изобразительного пространства Восточного панно был использован крупный скальный выступ зооморфной формы. В изучении наскального искусства часто возникает вопрос, почему именно в этом месте создавались изображения. В данном случае, возможно, есть на него ответ. Осмысление и использование естественных зооморфных образований – не редкость для наскального искусства. Самый яркий пример тому – панно с изображением «лошадей в яблоках» в пещере Pech Merle на плато Quercy в южной Франции (например, [Lorblanchet, 2010]). Подобный приём использования внутреннего пространства естественных рельефных форм можно назвать рекурсивным: одно изображение встраивается в другое по «принципу матрёшки» (или «*mis en abyme*»), что является, возможно, фактором, определяющим сюжет. Примеры подобного осмысления естественного рельефа древними художниками есть и в Каповой пещере, например, в ходе Горло или на описываемом Восточном панно за-

ла Рисунков (например, «Мамонт-диссидент»). Выступ с «лошадьми в яблоках» в Pech Merle, по мнению M. Lorblanchet, был подработан в передней части лишь очень незначительно. Экспериментальное трасологическое изучение подобной обработки известняка в нашей стране до сих пор не проводилось. Единственное, что можно утверждать сегодня уверенно, это что зооморфный выступ площадью примерно в 23 м² был выделен древними художниками из множества пригодных к изобразительной деятельности плоскостей в зале и именно его пространство было использовано для нанесения красочных рисунков, возможно, именно в силу того, что он имеет зооморфные очертания.

14-03-04-01-01. Первая единица учёта – следы краски в нижней части плоскости. Осмыслить их нам пока не удалось.

14-03-04-01-02 (рис. 4). Первый слева хорошо сохранившийся рисунок на панно среди исследователей Каповой пещеры получил название «Мамонт, идущий в гору». Изображён, соответственно, мамонт головой влево. Для прорисовки фигуры животного использовался естественный (или подработанный) рельеф скальной поверхности: по неровностям стены краской (охрой) прорисованы передняя и верхняя части головы, спина, круп и все четыре ноги. Фактически, только линия живота не соответствует явному рельефу поверхности. Ширина красочной линии варьирует приблизительно от трёх миллиметров (хвост) до четырёх сантиметров (задняя нога). Спина прорисована двойной линией, хорошо «читаемой» на крупе в верхней его части и теряющей интенсивность цвета в нижней части. Верхняя часть спины также имеет двойной контур. Линию, обрисовывающую лопатку внутри контура животного, нельзя отнести к характерным для памятника изобразительным приёмам. Также заполнение линиями и точками «митры» вызывает вопросы: неясно, что изображено, хотя, однозначно, подобное заполнение головы не является «каноническим». Передние ноги больше напоминают изображение ног человека, чем животного – в отличие от задних, «столбообразных», по выражению В. П. Любина;

у передних ног чётко прорисована стопа и слишком, по нашему мнению, выражен колённый изгиб. Расстояние между передними ногами больше, чем между задними: подобная расстановка ног отмечается и для других рисунков панно. Внутри контура тела животного от шеи к хвосту идёт ещё одна плохо заметная линия, как бы срезающая характерный горб животного:

подобным образом, с прямой спиной, изображён мамонт на следующей плоскости («Диссидент»). Эта же линия пересекает и голову животного. Между каналами *a* и *b* есть корреляция, хотя сигнал в канале *b* выражен очень слабо. Изображение глаза не выявлено, но на рисунке обозначен костный бугор в соответствующей области. Также краской обозначен половой

Рис. 4. 14-03-04-01-02, «Мамонт, идущий в гору»: фото (1) и пигментная карта (2) изображения

член. Размер изображения: 88,3 × 75,76 см. В. П. Любин отмечает прерывание красочной линии в областях изображения, которые пересекаются кальцитовыми прослойками. Это явление, по нашему мнению, связано с разной адгезивной способностью известняка и кальцита. В. Е. Щелинский отмечал подготовку поверхности перед нанесением этого рисунка: на площади в 20 × 35 см, по его мнению, был «сбит и соскоблен грубым абразивом натёчный кальцит» [Любин, 1991, с. 30].

14-03-04-02-01 (рис. 5). В качестве первой учётной единицы второй плоскости отмечена серия тёмных линий непонятного происхождения, складывающихся в изображение морды козла (?) размером 17 × 32 см. Цвет линий – почти чёрный, с явно выраженным зелёным компонентом. Линии покрыты сверху тонким прозрачным слоем кальцита (?), который подстилает жёлтый слой выветренного известняка. Подобное обнажение тёмной подстилающей прослойки хорошо заметно в других местах панно. Ясности по поводу происхождения и правомерности трактовки этих следов как искусственных нет.

14-03-04-02-02 (рис. 6). Несколько параллельных слабых широких линий крас-

ного цвета левее «Мамонта-диссидента», повторяющих естественные (?) рельефные следы, образовавшиеся, возможно, во время сдвига блока. Возможно, это рельефное изображение мамонта с сохранившимися следами охры в левой части: на рис. 7 можно увидеть рельефное очертание, напоминающее мамонта большего, чем «Мамонт-диссидент», размера, с загнутым внутрь хоботом. Пока мы не можем исключить возможности искусственного моделирования поверхности.

14-03-04-02-03 (рис. 7), «Мамонт-диссидент». Название обусловлено тем, что это единственное описанное до сих пор в зале Рисунков изображение животного головой вправо. По неровностям стены краской прорисованы все (!) части тела. Кроме того, контур изображения повторяет параллельные складки поверхности (предыдущая единица учёта). В комплексе со складками рельефа красочное изображение создаёт рекурсивный «эффект матрёшки» – вложенности красочного изображения в зооморфную форму рельефа, естественного или моделированного: особенно ярко этот эффект проявляется в прорисовке верхней части спины. Круп животного слишком вытянут для привычного изображения ма-

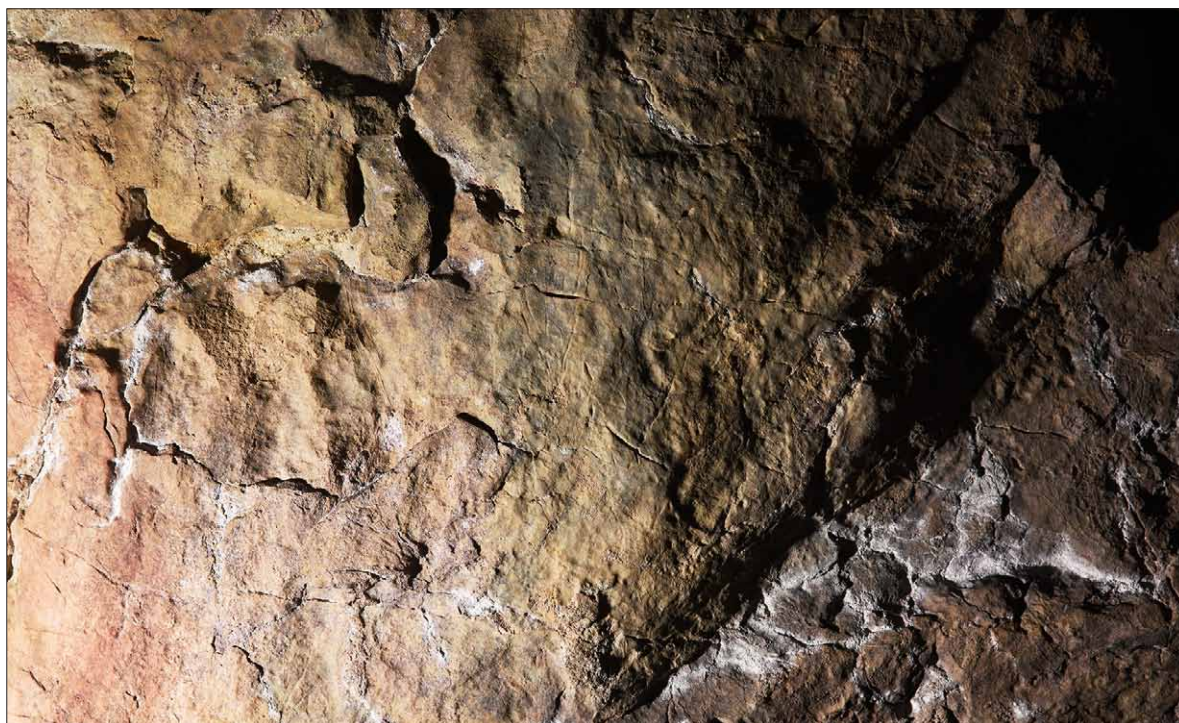

Рис. 5. 14-03-04-02-01: чёрные линии неясного происхождения, напоминающие морду животного

монта, что объясняется тем, что художник был обусловлен рельефными формами, которые не только задавали вид изображаемого животного, но и определяли его «персональные» особенности. Другими словами, на месте «Мамонта-диссидента» не могли быть нарисованы лошадь или бык и, более того, его фигура могла быть трак-

тована только так, несмотря на некоторые анатомические несоответствия реальному животному. Горб и нижняя часть живота мамонта прорисованы двойной линией. Для изображения глаза использована естественная фасетка, подкрашенная охрой. Внутри контура никаких линий нет. Ноги выглядят слишком длинными для мамонта.

Рис. 6. 14-03-04-02-02: 1 – фигура, напоминающая мамонта, образованная неровностями поверхности; 2 – маскированная и осветлённая зона неровностей рельефа, напоминающая фигуру мамонта

Линия неоднородна, что объясняется растушёвкой либо в результате воздействия плёночной влаги, либо вследствие намерения художника. В.Е. Щелинский отмечал удаление неровности стены площадью 3×8 см перед нанесением рисунка в области бивней и хобота животного [Любин, 1991, с. 30]. Ширина линии от 1 см (бивни) до 5 см (круп); размер изображения: $83 \times 67,4$ см. В.П. Любин предполагал наличие «здесь двух разновременных и почти

полностью перекрывающих друг друга изображений мамонта» [Там же, с. 32].

14-03-04-02-04 (рис. 8). Естественный выступ зооморфной формы размером примерно 160×120 см. Брюхо животного образовано гранью ниши в нижней части панно. Голову образует естественный (?) выступ, напоминающий голову козла. На голове прослеживаются тёмные следы непонятного происхождения, покрытые тонкой прозрачной кальцитовыми плёнкой,

Рис. 7. 14-03-04-02-03, «Мамонт-диссидент»: фото (1) и пигментная карта (2) изображения

сходные с теми, что учтены под первым номером на этой плоскости.

14-03-04-02-05. Следующая единица учёта – тёмное пятно в центре этого выступа, того же происхождения, что и тёмные полосы в передней его части.

14-03-04-02-06 (рис. 9). Неровности рельефа, образующие фигуру мамонта, в которую вписан «Бледный мамонт» (14-03-04-02-07). Передняя часть фигуры светлее поверхностей вокруг, что позволяет предположить обработку фигуры в древности.

14-03-04-02-07 (рис. 10). Изображение мамонта головой влево, слабой сохранности, в высокой степени стилизованное и плохо детализированное, что обусловлено техническим пределом рисования с помощью пальца или «надува»: при уменьшении изображения и сохранения ширины линии, которая зависит от метода, которым наносится краска, детализация рисунка неизбежно страдает. Ширина линии от 2-х (нога) до 5-ти (брюхо) см, хотя широкая линия на брюхе и на спине рисунка могла получиться и удвоением линии. Размеры: 55 × 45 см. Рисунок вписан в рельефный контур большего размера (14-03-04-02-06), повторяет его очертания и неровности стены.

14-03-04-02-08 (рис. 11). Рельефное изображение, описанное А. В. Рюминым и открытое нами заново в первой половине 2000-х гг. Дорсальная линия образована естественной тектонической трещиной. Голова моделирована из натёчного образования обкалыванием. Линия спины подработана также с помощью ударной техники. Как и во многих случаях, когда используются естественные формы для создания изображения, видовая принадлежность изображённого животного неоднозначна и зависит от направления света. На пигментных картах отмечаются слабые следы охры на спине животного.

14-03-04-03-01 (рис. 12). «Лошадь Рюмина». По легенде это первый рисунок, открытый в пещере и, несомненно, один из первых сфотографированных. По рельефу прорисована спина, круп, обе задние ноги и одна передняя. Чудесным образом проработана морда: фасетки образуют глаз, ухо, рот, скулу и ноздрю, при этом краской они никак не выделены – в этом не было необходимости. Необычно прорисован живот – ровной полукруглой линией, но краска здесь идеально вписана в рельеф, таким образом эта стилистическая странность вполне может объясняться стремлением художника «следовать природе». Интен-

Рис. 8. 14-03-04-02-04, рельефный зооморфный выступ

сивность краски на этом участке выше, чем на всём остальном рисунке. В целом, интенсивность цвета рисунка различна: есть ощущение растушёвки, особенно на гриве, и в данном случае едва ли можно говорить о расплывании краски в результате воздействия плёночной влаги, уместнее предположить намеренное применение растушёвки как художественного приёма. Под-

стилающий рисунок здесь также не выявлен. Возможно, изображение создавалось «надувом». Корреляция между каналами *a* и *b* есть, хотя сигнал в канале *b* гораздо слабее. Так же, как у «Мамонта, идущего в гору» (14-03-04-01-01), странно прорисованы ноги, задние, в данном случае: расстояние между ними кажется переданным неестественно. В.Е. Щелинский отмечал

Рис. 9. 14-03-04-02-06: 1 – неровности рельефа внутри зооморфного выступа, напоминающие фигуру мамонта, контур которой светлее окружающих его областей; 2 – маскированная и осветлённая зона неровностей рельефа, напоминающая фигуру мамонта

следы пикетажа в области гривы, причем область обработанного участка (25 × 30 см), по его мнению, шире красочного контура. Размеры: 105 × 75 см.

14-03-04-03-02. Следы охры на перегибе под «Лошадью Рюмина». Осмыслить их мы пока не смогли.

14-03-04-03-05 (рис. 13). Изображение мамонта («Верхний мамонт»). По рельефу

прорисована передняя часть головы, круп, передняя нога, линия лопатки, брюхо. Круп изображён двойной линией, в нижней задней части туловища контур как будто закрашен. Ширина линии от 2 до 5 см. В области крупа В. Е. Щелинский отмечает «мелкие сколы и пикетаж выступающего кальцитового натёка» площадью 25 × 30 см [Любин, 1991, с. 30]. Размер изображения: 89 × 79 см.

Рис. 10. 14-03-04-02-07, «Бледный мамонт»: рельефные формы, которые были использованы при создании рисунка (1) и пигментная карта изображения (2)

14-03-04-03-04. Слабые «растушёванные» следы краски вокруг изображения «Верхнего мамонта» (14-03-04-03-05). Вероятно, это изображение мамонта было создано задолго до того, как был нарисован «Верхний мамонт». Возможно, фигура была силуэтной. Соображение, что эти следы принадлежат другому рисунку, основано на их несоответствии контуру «Верхнего мамонта» в районе спины. Также пе-

Рис. 11. 14-03-04-02-08, зооморфный выступ в нижней части панно, описанный А. В. Рюминым

Рис. 12. 14-03-04-03-01, «Лошадь Рюмина»

ред задней ногой «Верхнего мамонта» отмечена линия, которая могла бы быть изображением полового члена, но для «Верхнего мамонта» положение этого органа невозможно, а для описываемого рисунка

тут все вполне на местах. Высота изображения была около 90 см.

14-03-04-03-03. Отчетливо видна зона зачистки поверхности в характерной для рисунков мамонта форме, что соответ-

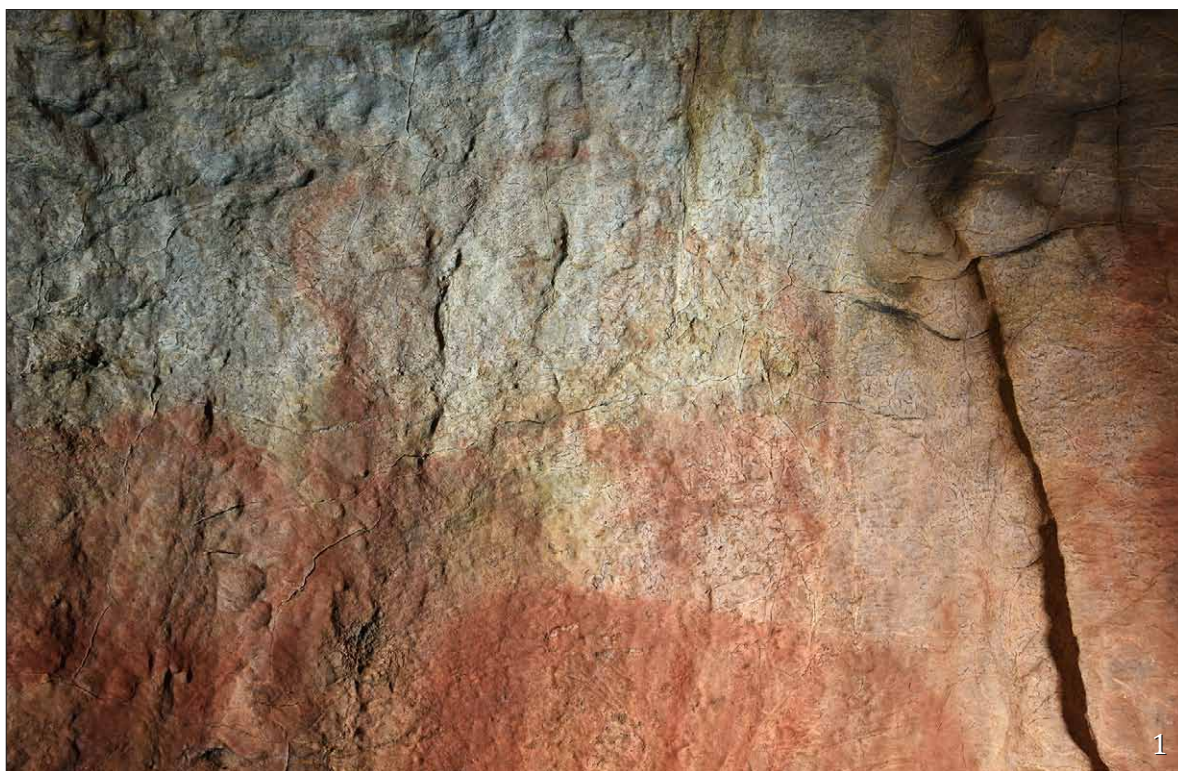

Рис. 13. 14-03-04-03-05, «Верхний мамонт»: фото (1) и пигментная карта (2) изображения

ствуует особенностям рельефа. Если данная трактовка справедлива, в этой области панно мы имеем три изображения мамонта, вложенных друг в друга в соответствии с рекурсивным изобразительным приёмом.

14-03-04-03-06 (рис. 14). Небольшое относительно других рисунков изображение носорога. Голова, круп и брюхо прорисованы краской по неровностям рельефа. Внутри туловища животного прослеживается несколько линий, которые сложно описать

как элементы «плана формы» для изображения носорога. Ширина линии от 2 до 5 см, на задних ногах – 1 см. Ноги прорисованы контурными треугольниками – других подобных примеров в пещере мы пока не знаем. Размеры: 58,8 × 34,75 см. Сигнал в канале *b* фактически отсутствует.

14-03-04-03-07 (рис. 15). Изображение носорога: единственный рисунок животного на панно, где слабо выражено использование рельефа. Возможно, в качестве гла-

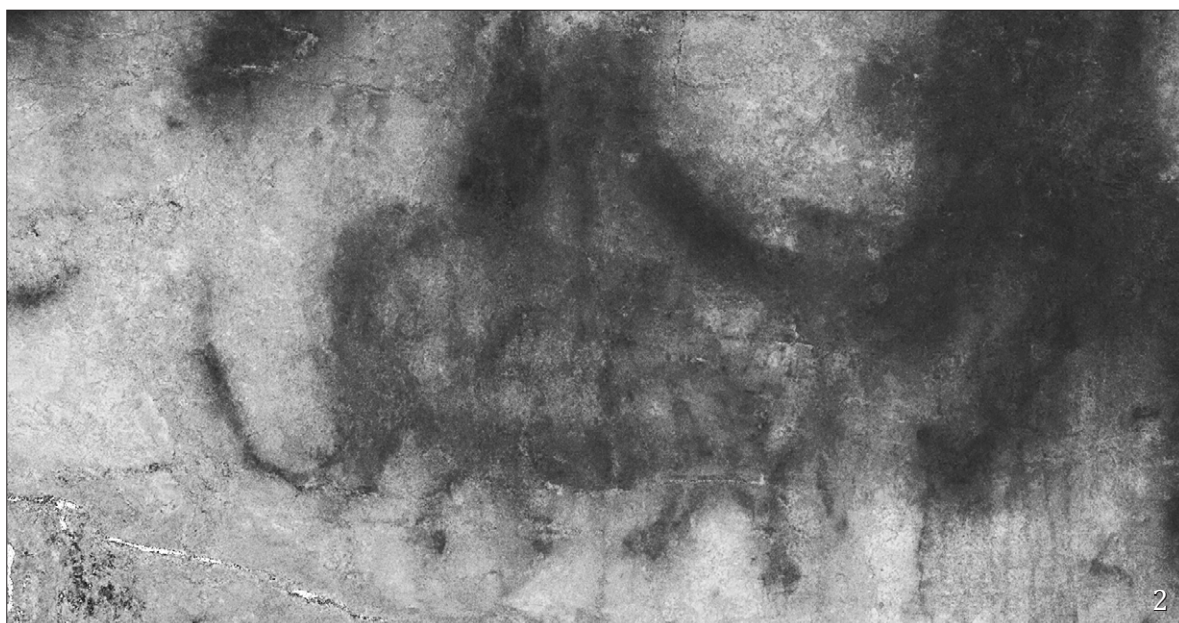

Рис. 14. 14-03-04-03-06, «Маленький носорог»: рельеф, использованный при создании рисунка (1) и пигментная карта изображения (2)

за воспринимался небольшой естественный выступ. У животного очень длинный рог, который больше напоминает бивень мамонта. Контур тела расчерчен внутри линиями разной интенсивности, длины и ширины, возможно наличие под изображением ещё нескольких более древних рисунков. Передняя часть корпуса и голова закрашены, причем с внутренней (правой) стороны эта закрашенная область оканчивается полукругом, который у нас осмыс-

лить с точки зрения художественной необходимости не вышло. Внутри контура проходит ещё одна полукруглая горизонтально ориентированная линия. Во вторую переднюю ногу (вторую слева) также упирается линия, которая не может относиться к изображению носорога. Кроме того, перед мордой животного нарисована крупная точка, которая также не имеет к нему отношения. Сигнал в канале *b* практически отсутствует. Растушёвка линий полно-

Рис. 15. 14-03-04-03-07, изображение носорога: фото (1) и пигментная карта (2) изображения

стью соответствует контуру животного и, вероятно, является следствием размытия краски плёночной влагой. Пигментная карта на основе канала *huc* выглядит совсем не так, как на других изображениях панно. Причины этого неясны. Ширина линий от 2 до 5 см, размеры: 125,6 × 76,9 см.

14-03-04-03-08. Две группы тонких гравируемых линий под красочным слоем в области спины и крупа носорога. Это совершенно новый для исследования материал.

14-03-04-03-09. Тёмные области в нижней части панно. Наиболее вероятно их естественное происхождение, однако стоит рассмотреть возможность создания изображения контраформой, когда слой выветренного желтоватого известняка выбирался механическим образом до проявления тёмноокрашенного подстилающего слоя. Подобный метод, возможно, был применён при создании изображения рыбы в *Abri du Poisson* в Дордони.

14-03-04-03-10 (рис. 16). Трапеция. Единственный геометрический рисунок в зале, сильно выбивающийся по стилистике из всего репертуара второго этажа. В верхней правой части из скалы сочится вода, что является угрозой для сохранности этой фигуры и всего панно. Нижняя часть изображения нанесена на участок стены с мелкоячеистой фасеточной микроскульптурой, в верхней части отмечаются параллельные полу микро-гребешки неясного происхождения. Рельеф при создании изображения не использовался. Сигнал в канале *b* очень слабый, но коррелирует с содержимым канала *a*. Верхнее основание трапеции образуется вогнутой внутрь фигуры линией. Внутренняя часть трапеции расчерчена 10 линиями, соединяющими её основания. Внутренние линии не прямые, но изгибаются к центру фигуры. Справа и слева с трапеции свисают два «хвоста», длиной почти во всю её высоту. Во внутренней части трапеции, вверху, заметны реликты линий, явно не относящихся к этому рисунку. Ширина линий от 3 до 5 см, внутренние линии уже, чем линии, образующие контур фигуры. Размеры изображения: 83,5 × 58,59 см.

14-03-04-03a-01. Внутри парагенетического канала находятся следы краски, которые можно интерпретировать с учётом рельефа как изображение мамонта. Фигура образована естественными формами рельефа, пересекает канал и находится, таким образом, одновременно на двух выделенных нами плоскостях. Это изображение мамонта впервые было описано О. Н. Бадером в отчёте 1973 г. (по: [Житенёв, 2018, с. 155]). Мы решили ввести для него дополнительный индекс, показывающий, что единица учёта расположена между двумя соседними плоскостями и не может быть отнесена ни к одной из них.

14-03-04-04-01 (рис. 17). Изображение лошади, круп, голова и брюхо которой прорисованы по неровностям рельефа. Грива растушёвана. Контур расчерчен четырьмя парами линий. Нарисованы одна задняя и одна передняя ноги. Толщина линий от 1–1,5 до 5 см. Размеры: 55,9 × 35,67 см.

14-03-04-04-02. Несколько линий, которые описываются предыдущими исследователями как изображение человека. Сейчас справедливость такой трактовки фигуры вызывает сомнения. Подобные сомнения высказал и В. С. Житенёв [Там же]. Пятно, которое воспринимается как изображение головы, по некоторым результатам обработки в *DStretch* имеет другой оттенок, чем остальные линии. Линии, которые воспринимаются как изображение ног, не соединены с линиями, обозначающими «тело человека», штрих, который воспринимается как изображение передней ноги, не только не соединяется с «телом», но ничем не напоминает изображение ноги и, кроме того, он шире других линий этого изображения. Вероятно, эта последняя линия относится к соседнему изображению мамонта, так же, как и «вторая нога человека», тем более, что она прорисована по фасетке, которая начинается от головы мамонта и по форме соответствует его бивню. Кроме того, подобная трактовка фигуры человека не встречается в наскальном искусстве как палеолитического периода, так и более поздних эпох. Больше того, вокруг этого изображения, как справа, под изображением мамонта,

так и слева, внутри парагенетической полутрубы, отмечаются следы краски, которые явно не принадлежат ни к одному известному нам сейчас рисунку. Возможно, стоит попробовать осмыслить эту группу линий иначе. Их толщина – от 1,5 до 3 см.

14-03-04-04-03. Изображение мамонта, сделанное широкой линией. Рельеф выражен слабо, однако умело использован: «чи-

таются», например, глаз и ухо животного. Дорсальная линия и линии ног также следуют очертаниям рельефа. Задние ноги изображены с характерным для «слоноподобных» утолщением вокруг стопы. Пропорции животного искажены: изображение сплюснуто по горизонтальной оси, что может быть обусловлено необходимостью следовать рельефу: зависимость трактовки

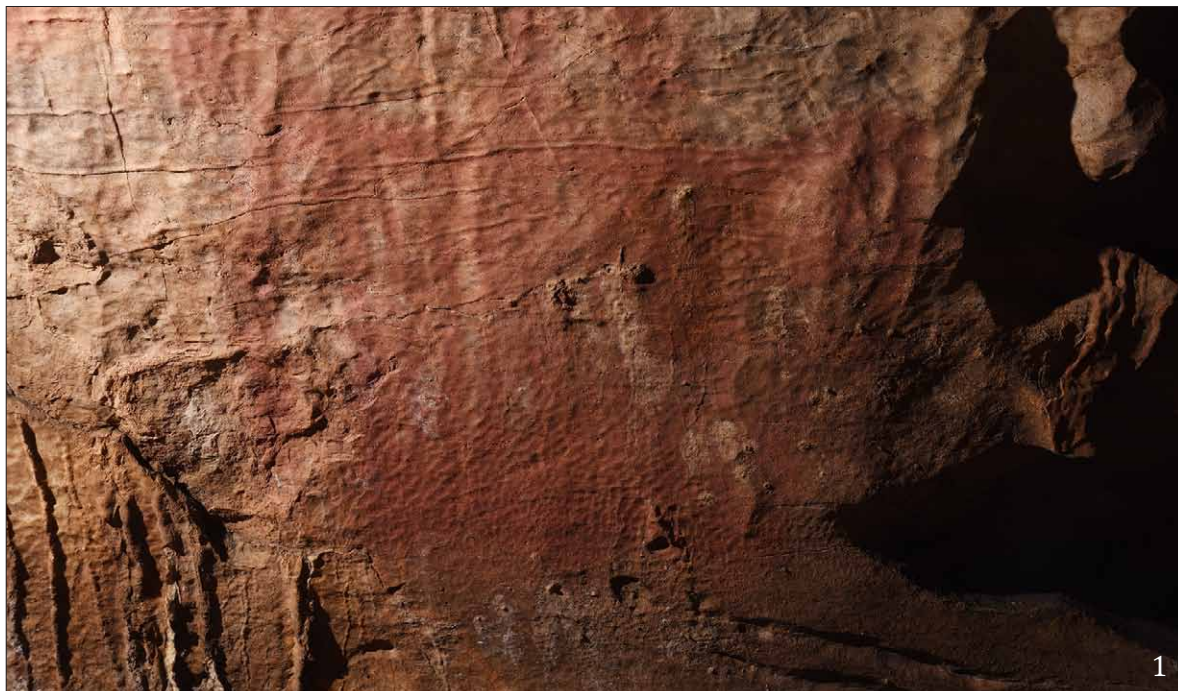

Рис. 16. 14-03-04-03-10, изображение трапеции: фото (1) и пигментная карта (2) изображения

фигуры от выбранного участка плоскости отмечал также В. П. Любин. На пигментных картах читается загнутый внутрь кончик хобота. Толщина линий от 3 до 5 см. Размеры: 55,4 × 53,5 см с учётом «бивней», которые ранее относились к изображению антропоморфа. Корпус животного пересекает диагональная линия, явно не относящаяся к данному изображению. Позднее она будет выделена в отдельную учётную единицу.

14-03-04-04-04 (рис. 18). Небольшое, сильно стилизованное изображение мамонта в нижней части плоскости, выполненное на пределе технических возможностей, если предполагать рисование пальцем. При таком соотношении размера изображения и размера штриха ни о какой детализации говорить не приходится. Стилистически изображение напоминает рисунок мамонта из французской пещеры Вауме-

Рис. 17. 14-03-04-04-01: рельеф, использованный при создании рисунка (1) и пигментная карта изображения (2)

Latrone. Единственное изображение на панно, нарисованное не параллельно полу. Хобот загнут внутрь, бивни изображены нереально длинными и нереально загнутыми внутрь: возможно, часть линии бивня не относится к этому рисунку. Размер изображения: 37,5 × 22,35 см. Толщина линии однородна – около двух сантиметров.

Последняя плоскость панно находится за углом, в месте окончания основной изо-

бразительной поверхности, на торце большого зооморфного выступа. Состояние плоскости не позволяет как-либо интерпретировать обнаруженные здесь следы красной краски: поверхность сильно загрязнена глиной. Возможно, некоторые линии на предыдущей плоскости могут относиться к изображениям, которые расположены здесь, под слоем загрязнений и натёчных образований.

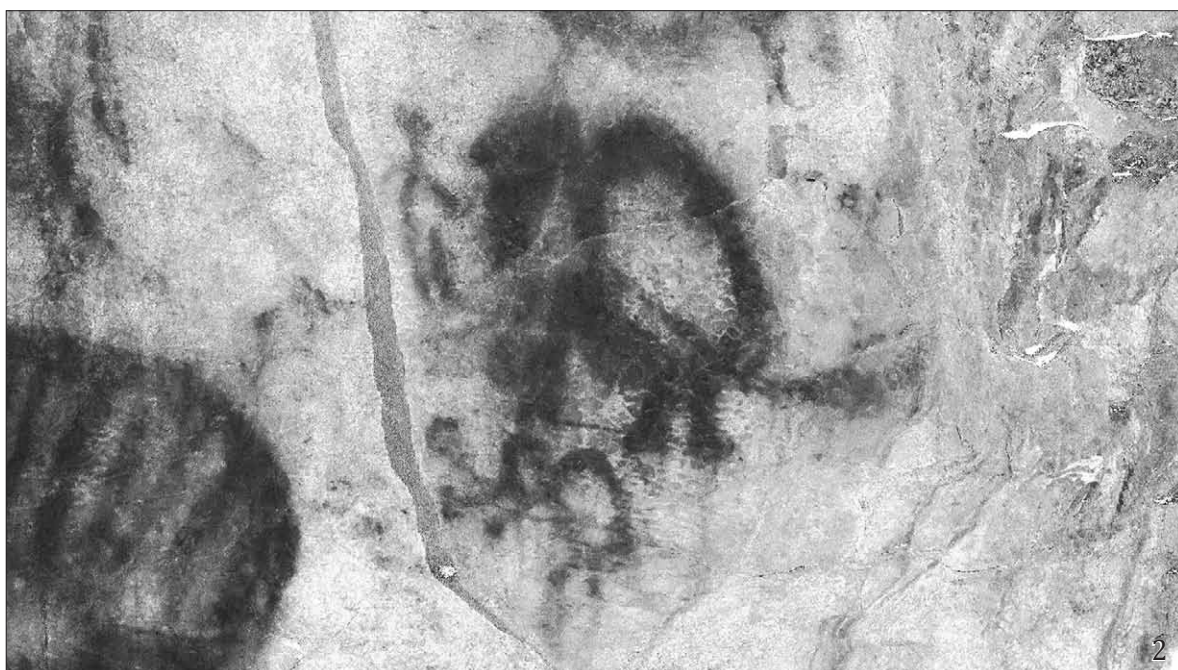

Рис. 18. 14-03-04-04-04: нижняя часть плоскости (1) и пигментная карта (2) изображения

Заключение

Таким образом, на данном этапе нами были суммированы исследования предыдущих лет и подготовлено базовое описание Восточного панно зала Рисунков, на основании которого будет строиться его дальнейшее изучение. В рамках всего лишь одного панно зафиксировано удивительное разнообразие применявшихся во время создания рисунков техник и методов, некоторые из них представляются гипотетическими и требуют дальнейшего изучения и обсуждения. Изображения панно дают богатый материал для дальнейшего изучения многих вопросов, связанных с особенностями рельефа плоскости, диф-

ференциацией образованных естественным образом форм, следами антропогенного вмешательства в природу субстрата, а также технологическими приёмами создания изображений с применением, в частности, трасологического экспериментального исследования. По нашему мнению, можно считать установленной хронологическую неоднородность представленного изобразительного комплекса. В этом контексте необходим ряд специальных исследований, в первую очередь, тщательный анализ стратиграфии изобразительной поверхности, что создаст базу для дальнейшей хронологической привязки имеющихся здесь изображений.

Литература

- Бадер О. Н.* Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 23 с.
- Житенёв В. С.* Капова пещера – палеолитическое подземное святилище. М.: Индрик, 2018. 296 с.
- Любин В. П.* Изображения мамонтов в Каповой пещере // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 56–64.
- Любин В. П.* Изображение мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // Советская археология. 1991. № 1. С. 20–42.
- Ляхницкий Ю. С., Юшко А. А., Минников О. А.* Сокровище палеолита. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ. Уфа: Китап, 2008. 180 с.
- Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) /* Сост. и отв. ред. В. Г. Котов. Уфа: Китап, 2019. 360 с.
- Рюмин А. В.* Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале. Сообщение 1 // *Archeologické rozhledy*. R. 13. S. 5. Praha, 1961. P. 712–731.
- Щелинский В. Е.* Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале (датировка, размещение, культурная принадлежность) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 47–55.
- Farrant A. R., Smart P. L.* Role of sediment in speleogenesis; sedimentation and paragenesis // *Geomorphology*. 2011. 134 (1–2). P. 79–93.
- Lauritzen, S.-E., Lauritsen, A.* Differential diagnosis of paragenetic and vadose canyons // *Cave and Karst Science*. 1995. 21 (2). P. 55–59.
- Lorblanchet M.* Art parietal. Grottes ornees du Quercy. Rodez: Editions du Rouergue, 2010. 446 p.
- Slabe T., Prelovšek M.* Rock features and morphogenesis in epigenic caves // Shroder J. (Editor in Chief), Frumkin A. (Ed.). *Treatise on Geomorphology*. Vol. 6: Karst Geomorphology. San Diego: Academic Press, 2013. P. 172–185.
- De Waele J., Fabbri F. R., Forti P. A., Lucci P. I., Marabini S. T.* Evoluzione speleogenetica del sistema carsico del Re Tiberio (Vena del Gesso Romagnola) // *Memorie dell'Istituto Italiano di Speleologia*. 2013. 26. P. 81–101.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2411-7838-2020-00008

КИРГИЗСКИЙ ПОХОД 1634 ГОДА ПОД РУКОВОДСТВОМ А. З. ПРОСОВЕЦКОГО

В. Н. Добжанский

Кемеровский государственный университет

Статья посвящена слабо изученному событию в истории русско-киргизских отношений. Специальных публикаций о походе 1634 г. нет. Он упоминается только в нескольких общих работах по истории Хакасии и русско-киргизских отношений в XVII в. Сведения об этом походе базируются на одном документе – челобитной его участника О. Михалевского, но они односторонни и отражают лишь его заключительную фазу. Выявленные автором в фонде Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) документы раскрывают причины и время похода, ход событий и его результаты.

Ключевые слова: Андрей Просовецкий, Остафий Михалевский, Никита Егупов-Черкасский, Павел Рыхлевский, Томск, Кузнецкий острог, Красноярский острог, Белое озеро, река Чёрный Июс, киргизы, монголы

KYRGYZ CAMPAIGN OF 1634 LED BY A. Z. PROSOVETSKY

V. N. Dobzhanskiy

Kemerovo State University

The article is devoted to a poorly studied event in the history of Russian-Kyrgyz relations. There are no special works on the campaign of 1634. It is mentioned only in a few general works on the history of Khakasia and Russian-Kyrgyz relations in the 17th century. Information about this campaign is based on the single document – a humble petition by its participant O. Mikhalevsky, however, the data in it are one-sided and reflect only the final phase of the event. The documents identified by the author in the funds of the Siberian Prikaz (Department) in the Russian State Archive of Ancient Records (RGADA) reveal the reasons and timeframe of the campaign, the course of events, and its results.

Keywords: Andrey Prosovetsky, Ostafy Mikhalevsky, Nikita Egupov-Cherkassky, Pavel Rykhlevsky, Tomsk, Kuznetsk Ostrog (stockaded town), Krasnoyarsk Ostrog, Beloye Lake, the Cherny Iyus River, Kyrgyz, Mongols

*Статья написана при финансовой поддержке проектов РФФИ–Кемеровская область
№ 13-11-42007 и 17-11-42005-ОГН/18*

Введение

На протяжении всего XVII в. томские служилые люди самостоятельно и со служилыми людьми других сибирских городов и острогов осуществили несколько походов в Киргизскую землю. Первый из них состоялся в сентябре 1616 г., последний – в марте 1701 г. [Бахрушин, 2000, с. 678–679; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 6, лл. 77–78 об.; Памятники сибирской..., 1882, с. 136–142]. Наиболее известны из этих походов: поход служилых людей нескольких сибирских городов и острогов 1641 г. под руководством

тарского воеводы Я. О. Тухачевского и сменившего его в 1642 г. томского воеводы И. С. Кобыльского, а также поход томских служилых людей 1680 г. под руководством детей боярских С. Греченина и Р. Старкова и поход 1682 г. под руководством тобольского писменного головы И. Ф. Суворова [Резун, 1984, с. 42–77; Бахрушин, 1955, с. 219]. Поход 1634 г., о котором пойдет далее речь, по причине скудости источников освещён очень слабо, а его характеристика исследователями противоречит даже единственному известному на сегодняшний день до-

кументу об этом походе и крайне односторонняя.

Просматривая литературу по истории Хакасии и русско-киргизских отношений в XVII в., мы вынуждены были констатировать, что специальных работ, посвящённых этому походу, нет. Он упоминается в ряде исследований по истории освоения Енисейского края, но его причины и время исследователями трактуются по-разному. Кроме того, неясно, как далеко вглубь Киргизской земли зашли служилые люди. Все авторы описывают завершающий этап похода, бой с мугалами и киргизами, но где это было – неясно.

Впервые об этом походе упомянул Г. Ф. Миллер. Характеризуя отношения русских с енисейскими киргизами, он отметил: «В одном документе говорится о походе против киргизов, предпринятом в 1635 г. из Томска. Начальствовал в этом походе московский дворянин Андрей Просовецкий. Но подробностей этого похода не встречается нигде, а так как о нем упоминается случайно, то можно думать, что в источнике нашем имеется ошибка относительно времени похода и имени его начальника» [Миллер, 2000, с. 74]. Этим документом являлась челобитная томского казака А. Немчина о жаловании за службу в Калмыцкой и Киргизской землях и в Якутском уезде. Челобитная датируется 1645 г. Говоря о своих службах, Немчин написал: «И во 143-м году послан, государь, был я, Афонька, на твою государеву службу ис Томского ж с московским же дворянином с Андреем Просовецким в Киргизы, и в Киргизах был я, холоп твой, на твою государеву службу, и в Кыргызах меня, холопа твоего, ранили» [Миллер, 2000, с. 587]. Это краткое упоминание о походе вызвало у Миллера сомнения как относительно его руководителя, так и времени.

С. В. Бахрушин развеял сомнения Миллера относительно имени руководителя похода. Являясь одним из авторов примечаний к его «Истории Сибири», Бахрушин для ответа на эти сомнения обратился к архивным материалам ГАФКЭ (РГАДА).

В фонде Сибирского приказа в столбце 53 он обнаружил челобитную его участника, томского сына боярского О. Михалевского¹.

На основе этой челобитной он так прокомментировал замечание сибирского историографа. «О походе Андрея Просовецкого на киргизов мы имеем довольно точные известия в челобитной одного из участников поляка Осипа Михалевского. Отряд Просовецкого был окружён киргизами, и ему пришлось в «крепком месте табориться», и пешие люди «уже напуску киргизского сдержать не чаяли». Михалевский, взяв с собою немногих людей, сделал из таборов вылазку на помощь теснимой врагами пехоте и, «впадши в киргизские полки», сбил палашом шолом с князца Изергея и князца Бехтенея ранил; киргизов от табора «отперли». Однако на помощь киргизам подошло войско Алтын-хана, состоявшее из 400 куючников, и осадило вместе с киргизами табор. На шестой день русские служилые люди стали пробиваться вон из Киргизской земли, но киргизы и мугалы «заступали» им дорогу. Просовецкий поручил Михалевскому «передом в бой идти и служилых людей на полки мугальские и киргизские привести». «И как куюшники мугальские и киргизские люди первым напуском служилых людей копьём смешивать стали, – пишет Михалевский, – и я, холоп твой, то видя, и хотя перед всех за тебя, государя, на твоей царской службе голову свою положить и чтоб в дальней твоей государевой отчине, в восточных странах в азиатских поганских народах славно и велико твое царское имя было (перед всем войском от мугальских и от киргизских стрел латы мне пробивались, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали, со криком всяким на меня холопа твоего, напускали, голову ранили), приводя служилых людей к бою, не отступя, до тех мест, пока мугальских людей сперли, Турай-табуна убили и мугальских людей многих побили и поранили и в напусках киргизского лучшего князца сына Ишеева убили и многих киргиз побили и поранили» [Андреев, Бахрушин, Богоявленский, 2000, с. 682–683].

¹ Автор выражает искреннюю признательность И. Серову за помощь в получении электронной копии челобитной О. Михалевского.

В эти же годы, наряду с подготовкой к изданию труда Миллера, Бахрушин написал большой очерк о енисейских киргизах, который был опубликован только через двадцать лет. В этом очерке историк с небольшими стилистическими изменениями повторил свой комментарий о походе Просовецкого и указал причины и время похода. Он писал: «Летом 1634 г. имел место разорительный набег степняков на Красный Яр. «Конные и плавные в лодках и в стругах» нагрянули, «собрався со многими земляцами», киргизы, тубинцы, моторцы, качинцы, даже «мугалы» (монголы, вероятно алтын-хановы); на сенокосах и рыбных ловлях побили 46 человек русских служилых людей и крестьян, и ясачных людей «на курлышных пашнях». «Многих ясачных людей грабили, и жен и детей у них в полон поимали», сжатый хлеб «выжгли и коньми вытоптали», подступили «накрепко к острогу» и к слободам и стояли под Красноярском четыре дня. В октябре киргизы повторили набег, отогнали «без остатку» табуны и разорили уезд «до основанья». Одновременно осенью того же года произведено было нападение и на Кузнецкий острог и на Мелесскую волость. Передовые отряды доходили до Томска «и в подъезде мурз чатских и служилых людей под городом побили». На следующий год, в виде кары, из Томска было отправлено против них войско под командою известного Андрея Просовецкого» [Бахрушин, 1955, с. 203].

Следует отметить, что Бахрушин очень скупо цитирует челобитную, в основном приводит слова Михалевского о его заслуге в сражении с киргизами и мугалами, и оставляет без внимания ряд других важных моментов, в частности, указания таких значимых географических объектов, как Белое озеро и р. Чёрный Июс.

В 1964 г. была опубликована книга В.А. Александрова об освоении русскими Енисейского края в XVII – начале XVIII вв. в пределах тогдашнего Енисейского уезда. В своей работе историк уделил внимание и отношениям русских с енисейскими киргизами, в том числе кратко упомянул и о походе Просовецкого. Как и Бахрушин,

Александров также обратился к архивным документам, к той самой челобитной Михалевского, а также к отписке Егупова-Черкасского о походе Просовецкого, однако никаких сведений из них в форме прямого цитирования не приводит. Он писал: «Известия о новых намерениях князца Ижинея идти под Красноярск, а других киргизских князцов – угнать ясачных людей с Чулыма поступили в Томск в конце 1633 г. В декабре воевода Томска Н.И. Егупов-Черкасский в ответ на киргизский набег на Кузнецкий острог и томские ясачные волости (сентябрь 1633 г.) задумал совершить совместно с красноярскими людьми ответный поход. По его плану, томские отряды под командой ссыльного, бывшего казачьего предводителя в годы «смутного времени» А. Просовецкого, должны были в середине февраля 1634 г. соединиться с красноярцами около Белого озера. Широкий план наступления на киргизских князцов с двух сторон оказался неосуществим. Приказ о наступлении был получен в Красноярске слишком поздно, а воевода Н.И. Карамышев из-за недостатка служилых людей не мог поддержать А. Просовецкого. Поход А. Просовецкого не имел успеха. В феврале 1634 г. около урочища Чёрный Июс на Белом озере А. Просовецкий нанёс удачный ночной удар по киргизско-монгольскому лагерю, но затем встретил стойкое сопротивление, стал табором и четыре дня отбивал неприятельские атаки. На пятый день с тяжёлыми боями он стал «пробиваться вон из Киргизской земли» [Александров, 1964, с. 45]. Александров правильно указал дату похода, отметив, ссылаясь на документ Сибирского приказа, что в том же 142 (1634) г. Просовецкий вернулся в Москву [Александров, 1964, с. 45, прим. 65]. Кроме того, историк впервые указал и место, где, по его мнению, и произошло описываемое Михалевским сражение – урочище Чёрный Июс на Белом озере.

В 1968 г. вышла книга А. Абдыкалыкова о енисейских киргизах, в которой о походе Просовецкого было сказано следующее. «В 1633 г. 14 сентября совершил набег на Кузнецкий уезд алтысарский князь Бектен «со многими людьми и отогнали де у них

лошади все и не оставили ни одной лошади, и по гумнам де у них хлеб весь пожгли». Источник свидетельствует, что князь Бехтен причинил большой урон хозяйству ясачных людей, проживавших под Кузнецком. Как бы в ответ на этот набег томский воевода послал на киргизов отряд ратных людей во главе с А. Просовецким. Отряд выступил из Томска 10 февраля 1634 г. и напал на киргизские улусы в районе Белого озера. Узнав об этом, киргизы, «собрався» вместе с монгольским отрядом из 400 человек, напали на русский отряд. Бой продолжался 4 суток, и на 5 сутки русские отступили» [Абдыкалыков, 1968, с. 79]. Как видно из приведённого текста, автор повторил уже известные тезисы Бахрушина и Александрова, указав лишь, что отряд Просовецкого вышел из Томска 10 февраля 1634 г. Эту дату он почерпнул из обнаруженных им в столбце 46 фонда Сибирского приказа РГАДА челобитных томских служилых людей, чатских мурз и юртовских татар о жаловании за поход.

В 1993 г. вышла коллективная монография абаканских, красноярских и московских историков «История Хакасии с древнейших времен», 7-я глава которой называется «Хакасия в XVII – начале XVIII в.». Её авторы Л. Р. Кызласов и К. Г. Копкоев заключительный раздел главы посвятили борьбе за независимость Хакасии и присоединению к России. Не обошли они вниманием и поход Просовецкого, повторив основные тезисы своих предшественников, однако без ссылок на их работы. Приведем их описание похода: «Около 1633 г. джунгарский хунтайджи Хара-Хула установил над Хакасией своё господство. Военной силой он принудил хакасских князей отказаться от подданства России. Под давлением Хара-Хулы и при поддержке монгольских феодалов князья развернули борьбу за восстановление прежнего своего господства над кыштымами, перешедшими на сторону России. В течение 30-х годов XVII в. они организовывали набеги на русские остроги и на мирное ясачное население. Особенно много набегов было в 1633–1636 гг. Например, 14 сентября 1633 г. князь Бехтенъ «со многими людьми», появившись под Кузнецком, угнал у казаков

всех лошадей, а на гумнах сжёг весь хлеб. Затем Бехтенъ в начале октября с этим же отрядом подошел к Томску. Здесь он многих служилых, пашенных и ясачных людей побил. В конце 1633 г. в связи с упорными слухами о подготовке хакасских князей к новой войне и их намерении угнать ясачных людей с Чулыма томский воевода Н. И. Егупов-Черкасский договорился с красноярским воеводой Н. И. Карамышевым о совместном походе, чтобы отомстить князю Бехтеню за сентябрьский и октябрьский набеги и предотвратить новое разорение порубежного русского населения. Отряд из Томска возглавил ссыльный дворянин Андрей Просовецкий. В феврале 1634 г. его войско прибыло к Белому озеру, где было условлено встретиться с красноярскими казаками, но те не появились. Их воевода из-за недостатка служилых людей не поддержал похода томичей. Просовецкий со своим отрядом попал в окружение. Особенно тяжело пришлось пешим казакам, которые напуску «киргиского сдержать не чаяли». А. Михалевский, один из сподвижников Просовецкого, с небольшой группой своих людей несколько раз ходил «на вылазку», чтобы оказать помощь пехоте. Он врывался в полки «киргизов» и вступал с ними в бой, сбил палашом шлем с головы князя Изерчея, а Бехтеня ранил. Казаки стали брать верх и «киргиз от табора отперли». Но в это время на помощь хакасским князьям подошёл отряд Алтынхана, состоявший из 400 человек, во главе с зятем хана, Турал-табуном. Завязалось сражение. Оно длилось четыре дня. На пятый день томские казаки, не выдержав натиска врагов, покинули «Киргизскую землю». Поход Просовецкого окончился неудачей» [Кызласов, Копкоев, 1993, с. 178].

Истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. посвятил свою монографию и абаканский историк В. К. Чертыков. Он также осветил поход Просовецкого, кратко повторив уже известные по публикациям своих предшественников факты. «В декабре 1633 г. новый томский воевода Н. И. Егупов-Черкасский задумал совершить совместно с красноярцами поход против кыргызов. По его плану, томские служилые люди под началом дворянина А. З. Просовецкого должны

были соединиться с красноярцами в середине февраля 1634 г. около Белого озера. Красноярский воевода Н. И. Карамышев должен был прислать к 15 февраля на указанное место 200 человек. Карамышев своих людей не отправил, потому что красноярские служилые люди М. Зиновьев и Я. Кирьянов прибыли в Красноярск из Томска слишком поздно, только 12 февраля. Несогласованность действий воевод привела к тому, что поход Андрея Просовецкого закончился полной неудачей. Красочное описание похода дал поляк Остафий Михалевский в своей челобитной, отправленной в Сибирский приказ. В неудаче предприятия он обвинил Просовецкого. Служилые люди прошли по Чёрному Июсу к Белому озеру, где взяли «языка». Они решили, дождавшись ночи, напасть внезапно на киргизские улусы. Но Просовецкий, «не дожидаясь ночи, своим произволом» послал конных служилых людей и чацких мурз на юрты. «И как те служилые люди и мурзы чацкие палися в юртах на здобычу и на табун, и в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили». Конница, совершившая вылазку, была окружена. Тем временем киргизы нанесли удар по пешим казакам, которые отстали. Просовецкому пришлось «в крепком месте табориться». Михалевский с немногими людьми вышел из табора на помощь теснимой врагами пехоте, «с князца Изерчейка палашем шелом с него збил и Бектеня ранил, киргиз от таборов сперли». На помощь киргизам прибыл зять Алтын-хана Турай-табун с отрядом в 400 человек и осадил русские таборы. Сражение продолжалось четыре дня. На пятый день русские стали пробиваться из Кыргызской земли. При отступлении, как сообщает Михалевский, они побили и поранили многих монгольских и киргизских людей, убили Турай-табуна и сына князя Ишея» [Чертыков, 2007, с. 103–104].

Итак, все указанные историки опирались на челобитную Михалевского либо непосредственно в архивном подлиннике (Бахрушин, Александров, Абдыкалыков), либо в публикации (Чертыков), либо косвенно через работы Бахрушина.

Поскольку челобитная Михалевского была известна только по небольшим выдерж-

кам из неё в работах Бахрушина и по указанию других авторов, что сражение с киргизами и монголами произошло на Белом озере, в урочище Чёрный Июс, то читателю приходилось верить в это и принимать этот факт как данность. Но в 1974 г. была опубликована та часть челобитной, где описывалось сражение с киргизами и монголами, и выяснилось, что уважаемые исследователи были, мягко говоря, неточны.

И здесь настало время обратиться к первоисточнику имеющихся на сегодняшний день сведений о походе, к челобитной Михалевского, а также к другим документам о походе Просовецкого, обнаруженных нами в фонде Сибирского приказа РГАДА.

Характеристика источников и их прочтение исследователями

В 1974 г. вышел в свет второй том документов о русско-монгольских отношениях в XVII в., подготовленный сотрудниками ЦГАДА (РГАДА). В нём была впервые опубликована часть челобитной Михалевского о походе на киргиз томских служилых людей под руководством Просовецкого [Русско-монгольские..., 1974, с. 22, 23].

Оказалось, что никакого киргизско-монгольского лагеря на Белом озере, как утверждал Александров, не было. В челобитной чётко и недвусмысленно сказано: «как пришли в Киргискую землю на урочище Черный Миус, доставши языка на Белом озере по совету Андрея Просовецкого служивыми людьми и с мурзы чацкими, что нам было, утояся под горами Черново Миуса ударить ночью на киргизские улусы» [Там же] (Приложение № 9, л. 363). Соответственно, не было никакого нападения служилых людей на несуществующий «киргизско-монгольский лагерь», в окрестностях озера проживало несколько семей алтысарских князей. Не было на Белом озере и урочища «Черный Миус».

В русском языке XVII в. слово «урочище» обозначало любой природный объект, своеобразный знак для ориентации на местности. «Урочище – 1. То, что служит естественной границей, природной межой (например: овраг, гора); ... 2. Участок, отличающийся от окружающей местности (лес среди поля; болото, луг среди леса и т. п.)» [Словарь русского..., 1984, с. 513, 514]. «Встарь

принимали за урочище и одиночное дерево, и пень...» [Даль, 1994, стб. 1061, 1062]. Именно в этом значении употребляется слово урочище в статейном списке Д. Черкасова, который в 1627 г. был направлен к киргизам для выяснения причин их «измены»: «А провожатых послали за ними томских служивых людей десяти человек *до урочища, до реки Кию*» (курсив наш. – В. Д.) [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 72; Добжанский, 2013, с. 57–61].

В нашем случае под «Черным Миусом» имеется в виду р. Чёрный Июс, которая при слиянии с р. Белый Июс образует р. Чулым [Красноярский край, 2008, л. 88, 89].

Вслед за Александровым Абдыкалыков, Кызласов и Копкоев решили, что Просовецкий со своим отрядом в районе Белого озера также напали на киргизские улусы, а затем были окружены киргизами и «мугалами» и несколько дней отбивались от них, выходя из Киргизской земли.

Весьма странно выглядит утверждение Чертыкова, что «служилые люди прошли по Чёрному Июсу к Белому озеру». Собственно дорога из Томска до Белого озера была хорошо известна томичам, она являлась частью так называемой «Красноярской большой дороги», описание которой дал Миллер [Миллер, 1990, с. 218–233]. Этот маршрут подробно описан в послужном списке томских служилых людей о походе в Киргизскую землю 1701 г. под руководством С. Лаврова и А. Круглика [Памятники сибирской..., 1882, с. 136–142]. Если следовать логике Чертыкова, то отряд Просовецкого должен был, дойдя до р. Урюп и перейдя её (откуда до Белого озера около 30 км), направиться на Божье (в настоящее время Большое) озеро, оттуда по рч. Печище выйти на Чёрный Июс. Спустившись по Чёрному Июсу (фактически повернув назад) до его впадения в р. Белый Июс примерно 20 км, далее двигаться еще более 60 км до Белого озера.

Появление столь необычного маршрута в работе Чертыкова объясняется, на наш взгляд, некритическим отношением к выводам своих предшественников, слепой верой в коллективную непогрешимость. В челобитной Михалевского упоминаются

два географических объекта: «как пришли ... на урочище Черный Миус, доставши языка на Белом озере», из чего следует, что сначала пришли на Белое озеро, где взяли языка, а затем пошли на «Чёрный Миус». Чертыков, как коренной житель Хакасии, должен знать, что Чёрный Июс никакого отношения к Белому озеру не имеет. Но все его предшественники уверены, что сражение с киргизами и пришедшими к ним на помощь монголами произошло на Белом озере. Чтобы как-то разрешить это противоречие, Чертыков отправляет отряд Просовецкого сначала на Чёрный Июс, а оттуда на Белое озеро. Складывается впечатление, что исследователи если и читали челобитную Михалевского, то весьма поверхностно, совершенно не вникая в её содержание. К сожалению, подобные «ляпы» свидетельствуют о слабых познаниях историков в географии в целом, и в географии Южной Сибири в частности.

С лёгкой руки Бахрушина челобитная Михалевского стала восприниматься как документ, посвящённый исключительно походу Просовецкого. Публикация московских архивистов части этой челобитной как бы подтверждала это. Но в 2013 г. новосибирский историк И. Р. Соколовский опубликовал полный текст челобитной Михалевского [Соколовский, 2013, с. 114–119], которая, как и большинство подобного рода документов того времени, была посвящена его службам государю. Михалевский не ставил своей целью дать описание похода, его маршрута, всех событий, происходивших в походе. Цель челобитной была иной – показать свои заслуги, преданность государю, отсюда описание боя с киргизами и его решительные действия в противоположность нерешительности Просовецкого, чтобы вызвать определённое сочувствие к своей судьбе у московских властей и вернуться в Москву (Приложение № 9, л. 366).

Нас интересует челобитная Михалевского, в первую очередь, как источник по истории похода 1634 г. А это значит, что надо понять причины и цель её написания. Она была написана и подана Михалевским томскому воеводе князю И. И. Ромоданов-

скому 5 апреля 1636 г. и получена в Москве 21 ноября того же 1636 г. [Соколовский, 2013, с. 116, I]. Её написанию предшествовало следующее обстоятельство. В сентябре 1634 г., после возвращения в Томск из похода, его участниками были поданы две коллективные челобитные на имя царя Михаила Фёдоровича о награждении их денежным жалованием за службу, одна от томских служилых людей, другая от чатских мурз и томских юртовских татар (Приложение № 4; 5). Ответом на эти челобитные стал царский указ о награждении участников похода государевым жалованием. Грамота приказа Казанского дворца о выплате жалования пришла в Томск, видимо, в конце 1635 г. или в начале 1636 г. В этой же грамоте были указаны и критерии для награды служилых людей: «А нашего жалованья в том бою за взятых, и за убитых мужиков, и за раненых, которые на том бою сами ранены, дати по рублю человеку, а за явственной бой, и за раненых мужиков, и за раненые мужены лошади по полтине за то» (Приложение № 8, лл. 246–247). В наградной росписи, приложенной к этой грамоте, было написано: «Остафею Михалевскому, Ивану Рыцкому, Матяшу Хазинскому, Федору Пущину за убитых мужиков по рублю человеку» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 249]. Таким образом, мы узнаём, что Михалевский в бою убил мужика и получил за это рубль. Однако Михалевский воспринял эту награду как месть со стороны Просовецкого, который «по недружбе, хотя кровь и службу мою перед тобою, великим государем, затопить, послужной список написав тайно, не указа ево, а написал службу мою не вправду, не так, какова служба моя была перед тобою, великим государем. ... Меня, холопа твоиво, в службе твоей царской сверстал с последним томским служилым человеком, с томским пастух[ом] с Омелькою Закомалдою, которому твоево государева жалованья пришло, послуги, два рубли, а мне, холопу твоему, рубль» (Приложение № 9, л. 365).

К сожалению, в наградной росписи имеются утраты, имени О. Закомалды найти не удалось. Однако, в послужном списке

сказано: «Омелка Федоров сын Камалда государю служил, бился явственню, на бою ранен двумя стрелами в правую ногу» (Приложение № 2, л. 368). Свою награду в размере двух рублей он получил за два ранения. За каждую рану, согласно царскому указу, платился рубль. Так, в том же наградном списке сказано: «Петрушке Шаблыкину за раненово мужика полтину, да за три раны, по рублю за рану» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 249].

Следует сказать, что о публикации 1974 г. Соколовский, видимо, не знал, в списке использованной литературы её нет. Это объясняет некоторые погрешности прочтения Соколовским челобитной Михалевского. В целом описание боя служилых людей с киргизами и монголами в обеих публикациях почти идентично, за одним существенным исключением. На л. 363 последние три строки Соколовский взял в квадратные скобки, как утраченные. Автор настоящей статьи также обращался к архивному первоисточнику. Как известно, бумажные подлинники документов XVII в. выдаются крайне редко. Работать приходится с фотокопиями, которые в читальном зале РГАДА можно читать только через специальный аппарат. Нижние строки документов при просмотре через этот аппарат не всегда читаются, а иногда просто теряются, особенно если текст «тяжелый». Действительно, нижние строчки на л. 363 сильно засвечены и не читаются. Однако в публикации московских архивистов в данном месте никаких утрат нет, специалистам архива удалось прочесть этот «утраченный» текст: «и с мурзы чацкими, что нам было, утояся под горами Черново Миюса, ударить ночью на киргиские улусы. А тот Ондрей Просовецкий положал с нами на том, не дожидаясь» [Русско-монгольские..., 1974, с. 22, 23] (Приложение № 9, лл. 363–364). Другие замеченные нами неточности в прочтении некоторых слов отмечены в примечаниях, которые, впрочем, на понимание текста не влияют (Приложение № 9).

В описании Михалевским боя служилых людей с киргизами есть одно место, которое не находит подтверждения в известных нам документах и противоречит им. Речь

идет о «мугалах» Алтын-хана, пришедших на помощь киргизам. До настоящего времени их участие в атаке на служилых людей не вызывало сомнений. Сомнения появились в связи с тем, что в бою, по словам Михалевского, был убит зять Алтын-хана Туран-табун. Почему возникли эти сомнения? Дело в том, что двумя годами ранее Алтын-хан обратился за помощью к царю Михаилу Фёдоровичу для борьбы с одним из монгольских князей Чагир-каном. Алтын-хан был готов дать шерть русскому государю в подданстве. Для принятия шерти к Алтын-хану по царскому указу был отправлен из Томска ссыльный смолянин Я. О. Тухачевский и служилые люди [Русско-монгольские..., 1959, с. 191–196; Добжанский, 2019, с. 117, 118]. Поскольку через Киргизскую землю в связи с изменой киргизов идти было нельзя, то маршрут для посольства Тухачевского был выбран через Кузнецкий острог. Предварительно, 1 декабря 142 (1633) г., для проводывания пути к Алтын-хану были отправлены томские служилые люди И. Игнатъев и С. Кокшар, которые вернулись в Томск 27 марта 142 (1634) г. В «роспросе» «Ивашко Игнатъев сказал: как де, государь, они, Ивашко с товарищем своим с Степанком, ис Томского города в Кузнецкой острог пришли, и из Кузнецково де, государь, острогу воевода Федор Хоненев по томской отписке, дав им толмачей и подвод, их отпустил. И они де, Ивашко с товарищем своим, дошли до улуса князьца Талая, которой тебе, государю, в Кузнецкой острог ясак дает. И пришли де ко князьцу Талаю в городок на реке на Улели, и тот де Талая сказал им, что Алтына-царя люди кочуют близко от его талаева городка, и отпустил их, Ивашка с товарищем, к Алтына-царя людем х Туран-табуну, которые Алтына-царя люди кочуют от его талаева городка в дву днищах. А тот де Туран-табун царю Алтыну зять (курсив наш. – В. Д.). И как де они, Ивашко с товарищем, пришли х Турану-табуну и ему де, государь, Турану-табуну, они, Ивашко с товарищем, про твое государево жалованье сказывали, что ты, государь, Алтына-царя пожаловал, и твое государево жалованье к Алтыну-царю прислано от тебя, государя,

с Москвы в Томской город. И учели де, государь, у него, у Турана-табуна, просить подвод и провожатых к Алтыну-царю, что про твое государево жалованье велено им, Ивашку с товарищем, Алтыну-царю обвестить самому, чтоб он, Алтын-царь, на твою государскую милость был надежен. И послал бы он, Алтын-царь, от себя в Томской город людей своих, сколько человек пригож, чтоб то твое государево жалованье ис Томского города к нему, Алтыну-царю, от твоих государевых изменников, от киргизких людей, довести здорово. И Алтына де царя зять Туран-табун их, Ивашка с товарищем, к Алтыну-царю отпуская, а провожатых и подвод им дати не велел. А отпустил де их в Томской, а с ними в Томской отпустил Алтына-царя людей 3-х человек, Койду да Буточи, а третьему де имя он, Ивашко, пропаметовал. И ему де, Ивашку, одному с алтыновыми людьми приказал иттить в Томской город, а товарища де, государь, ево Ивашкова, Степанка Кокшара, велел оставить у князьца Талая для веры, чтоб царя алтыновых людей в Томском городе не задержали и отпустили их к Алтыну-царю. А как, государь, в нынешнем же во 142 году апреля в 13 день были перед нами, холопи твоими, в съезжей избе алтыновы люди Койда Ольга Калочен-тархан да Буточи, и они, государь, говорили: прислал де их в Томской город царя Алтына зять Туран-табун с твоими государевыми посланники, которые посланники, томские служивые люди, посланы были к Алтыну-царю обвестить твое государево жалованье, а прислал де их для того, чтоб то твое государево жалованье до Алтына-царя от киргизких людей довести здорово» [Русско-монгольские..., 1959, с. 230, 231].

Сагайская волость находилась в верховье р. Белый Июс, правым притоком которой является р. Улень (Улель в XVII в.) [Кузнецкие акты..., 2002, с. 12, прим. 6; Республика Хакасия..., 1993]. Туран-табун кочевал, вероятно, в низовье рек Уйбата и Абакана.

Приход томских казаков к Туран-табуну с просьбой о провожатых и подводах и отправка Туран-табуном в Томск своих людей в качестве «вожей» для посольства Ту-

хачевского не вписывается в версию Михалевского о «мугальской» помощи. Обострение отношений с русскими людьми накануне прибытия посольства Тухачевского к Алтын-хану было не в интересах монголов. Но дело не только в этом. По прибытии Тухачевского к Алтын-хану в октябре 1634 г. в ходе переговоров и после их окончания по приказу Алтын-хана шерть за него давали его табуны, среди которых был его двоюродный брат Дурал-табун [Русско-монгольские..., 1959, с. 203–214]. В январе 1635 г. посольство Тухачевского отправилось домой, вместе с ним в Томск пошёл и лаба Даин Мерген-ланза [Русско-монгольские..., 1959, с. 246]. Дурал-табун с лабой Даин Мергеном передал письмо царю Михаилу Фёдоровичу: «Ведомо тебе, государю, буди, что киргисцы убили твоих государевых людей 7 человек, которые были посланы ис Томского города к ним. А после, государь, того присланы к ним же ис Томского твоих же государевых русских людей 4 человека. А я, Дурал-табун, в те поры был в Кыргызской земле, и я тех твоих государевых людей 3-х человек поворотил назад в Томской город, а с ними послал Алтына-царя посла Кайдая (курсив наш. – В.Д.), а 4-го твоего государева человека убили алтырцы. А Алтына-царя посол Кайдай провел через Кыргызскую землю к Алтыну-царю твоих государевых послов из Томского города 18 человек, дал бог, здорово, с твоим государевым жалованьем во всем в целе. И отпустил их Алтын-царь от себя к тебе, государю, дал бог, здорово, а с ними послал своих послов» [Русско-монгольские..., 1959, с. 247].

Таким образом, Туран-табун, якобы убитый на бою служилыми людьми, это Дурал-табун, двоюродный брат Алтын-хана.

Вызывает недоверие указание на точное число (400 человек) «мугальских» людей, пришедших на помощь киргизам (Приложение № 9, л. 364). Служилые люди знать это не могли. Число 400 должно было воздействовать на читателя, то есть на приказных людей, и показать им, с какими превосходящими силами пришлось сражаться служилым людям. При этом численность киргизов и алтырцов нигде не указана, хотя, в силу постоянных контактов с кир-

гизами, служилые люди имели достаточно точные сведения об их военных силах.

Участие мугалов на стороне киргизов отмечает не только Михалевский. Об этом пишут в своих челобитных и служилые люди. Так, прямо не указывая на их участие в бою, они отмечают: «твоих государевых изменников, киргизских людей, многих побили, и мугальских и киргизских людей языки поимали, и жон их и детей в полон поимали» (курсив наш. – В.Д.) (Приложение № 4, 5). Эти слова следует понимать так, что на бой с томскими служилыми людьми «мугалы» пошли, взяв с собой своих жён и детей. Когда и где были взяты в «полон» их жёны и дети, если, по словам Седельниковых, «утеклецы, киргизцы, справяся, свечались с олтыновыми людьми, на томных и на сонных пятьюстами наехали свежих людей, нас, холопей твоих, разгромили и погромные свои лошади и наши, на которых мы ехали, и верблюды отогнали, и языки отполонили» (Приложение № 10, л. 66).

Зачем служилые люди «обратились за помощью» алтыновых людей? Ответ прост: для оправдания своего ухода из Кыргызской земли. В связи с этим появляется и точное число «мугальских» куяшников. Цифра эта не случайна, она примерно соответствует численности отряда Просовецкого.

Сведения о походе Просовецкого не исчерпываются, однако, челобитной Михалевского. Об этом походе в фонде Сибирского приказа РГАДА нами обнаружено ещё около десятка новых документов, которые публикуются в Приложении данной статьи. Полной и цельной картины событий они не дают, но позволяют понять некоторые моменты из описания сражения в челобитной Михалевского, а также определить примерный маршрут отряда Просовецкого. Собственно описанию похода и причин, приведших к нему, посвящён только один документ. Это отписка томского воеводы князя Н. И. Егупова-Черкасского в приказ Казанского дворца, которая была составлена на основе двух отписок Просовецкого о приходе томских служилых людей в Кыргызскую землю.

Необходимо отметить, что впервые на эту отписку обратил внимание Александров. В своей работе, говоря о причинах похода, он ссылается на неё [Александров, 1964, с. 45, прим. 63]. Однако полностью отписку он либо не читал, либо посчитал сведения, имевшиеся в её заключительной части, неважными. А сведения эти важны хотя бы потому, что, во-первых, здесь указано время прибытия отряда Просовецкого на Белое озеро, где были взяты языки, и, во-вторых, отход отряда с Белого озера на Божье, а оттуда на р. Чёрный Июс, на Чекпаевы юрты (Приложение № 3, лл. 340–342). Именно эти юрты имеются в виду в непрочитанных Соколовским последних строчках л. 363 челобитной Михалевского, на которые, по его мнению, надо было напасть ночью, а не днём (Приложение № 9, лл. 363–364).

Собственно о самом походе томский воевода сообщает очень мало. Мы узнаём, что в Киргизскую землю служилые люди пришли 25 февраля 1634 г. Простояв на Белом озере несколько дней, Просовецкий пошёл на Божье озеро. Отсюда 2 марта Просовецкий идёт на р. Чёрный Июс, на Чекпаевы юрты. «И с того де, государь, побою ис Чекпаевых юрт ушли утеклецы, киргиские люди, в большие киргиские улусы с вестью. А Ондрей де, государь, Просовецкой по язычной сказке з детми боярскими, и со всеми служилыми людми, и с чатцкими, и с томскими мурзы, и с тотары пошел было на большие киргиские улусы. И киргиские, государь, люди, собрався великим собранием, с алтырцы, и з киштымы, не допустя их до своих улусов, учинили бой. И божиною, государь, милостию и твоим царским счастьем на том бою многих киргиских и алтырцов побили и переранили» (Приложение № 3, лл. 340–342).

Были ли столь же кратки отписки самого Просовецкого, неизвестно, так как, судя по отсутствию в копийной книге № 1 «Томской архивы» каких-либо указаний на наличие таких отписок, на момент нахождения Миллера в Томске в 1734 г. и в 1740 г. их в архиве томской канцелярии уже не было [Элерт, 1990, с. 150, 152; Актовые..., 1995, с. 7–19]. Несомненно, однако,

что после возвращения в Томск воевода расспрашивал Просовецкого более подробно о походе, возможно, его отчёт был записан, но в своей отписке Егупов-Черкасский ничего об этом не сообщает. Не вызывает также сомнений, что, вернувшись в Москву, Просовецкий дал подробный отчёт о походе «на киргиз» и руководству приказа Казанского дворца. Но и эти сведения не сохранились. Позднее подьячие приказа, готовя по челобитным томских служилых людей и юртовских татар для своего руководства справки о жаловании за этот поход, обращались именно к этой отписке Егупова-Черкасского, а также к послужному списку, так как других документов о походе в их распоряжении, видимо, не было (Приложение № 6, лл. 234–239).

Вместе с тем, отписка Егупова-Черкасского подробно излагает причины похода, перечисляя все имевшие место в 1633 г. набеги киргизов на ясачные волости Томского уезда, а также на Кузнецкий и Красноярский остроги (Приложение № 3, лл. 333–340).

Кроме отписки Егупова-Черкасского, имеется послужной список служилых людей, принимавших участие в походе, с указанием их действий (Приложение № 2). Кстати, подьячие Казанского приказа на основе этого списка подсчитали, сколько человек томских служилых людей, чатских мурз и юртовских татар участвовали в походе, какие потери были ими понесены, а также потери киргизов (Приложение № 6, лл. 238–239).

Небольшие подробности о походе добавляют коллективные челобитные служилых людей царю Михаилу Фёдоровичу о жаловании за поход под руководством Просовецкого. Например, только в челобитных томских служилых людей и служилых чатских мурз и юртовских татар указана дата выступления в поход – 10 февраля 1634 г. (Приложение № 4; 5). Эти челобитные, как уже было отмечено выше, обнаружил и ввёл в научный оборот Абдыкалыков. В своей работе он ссылается ещё на один документ – выписку приказа Казанского дворца по челобитным томских служилых людей и татар. В этой выписке приводятся основные сведения о походе из от-

писки Егупова-Черкасского, но историк их не заметил [Абдыкалыков, 1968, с. 79, прим. 51] (Приложение № 6).

Соколовский, публикуя челобитную Михалевского, на характеристике похода даже не сосредотачивается, это не входило в его задачу. В предисловии к публикации он дал характеристику главным персонажам этой челобитной – её автору Михалевскому и руководителю похода Просовецкому. Михалевскому дана весьма лестная оценка, как служилому человеку, который стал чуть ли не спасителем томских казаков. В заключительной части своего пассажа о Михалевском Соколовский пишет: «Характеризуя его (Михалевского. – В. Д.), Д. Я. Резун писал, что он был «личностью незаурядной даже по сибирским масштабам. Человек большой культуры – не раз был в послах к калмыкам и киргизам... Опытный тактик и стратег воинской науки, не боявшийся возражать начальству» [Соколовский, 2013, с.115; Резун, 1993, с. 122]. Говоря о том, что Михалевский посылался в качестве посла к калмыкам, Резун явно преувеличивает. Он ссылается на запись в тобольской приказной избе о приезде калмыцких послов. Для их встречи на р. Вагай Михалевский действительно посылался, но не в качестве посла, а в качестве пристава [Русско-монгольские..., 1959, с. 135]. Приставом в те времена называли служилого человека, который был приставлен к кому-либо или к чему-либо «для надзора, караула, охраны, помощи» [Словарь русского языка XI..., 1995, с. 26]. Если обратиться к литературе, где упоминается имя Михалевского и на которую ссылается Соколовский, то мы будем вынуждены констатировать, что на роль «опытного тактика и стратега» он не тянет. Единственное сражение, в котором Михалевский участвовал и которое нам известно, это сражение, описываемое им в данной челобитной. Именно это сражение имеет в виду Резун, ссылаясь в качестве источника своих сведений на комментарий Бахрушина о походе Просовецкого, о котором мы говорили выше [Резун, 1993, с. 123, прим. 15]. Михалевский был рядовым сыном боярским, сначала тобольским, а со 140 (1631/32) г. томским.

И фактически первым его, известным нам, боевым походом был как раз Киргизский поход 1634 г.

Просовецкого же Соколовский представил неудачником и весьма слабым военачальником. В реальности же говорить о воинских качествах обоих не имеет смысла, в нашем распоряжении нет никаких документов об этом.

К сожалению, неполнота публикации породила у исследователей некритическое отношение к рассказу Михалевского. Кроме того, в отсутствие других документов о походе, рассказ Михалевского воспринимался как истина в последней инстанции.

Поход в Киргизскую землю и его результаты

В сентябре 1604 г. сургутскими казаками и кодскими остяками в низовье р. Томи был построен г. Томск, ставший центром нового уезда. В царском «Наказе» первым томским воеводам Г. И. Писемскому и В. Ф. Тыркову говорилось: «а которые волости и городки подошли к Томскому городу ближе Сургуцкого города и Нерымского и Кетсково острогов и в волости и в городки и в них князков и мурз и остяков велеть переписать, и ведать их судом, и управою, и ясаком в новом в Томском городе, и ясачные книги тем всем волостем для справки взяти в Сургуте, почему с них ясаку имано, а збирая ясак, отсылати в Сургут, а в Нерымский и в Кетцкой остроги с тех волостей другово ясаку имать не велети» [Бояршинова, 1953, с. 43]. Уже в феврале 1605 г. из отписки кетского воеводы П. Бельского мы узнаём, что томские воеводы отправили служилых людей «на Обь, к Нянкулу, и в Чюлымские волости по государев ясаку». Кроме того, томские ясатчики взяли ясак в «Мелессах» и в «Киргиссах» [Миллер, 1999, с. 404, 405]. С этого времени томские власти начинают облагать ясаком не только небольшие группы татар и остяков по р. Чулым и её притокам, а также по р. Томи, многие из которых считались кыштымами киргизов, но и самих киргизов. Для киргизских князей это было неприемлемо. Отношения между томскими воеводами и киргизскими князьями становились всё более напряжёнными.

Отношения киргизов с томскими воеводами резко обострились в конце 1621 г., когда киргизы во главе с князем Кара попытались помешать строительству на Среднем Чулыме Мелесского острога. Посланные на помощь строителю этого острога Б. Никонову, томские служилые люди во главе с М. Лавровым и О. Кокоревым встретились в Басагарской волости (территория между р. Чулым и её притоком р. Урюп) с шедшими в Мелесскую волость киргизами во главе с князем Кара [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 6, лл. 72–74; Добжанский, 2012, с. 81–83]. Произошёл бой, киргизы были разбиты, Кара с семьёй был взят в плен и привезён в Томск. Томские воеводы князь И. Ф. Шаховской и М. И. Радилев потребовали за него от киргизов большой выкуп, но так и не отпустили его домой. Через год Кара умер в Томске. Ещё до его смерти, 8 июня 130 (1622) г. киргизы напали на Абинскую волость Кузнецкого уезда: «сказывали киргизские люди, послал де их Каракула тайша в Томской город и, пришед в Томской город, велел де им говорить, для чего в Томском городе Кару задержали, чтоб ево из Томского города отпустили к нему, а буде не отпустят, и ему де итти войною под Томской город» [Добжанский, 2013, с. 111, Приложение]. Смерть Кары озлобила киргизских князей, которые в ответ на произвол томских воевод организовали набег на Томск. В 1624 г. «июля в 14 день приходили де под Томской город киргисцы и иных земель многие воинские люди и под городом лошадиные и коровьи стада отогнали, и на выласке служилых людей побили и многих переранили». И воеводы «за теми киргисскими людьми посылали служилых людей, чтоб у них стада отбить и над ними промысл учинить. И служилые де люди сошли их от города за три версты, и с ними бились, и киргисских многих людей побили» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 6, лл. 290, 291 об.; там же, оп. 3, стб. 31, ч. 2, л. 662].

Это была первопричина томско-киргизского противостояния, эти события киргизы еще долго хранили в своей памяти. В 1625 г. обе стороны пошли на примирение. Переговоры с киргизами в 1625 и 1627 гг. с русской стороны вели предста-

вители тобольской администрации дети боярские П. Сабанский и Д. Черкасов. С представителями томских властей киргизы вести переговоры категорически отказывались. В 1627 г. киргизы согласились давать с себя 100 соболей [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 40–66, 69–84; Бутанаев, 2007, с. 143–155]. Прошло шесть лет, и киргизский князь Бехтень со своими людьми делает набег на Кузнецкий острог, уничтожает весь хлеб служилых людей и пашенных крестьян и угоняет весь скот [Добжанский, 2017а, с. 151–158].

По мнению Кызласова и Копкоева, Бехтень действовал по приказу тайши чёрных калмыков Хара-Хулы (Каракулы) (см. выше). Возможно. Но поводом для этого набега послужило, видимо, событие, произошедшее полугодом ранее.

В феврале 1633 г. томские и кузнецкие служилые люди и татары осуществили поход на Телецкое озеро для наказания и подчинения телесов, которые годом ранее «приходили в кузнецкие в ясачные в Карачерскую и в Коргинскую волости, и ясачных людей повоевали, жен и детей их в полон поимали» [Добжанский, 2017б, с. 33]. Нападение телесов на кузнецкие ясачные волости и ответный поход служилых людей на телесов были отголосками восстания барабинских и теренинских татар, измены чатского мурзы Тарлава 1628–1631 гг., дирижёром которого, по мнению А. П. Уманского, был князь белых калмаков Абак [Уманский, 1980, с. 45–58]. В канву этих событий, вероятно, вписывается и набег Бехтенья на Кузнецкий острог и поход Проусовецкого на киргизов.

Эти события происходят в момент смены в Томске воевод. Прежний воевода князь И. Ф. Татев сдавал дела новому воеводе князю Н. И. Егупову-Черкасскому, который приехал в Томск 19 августа 1633 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 33, л. 38; стб. 37, л. 198]. Он был достаточно опытным воеводой. Впервые его имя встречается в годы Смуты. Начал службу стряпчим при Б. Годунове. Летом 1617 г. запорожские казаки гетмана П. Сагайдачного, идя на помощь королевичу Владиславу, захватили и разграбили г. Ливны, воеводой которого был

Егупов-Черкасский. Князь был взят казаками в плен и привезён под Москву «на окуп». В 1626 г. был назначен воеводой Переяславля-Рязанского, а в 1630 г. – воеводой передового полка Украинного разряда [Полное собрание..., 1978, с. 266; Дворцовые ..., 1850, стб. 347].

Егупов-Черкасский в Сибири никогда не был, не знал её специфики, ему на ходу приходилось вникать в нарастающий ход событий и на них реагировать (Приложение № 3, лл. 333–338).

Решение о посылке томских служилых людей и татар войною на киргизов Егупов-Черкасский принял 30 января 1634 г. Произошло это, видимо, после подачи ему служилыми людьми и татарами челобитной, в которой челобитчики, указывая на набеги киргизов под Кузнецкий острог и на ясачные волости Томского уезда, особо отмечали, что им «от киргиз и от их киштымов жить стало тесно, потому что их, служилых людей, ис Томского города для твоих государевых многих дел в остроги и в твои государевы ясачные волости для твоего государева ясаку посылают, и те де твои государевы изменники, киргиские люди, везде их побивают, и скот у города отганивают, и хлеб и сена пожигают, и пашни им пахать не дадут, совсем их разоряют. И ты б государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси их пожаловал, велел на тех своих государевых изменников и непослушников, на киргиских людей, послать войною их, детей боярских, и служилых людей, и мурз, и татар, чтоб тех твоих государевых изменников, киргиских людей, смирить и привести их под твою государеву царскую высокую руку, и впредь бы им, томским всяким людям, от тех твоих государевых изменников было мочно жить» (Приложение № 3, лл. 338–339). Необходимо также сказать, что ещё в сентябре 1633 г. томский воевода получил отписку кузнецкого воеводы Ф. К. Хоненева о набегах князя Бехтены под Кузнецкий острог и о его последствиях. Урон, нанесённый личным хозяйствам кузнецких служилых людей и пашенных крестьян, был столь велик, что «служилые люди и пашенные крестьяне, приходя к нему, Федору (Хоненеву. – В. Д.),

в съезжую избу, бьют челом тебе, государю, чтоб им отпустить их жены и дети в Томской город кормитца, потому что жить им в Кузнецком остроге немочно, прокормитца нечем» [Добжанский, 2017а, с. 153].

Возникает закономерный вопрос, почему при назначении руководителя похода выбор пал на Просовецкого. В отличие, например, от Тухачевского, который был сослан в Томск в «службу», бывший казачий предводитель находился в Томске «за приставы» и никаких служб не служил [Добжанский, 2019, с. 119]. Его жизнь в Томске можно представить по другому ссыльному, литвину А. Бернацкому, сосланному в 1634 г. в Тюмень, а затем – в Кузнецкий острог: ему был поставлен отдельный двор, который он не имел права покидать, хотя в действительности это требование иногда нарушалось [Добжанский, Ермолаев, 2018, с. 91–94; 2019, с. 103–111]. На его содержание из томской казны выделялись достаточно большие деньги. В томском пометном списке денежных доходов 1633 г. сказано: «Опальным человеком Ондрею Просовецкому с товарищи в месячной корм 100 рублей 21 алтын 4 денги» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 63, л. 453].

Имя Просовецкого, который наряду с И. М. Заруцким стоял во главе казаков в годы «Смуты», несомненно, было известно Егупову-Черкасскому. В этом смысле Просовецкий был для воеводы единственным «знакомым» в этом сибирском городе. Данное обстоятельство могло повлиять на назначение Просовецкого руководителем похода. Но более вероятно другое. Большинство ссыльных не могло смириться с сибирской жизнью и постоянно подавало челобитные о прощении и возвращении их в Москву. Прощение опальных людей было обусловлено подачей ими «подписных» челобитных о прощении, т. е. подписанных самими опальными людьми. Просовецкий, безусловно, подавал такую челобитную и, думается, не один раз, как, например, А. Бернацкий [Добжанский, Ермолаев, 2019, Приложение № 7, 11, 15, 16]. Просовецкий узнал о прощении и разрешении вернуться ему в Москву не позднее 4 апреля 1634 г., после возвращения из по-

хода. Это значит, что его челобитная поступила в Москву ещё до отъезда Егупова-Черкасского в Сибирь, который мог слышать о ней и о возможном прощении бывшего казачьего предводителя в придворных кругах. Вполне возможно также, что и грамоту о прощении Просовецкого привёз сам Егупов-Черкасский. В противном случае неясно, на каком основании Егупов-Черкасский нарушил царский указ о запрете выпускать Просовецкого за пределы города и, тем более, назначить его во главе такого важного и ответственного дела, как поход на киргизов.

Для успеха похода сил одних томичей было недостаточно. Егупов-Черкасский, как томский разрядный воевода, в ведении которого находились Енисейский и Красноярский остроги, пишет красноярскому воеводе Н. И. Карамышеву распоряжение о присылке к 15 февраля 1634 г. на Белое озеро 200 красноярских служилых людей. Карамышев не мог этого сделать, поскольку в его распоряжении находилось всего 70 казаков (Приложение № 1). Ещё в 1630 г. по царскому указу из-за недостатка хлеба в Красноярском остроге и тяжёлых условий его доставки половина красноярского гарнизона – 150 человек – была переведена в Енисейский острог на постоянную службу. В 1632 г. этот указ был отменён, и в октябре этого же года томский воевода князь И. Ф. Татев приказал енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву вернуть красноярских казаков на прежнее место службы в Красноярск [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 63, лл. 456–457]. Кондырев, а затем его преемник А. А. Племянников выполнять это распоряжение не спешили. Однако на момент отправки своего распоряжения Карамышеву Егупов-Черкасский этого, видимо, не знал.

Надо признать, что и в Томске, требуя от красноярцев прийти на Белое озеро к 15 февраля, явно просчитались, предполагая, видимо, что томичи к этому времени будут там (Приложение № 1). Как мы увидим далее, Просовецкий пришёл на место встречи только 25 февраля.

В течение последующих десяти дней шла подготовка к походу: готовились оружие, запасы пороха, свинца, продовольствия (сухари, крупы), корм для лошадей, нарты, лыжи, котлы для приготовления пищи.

10 февраля 1634 г. отряд Просовецкого в составе 10 детей боярских, 143 конных и 223 пеших казаков, 118 чацких мурз и юртовских подгородных татар выступил из Томска (Приложение № 2; 4; 5; 6). Отряд шёл хорошо известным томичам маршрутом: по рч. Киргизке с выходом на р. Яю, а затем по верховьям её правых притоков, степью переходя на р. Кию, с Кии на р. Тяжин и далее на р. Урюп [Памятники сибирской..., 1882, с. 305, 306] (рис. 1). Перейдя Урюп, «февраля в 25 день, не доходя Белово озера», Просовецкий посылает «чацково мурзу Бурлака, а с ним тридцати человек тотар да конных казаков пятидесятника Ондрюшку Губу, а с ним семьдесят человек для языков». Казаки и татары обнаружили на Белом озере несколько улусных людей князцов Бехтены и Мергеня, «дву мужиков киргиз убили, да живых взяли пяти человек» (Приложение № 3, л. 340). Получив от языков сведения о местонахождении других киргизских кочевий, Просовецкий идет на Божье (*в настоящее время* Большое. – В. Д.) озеро и «марта в 2 день отшод ... от Божья озера на Черной Июс и по Черному Июсу вверх по язычной сказке послал он сына боярсково Павла Рыхлевского, а с ним детей боярских да дву пятидесятников с конными казаками, да чацких мурз, Кизлана да Бурлака, на Чекпаевы юрты для языков киргизских людей. И божию, государь, милостию и твоим царским счастьем Павел Рыхлевской с товарищи и с томскими служилыми людьми Чекпаевы юрты взяли и в тех юртах многих киргизских людей побили, и жон их и детей в полон поимали» (Приложение № 3, лл. 340–342).

Именно этот момент и отразил в своей челобитной Михалевский: «И как пришли в Киргизскую землю, на урочище Черной Миус, доставши языка на Белом озере, по совету Андрея Просовецкого служивыми людьми и с мурзы чацкими, что нам было, утояся под горами Черново Миуса, ударить ночью на киргизские улусы. А тот Ондрей Просовецкий положал с нами на том, не дожидаясь ночи, своим произволом, выбрав лутчих служилых людей и мурз чацких, послал вперед ударить на юрты, о чем я ему, холоп твой, говорил, чтоб не посылал, и тех служилых людей и мурз чацких, о которых бы бой стал, в загон не ропускал. И как те

Рис. 1. Киргизская земля (по: [Ремезов, 1882, л. 11 (фрагмент)])

служилые люди и мурзы чацкие паляся в юртах на добычу и на табун, и в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили» (Приложение № 9, лл. 363–364).

Название юрт происходит, видимо, от имени их владельца. В известных нам документах и литературе это имя не встречается [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 242–257], но есть имя Чекбай, «лутчий» человек

Алтсарского улуса [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 886, лл. 77–78]. Зная, что точность написания в документах того времени даже русских имен, не говоря уже об именах иноземцев, весьма широко варьировалась, можно с большой долей вероятности предполагать, что Чекпай и Чекбай – это одно и то же лицо. Несколько человек из этих юрт сумели скрыться от «погрома»: «И с того

де, государь, побою ис Чекпаевых юрт ушли утеклецы, киргиские люди, в большие киргиские улусы с вестью» (Приложение № 3, л. 343).

Где находились Чекпаевы юрты? Указание отписки Егупова-Черкасского, что Просовецкий от Божьего озера пришёл на Чёрный Июс, а затем отправил вверх по Июсу Рыхлевского с казаками и с чацкими мурзами, даёт основание предполагать, что шли они с Божьего озера на рч. Печище, которая с западной стороны впадает в Чёрный Июс (рис. 2).

Расстояние от Божьего озера до Чёрного Июса по прямой составляет примерно 35 км, а с учётом зимнего пути, изгибов рч. Печище – не менее 40 с лишним км [Красноярский край..., 2008, лл. 88–89]. От Божьего озера Просовецкий пошёл 2 марта, а пришёл на Чёрный Июс, вероятно, 4 или 5 марта. От устья рч. Печище он по «язычной сказке» отправляет вверх по Июсу П. Рыхлевского с несколькими детьми боярскими

двух пятидесятников с их пятидесятью и чацких мурз на Чекпаевы юрты, а сам с остальным отрядом движется следом. Это значит, что Чекпаевы юрты находились выше устья рч. Печище. Через сто лет после этих событий Миллер, проезжая в тех местах, писал: «От рч. Petschisch (Печиш. – В. Д.) проехали по р. Кара- или Chara-Ijüs (по-русски Черный Июс) еще 10 верст до татарских жилищ рода Atschik, относящегося к Томскому уезду. ... Примерно в 10 верстах выше татарских жилищ, возле которых мы остановились, в Черный Июс с восточной стороны впадает исток из озера Кара-kül (Черное озеро), расположенного почти посередине между Черным и Белым Июсами. А примерно в 10–15 верстах далее вверх по западной стороне и находится устье р. Saralegius (современная Сарала. – В. Д.), почти такой же большой, как и сам Черный Июс. Дотуда живут томские татары, а далее вверх везде безлюдно из-за густых лесов и высоких гор» [Миллер, 1996, с. 147]. Ссылка на Миллера не случайна. Отсутствие от устья рч. Печище и далее вверх по Июсу татарских жилищ говорит об отсутствии на этом расстоянии удобных мест для проживания. Думается, примерно на месте татарских жилищ или выше и находились Чекпаевы юрты. Число юрт было незначительно, примерно 10–15.

Как указывалось выше, Михалевский именно нападение на эти юрты особо отметил в своей челобитной, подчеркнув: «И как те служилые люди и мурзы чацкие палися в юртах на здобычу и на табун, и в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили» (Приложение № 9, л. 364). Но чекпаевы люди не могли побить служилых людей и чацких мурз по причине своей малочисленности. Как будет видно из дальнейшего описания событий, «здобычу», кроме Чекпаевых юрт, служилые люди нигде взять уже не могли. Во всяком случае, в своей челобитной сразу за словами, что «в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили», Михалевский пишет «И как к нам, холопом твоим, к Ондрию Просовецкому весть дана, оставя пеших людей, конные на бой с киргизами пошли, а киргиские люди, осмотря нас, скратчися промеж гор, ударили над пеших, нападши без вестии,

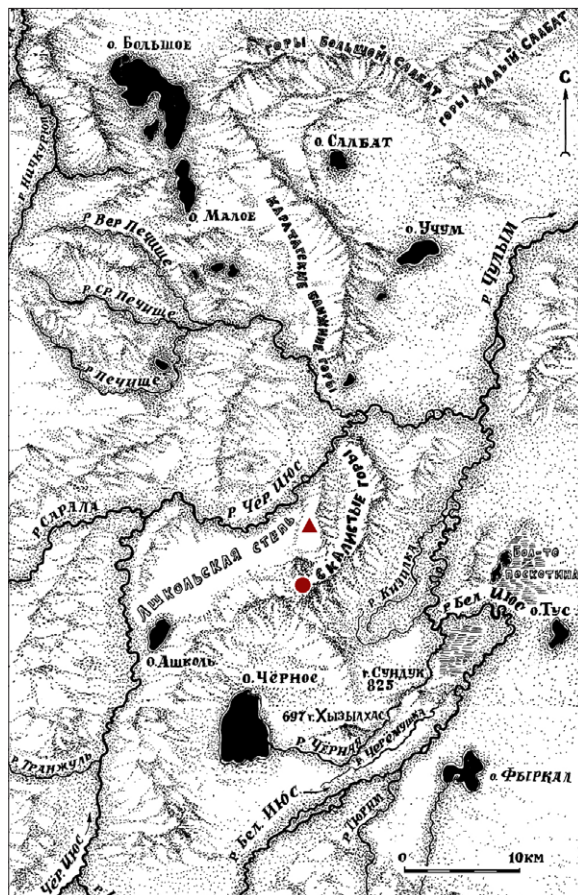

Рис. 2. Алтысарский улус с обозначением Чекпаевых юрт (▲) и места боя с киргизами (●)

пеших побивать стали. А тот Ондрей Просовецкий стал в крепком месте таборитьца». И далее идет красочное описание боя с киргизами и мугалами (Приложение № 9, л. 364). Здесь мы видим объединение двух событий – погром Чекпаевых юрт и бой с основными силами киргизов Алтысарского улуса. Сделал ли Михалевский это сознательно или по ошибке – сказать сложно.

Где произошла встреча с «большими киргизами»? Михалевский сам даёт подсказку для ответа на этот вопрос: «скратчися промеж гор, ударили над пеших, нападши без вести, пеших побивать стали».

Погромив Чекпаевы юрты и взяв языков, Просовецкий пошел на Алтысарский улус – главную цель похода. Он находился в междуречье Белого и Чёрного Июсов. Здесь, в степной части, в непосредственной близости от Белого Июса, располагался их «каменный городок», возле которого в 1627 г. посольство тобольского сына боярского Д. Черкасова вело переговоры с киргизскими князьями [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 72; Бутанаев, 2007, Приложение, с. 145; Добжанский, 2007, с. 81–84].

Примерно в 5–7 км выше по Чёрному Июсу, с восточной стороны, находится безымянная гора с отметкой 883 м, напротив которой на западной стороне Чёрного Июса расположено с. Устинкино. Южнее за этой горой находится гора Келоям-Холасы с отметкой 916 м [Красноярский край..., 2008, л. 88]. Именно эти горы в челобитной Михалевского называются «горами Чёрного Миюса». Между этими двумя вершинами имеется проход в сторону Белого Июса, по которому, вероятно, и пошёл Просовецкий на улус «больших киргизов».

Отряд Просовецкого шёл, видимо, медленно, как по причине усталости людей и коней, так и опасения неожиданной встречи с киргизами, к которым из Чекпаевых юрт ушли «утеклецы» с вестью. Впереди шёл конный авангард, за ним пехота и часть конных казаков, здесь находился и Михалевский. Вероятно, на выходе в степь авангард был атакован киргизами и алтырцами. Михалевский пишет: «И как к нам, холопом твоим, к Ондрею Просовецкому весть дана, оставя пеших людей, конные на бой с киргизами пошли, а киргиские

люди, осмотря нас, скратчися промеж гор, ударили над пеших, нападши без вести, пеших побивать стали. А тот Ондрей Просовецкий стал в крепком месте таборитьца. И услыша, што пешие напуску киргисково здержать не чаяли, я, холоп твой, с Просовецким в таборе быть не хотя, взяв с собою немногих служилых людей, на бой к пешим людям пошел, впадши в киргиские полки, с князца Изерчейка полашем шелом с нево збил, и Бектеня, другово князца киргисково, ранил, учинивши с пешими людьми с киргизами бой, киргиз от таборов сперли» (Приложение № 9, л. 364).

Вероятно, атака киргиз была отбита, однако о дальнейшем движении вперёд уже не было речи. Отряд повернул назад, по словам пятидесятника А. Чижова «как они поворотились ис Киргиской земли и на них приходили, собрався, киргизы с мугальскими людьми, по два дни к ним приступали. И они де отходил и от них, обострожася городком» (Приложение № 6, л. 240).

Возвращение домой было для служилых людей очень тяжёлым, запасов продовольствия практически не осталось, по словам братьев Седельниковых: «А мы, холопи твои, дорогою волоклися, всякую нужу и голод терпели, и души свои в великой пост сквернили, лошадиное стерва и верблюжья ели, и потпруги и похви от седел, и треноги ременные поприели, и сами с нужи и з голоду перепухли и перецынжали, волокучися» (Приложение № 10, л. 66).

Просовецкий с частью отряда вернулся в Томск 4 апреля 1634 г. (Приложение № 3, л. 342), т. е. поход длился 8 недель, почти два месяца. Но, по словам пятидесятника Чижова, «было де тово их походу 12 недель, а иные их же товарыщи, которые устали, и им было ходу больши 15 недель, и з голоду де в том ходу умерло у них служилых 6 человек» (Приложение № 6, л. 240).

С военной точки зрения победа была за служилыми людьми: киргизы потеряли 54 человека убитыми, 63 ранеными, 55 пленными. Среди служилых людей убитых не указано, 35 ранены, 6 умерло с голода по дороге (Приложение № 6, л. 238, 240; 10, л. 66). Однако своей цели – наказания алтысарских князей и приведения их к шерти – служилые люди не достигли.

Приложение

№ 1. 1634 г., после февраля 12. – Отписка красноярского воеводы Н. И. Карамышева царю Михаилу Фёдоровичу о том, что выслать красноярских служилых людей на Белое озеро для похода против киргиз по отписке томского воеводы князя Н. И. Езупова-Черкасского было невозможно, так как эта отписка пришла в Красноярск поздно

(л. 58) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Карамышев челом бьет.

В нынешнем, государь, во 142-м году декабря в 25 день писал ко мне, холопу твоему, ис Томского города воевода князь Микита Черкасской, что в нынешнем во 142-м году сентября в 14 день приходили под Кузнецкой острог и в томские твои в государевы ясачные волости твои государевы изменники, киргыские люди, и, пришед, твоих государевых служилых людей, и пашенных крестьян, и ясачных людей многих побили. И ныне де по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послал ис Томского города воевода князь Микита Черкасской на тех твоих государевых изменников, на киргыских людей, Томского города голов, и детей боярских, и служилых людей, и тотар генваря месяца после Офонасьева дни и Кирила. А велел им притти в Киргыскую Землю к Белому озеру февраля в 15 день на Сырной неделе в субботу, а мне велел выслать с Красноярского острогу служилых людей и тотар двесте человек на то же место к Белому озеру х тому ж сроку на Масляной неделе в субботу, чтоб им соититца

с томскими людьми у Белово озера, чтоб им над твоими государевыми изменники и непослушники промышлять скольке бог помочи подаст.

И те, государь, отписки пришли // (л. 59) ис Томского города в Красноярской острог февраля в 12 день, до тово ж сроку за три дни. А от Красноярского, государь, острогу до Киргыские земли зимным лыжным путем две недели, и мне было, государь, с Красново острогу служилых людей послать на твою государеву службу неково, только в Красноярском остроге зимовало служилых людей человек с семдесят, все жили для хлебной скудости в Енисейском остроге².

На л. 58 об.:

Адрес: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси.

Отметка о подаче: 143-го декабря в 14 день подал красноярской казак Гришка Осипов.

Помета: Отписать в Енисейской острог, велеть³ красноярских служилых людей с хлебным жалованьем отпущати без задержанья, чтоб в том на Красном Яру государеву всякому делу порухи не было.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 40, лл. 58–59. Подлинник.

№ 2. 1634 г., не ранее апреля 4⁴. – Послужной список томских служилых людей, участвовавших в походе на енисейских киргизов под руководством А. З. Просовецкого

(л. 344) Имяна детем боярским, и служивым людям, и чадцким мурзам и тотарам, и томским юртовским тотарам, которые были на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси службе в Киргизском походе с Андреем Просовецким.

Голова казачей Петр Сабанской государю служил, бился явственно, мужика убил и на бою ево ранили в правой бок из лука.

Павел Рыхлевской государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Остафей Михалевской государю служил, бился явственно, мужика убил и другово мужика с лошади збил.

Иван Рыцкой государю служил, бился явственно, мужика убил.

Матяш Хазинской государю служил, бился явственно, мужика убил, да под ним лошадь застрелили.

Ян Глинской государю служил, бился явственно, мужика жива взял. //

(л. 345) Григорей Коржавин государю

² Далее текст утрачен.

³ Далее зачёркнуто служилых;

⁴ Датируется по времени возвращения Просовецкого в Томск.

служил, бился явственно, мужика убил.

Федор Пущин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Степан Александров государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Григорей Пущин государю служил, бился явственно, мужика ранил

Конные казаки

Пятидесятники: Ивашко Давыдов сын Володимерец государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Томашко Залуцкой государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Тренка Ондриев, а в ево место сын ево Стенька, государю служил, бился явственно.

Петрушка Бруцкой государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Гришка Федоров сын Серебренников государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Якушко Шеломовской государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Посничко Васильев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Васка Клементьев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Першутка Амосов государю служил, бился явственно, мужика взял. //

(л. 346) Десятник Онашка Васильев сын Ядринец государю служил, бился явственно, мужика убил.

Пешой казак Любимко Муромец государю служил, бился явственно.

Дениско Леонтьев сын Пичюгин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Федка Иванов сын Субота, в ево место сын ево Ромашка, государю служил, бился явственно.

Ондрюшка Иванов сын Вяткин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Матюшка Давыдов сын Сапожник государю служил, бился явственно, на бою ранен в левое стегно.

Ивашко Леонтьев сын Алпатов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Басалайко Терентьев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Десятник Завьялко Иванов, в ево место сын ево Васка, государю служил, бился явственно, на бою в дву местех ранен. //

(л. 347) Ивашко Григорьев сын Крести-

нин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Мишка Васильев сын Седельников государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Сидорко Трифанов сын Гареченин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Ортемьев сын Тарсково государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Елеска Григорьев сын Месник государю служил, бился явственно, мужика убил.

Климко Григорьев сын Ясыр государю служил, бился явственно, мужика на Белом озере жива взял.

Макарко Яковлев сын Колмогорец государю служил, бился явственно, мужика убил, да под мужиком лошадь убил.

Десятник Семейка Иванов сын Мезеня государю служил, бился явственно, мужика убил, и на бою ранен в брюхо ниже пупа стрелою.

Федка Офонасьев сын Кокшан государю служил, бился явственно, мужика взял.

Ивашко Пестрединной государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Филка Григорьев сын Батощков государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Иванов сын Шилко государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Пронка Марков сын Манковской государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил. //

(л. 348) Мишка Онцыферов государю служил, мужика взял.

Гринка Васильев сын Сыроежин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Тимошка Васильев сын Баженов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Петрушка Шаблыкин государю служил, бился явственно, мужика ранил и ево на бою ранили в трех местех: в правую руку, да в вихрец пониже поясницы, да в левую ногу.

Пятидесятник Мишка Кузмин сын Салков государю служил, бился явственно, мужика убил.

Ясаул Семейка Коряка государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Гришка Тюменев государю служил, бился явственно, мужика убил.

Ивашко Микитин сын Быков государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Васка Стрелковской государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Осташка Сваровской государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Семейка Щепеткин государю служил, бился явственно, мужика жива взял, да под мужиком лошадь убил.

Лучка Филипов сын Рыжков государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика убил. //

(л. 349) Десятник Ондрюшка Щербак государю служил, бился явственно, мужика убил.

Петрушка Ларионов сын Серебреник государю служил, бился явственно, на Белом озере под мужиком лошадь убил и стада отгнали.

Митка Григорьев сын Згибнев государю служил, бился явственно, мужика взял.

Девятка Семенов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Тимошка Григорьев сын Серебреник государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика взял.

Федка Алпатов государю служил, бился явственно и был ранен в правую ногу.

Мишка Иванов сын Астораханцов государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял.

Федка Ондриев сын Засухин государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика взял.

Васка Васильев сын Поломошной государю служил, бился явственно, мужика взял.

Десятник Васка Иванов сын Седельников, в ево место сын ево Илейка, государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Филка Ядловской государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Васка Никонов сын Бурнашов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Ивашко Демидов сын Надутьш государю служил, бился явственно, мужика ранил. //

(л. 350) Данилко Олексиев сын Мельников государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика убил.

Фетка Иванов сын Баигулов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Никитка Исаков сын Наволикаша государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика убил, а на Черном Июсе на бою ранен в левую руку.

Стенка Стареченин государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял.

Микитка Иванов сын Танай государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Десятник Трифанко Иванов сын Галеченин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Иванов сын Коломнин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Федка Михайлов сын Батраинин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Стенка Иванов сын Астораханцов государю служил, бился явственно, мужика ранил, а под ним лошадь застрелили.

Стенка Олексиев сын Мельников государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Якушко Григорьев сын Бедеркин государю служил, бился явственно, мужика взял.

Федка Саламатов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Митка Иванов сын Вяткин государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял. //

(л. 351) Васка Иванов сын Сапожник государю служил.

Пятидесятник Андрюшка Иванов сын Губа государю служил, на Белом озере с Бурлаком мурзою да с Ытогменем мурзою языки поимали и стада отогнали, а на Черном Июсе бился явственно, мужика жива взял.

Богдашка Васильев сын Паламошной государю служил, на Белом озере стада отогнали, а на Черном Июсе бился явственно, мужика жива взял.

Ивашко Ганцов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Дружинка Шолковник государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Лавринко Бзицкой государю служил, бился явственно, мужика взял.

Никитка Никонов сын Бурнашов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Омелка Еремиев сын Вершинин государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Андрюшка Ортемьев сын Оловянишников, в ево место сын ево Стенка, государю служил, бился явственно, мужика взял.

Гришка Яковлев сын Щербак государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Гришка Михайлов сын Казанцов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил. //

(л. 352) Десятник Ивашко Краснопольской государю служил, бился явственно, мужика жива взял, да под ним лошадь застрелили.

Данилко Сапожник государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Семейка Леонтьев сын Мезеня, в ево место приемыш ево Мишка, государю служил, бился явственно.

Приежка Яковлев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашка Ондриев сын Коломна, в ево место сын ево Кручинко, государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Мартьяшко Иванов сын Щитов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Ивашко Иванов сын Павлов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил, а на бою ранен в правую ногу.

Ортюшка Завьялов государю служил, бился явственно, мужика ранил, а другою жива взял.

Ивашко Игнатъев сын Кудров государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Федка Онтонов сын Бардак государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Десятник и ясаул Поспелко Михайлов государю служил, бился явственно, мужика жива взял, да под ним лошадь застрелили.

Ивашко Степанов сын Астраханцов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Семейка Олексиев сын Карбышов государю служил, бился явственно.

Ивашко Курбатов государю служил, бился явственно, мужика взял.

Ивашко Дмитриев сын Ростовщиков государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Федотко Иванов сын Корелин государю служил, бился явственно, // (л. 353) под ним лошадь застрелили.

Завьялко Федотов государю служил, бился явственно, мужика взял.

Мишка Жданов сын Куркин государю служил, бился явственно, на бою ранен в лоб выше глаз.

Десятник Ивашко Степанов сын Веригин государю служил, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Прокопьев сын Чортов государю служил, бился явственно, на Белом озере стада отогнали конски.

Никитка Мартынов сын Белослудцов государю служил, бился явственно, на бою ранен в шею.

Путинко Матвиев сын Кутин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Семейка Дмитриев сын Ростовщиков государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Илейка Васильев сын Беленинов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Филонко Матвиев государю служил, на Белом озере мужика убил, а на Черном Июсе бился явственно, мужика взял.

Пятидесятник Агейко Панкратев сын Чижев государю служил, бился явственно, мужика жива взял, да под мужиком лошадь убил.

Фадейко Осанов государю служил, на Белом озере стада отогнали, а на Черном Июсе бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Посничко Калинин государю служил, бился явственно, мужи // (л. 354) ка ранил.

Петрушка Старловской государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Омелка Саламатов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Пронка Вершинин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Данилко Олексиев сын Крюк государю служил, бился явственно, на бою ранен в брюхо под лошку стрелою.

Богдашко Офонасиев сын Кызыл государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ортюшко Горской, в ево место сын ево Еустратко, государю служил, бился явственно, мужика взял.

Десятник Ивашко Матвиев государю служил, бился явственно, мужика убил.

Гришка Кутин, в ево место Тренка Мухосранов государю служил, бился явственно.

Ивашко Тимофиев сын Верхотурцов государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял.

Ивашко Рыбников государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Гаврилов государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Богдашка Ершов государю служил, бился явственно, на Белом озере стада отогнали, а на Чорном Июсе бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ефремко Фомин государю служил, бился явственно, мужика ранил. //

(л. 355) Богдашка Сыроежин государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Десятник Семейка Иванов сын Губка, в ево место пешой казак Васка Потапов сын Донской, государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Митка Яковлев сын Белкин государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял.

Мишка Васильев сын Сыроежин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Федка Захарьев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашка Иванов сын Кожевников, в ево место сын ево Стенка государю служил, бился явственно, мужика взял.

Ясаул Олешка Саламатов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Ивашко Матвиев сын Медведчиков государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика жива взял.

Десятник Федка Ондриев сын Рычко государю служил, бился явственно, мужика убил и на бою ранен в правую ногу.

Мартынко Иванов сын Рожнев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Тихонко Семенов сын Згибнев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Стенка Васильев сын Седельников государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Кирилко Семенов сын Медведчиков государю служил, бился явственно, на Белом озере мужика взял. //

(л. 356) Амоско Гордеев сын Мангазия, в ево место пешой казак Афонка Лом государю служил, на Белом озере стада отогнали, а на Чорном Июсе бился явственно и на бою ранен в левую руку.

Минка Михайлов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Серешка Олексиев государю служил, бился явственно, мужика взял.

Петрушка Прокопьев государю служил, бился явственно, под ним лошадь застрелили.

Мишка Ондриев сын Дорохов государю служил, на Белом озере стада отогнали, а на Чорном Июсе бился явственно, на бою ранен в правую руку да в левую ногу.

Зиновко Мутимцов государю служил, бился явственно, мужика убил и на бою ранен.

Немчин Олферко Елесиев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Пешие казаки

Пятидесятник Ивашко Савельев сын Кос государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Пронка Аргунов, в ево место сын ево Карпунка государю служил, бился явственно.

Ондрюшка Иванов сын Жюковых государю служил, бился яв // (л. 357) ственно, в бою ранен в груди под правую титку.

Андрюшка Калинин государю служил, бился явственно, мужика взял.

Онашка Онтонов сын Кудря государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Селка Фомин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Петрушка Иевлев сын Серебреник государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Гаврилка Олексиев сын Мельников государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Семейка Иванов сын Нюхало государю служил, бился явственно.

Самко Капустин государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Десятник Пронка Голяшихин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Федка Ларионов сын Безпутин государю служил, бился явственно.

Семейка Григорьев сын Козлов, а в ево место пешой казак Гришка Иванов сын Донской государю служил, бился явственно.

Нестерко Семенов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Назарьев сын Гуляйко, в ево место пешой ж казак Ивашко Олексиев сын Донской, государю служил, бился явственно.

Амоско Сергиев сын Голяшихин государю служил, бился явственно. //

(л. 358) Екимко Захаров сын Рыболов, в ево место сын ево Васка, государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Потапко Дмитриев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Гаврилов сын Момот государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь ранил.

Митрошка Иванов сын Ярославцов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Десятник Никонко Исаков сын Волков, в ево место брат ево Омелка, государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Тимошка Григорьев сын Колмогорец государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую ногу.

Васка Екимов, в ево место внук ево Куземка Макаров, государю служил, бился явственно.

Васка Федоров сын Попадейкин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Андрюшка Иванов сын Колымынец государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Онцыфорко Леонтьев, в ево место пешой ж казак Семейко Коза, государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Баженко Васильев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Никитка Тимофиев сын Тюменец государю служил, бился явственно, мужика ранил, да под ним лошадь убили.

Ивашко Иванов сын Баранчук государю служил, бился явственно, //(л. 359) под мужиком лошадь убил.

Панфилко Павлов сын Зыренин государю служил, бился явственно.

Десятник Федка Соболко государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Дениско Федоров сын Ложников, в ево место пешой ж казак Мишка Васильев сын Донской, государю служил, бился явственно.

Новокрещен Меркушко Фомин государю служил.

Первушка Семенов сын Веляженов государю служил, бился явственно.

Фомка Титов, в ево место Стенка Остафьев, государю служил, бился явственно.

Данилко Лаврентьев, в ево место Ивашко Семенов сын Тотменин, государю служил, бился явственно.

Якушко Устинов сын Маслов государю служил, бился явственно.

Савка Яковлев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ониска Власов сын Охлебинин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Пинайко Федоров государю служил, бился явственно.

Десятник Ортюшка Нагиба государю служил, бился явствен // (л. 360) но, мужика убил.

Стенка Варламов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Оска Ондриев сын Глухой государю служил, бился явственно, мужика убил.

Оска Упадышов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Давыдко Григорьев сын Копейщик государю служил, бился явственно, мужика убил.

Аркашко Онисимов, в ево место сын ево Семейка, государю служил, бился явственно.

Ларка Фатиев государю служил, бился явственно.

Новокрещен Якушко Гаврилов государю служил.

Исайко Онаньин сын Момот государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Пятидесятник Ивашко Федоров сын Иголишников государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Ивашко Семенов сын Губкин государю служил.

Пятко Василиев сын Горбунов государю служил, бился явственно, на бою ранен в правое плечо.

Тренка Петров государю служил, бился явственно.

Ивашко Титов государю служил, бился явствен // (л. 361) но, мужика жива взял.

Еремка Пифанов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Оска Игнатъев государю служил, бился явственно, на бою ранен копьем в хребет.

Максимко Ондриев сын Мельников государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Семейка Кашпуров государю служил, бился явственно.

Десятник Демка Кузмин сын Бурухин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Петрушка Иванов сын Зоря государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Васка Иванов сын Паламошной, и в ево место пешой казак Петрушка Матвиев сын Донской, государю служил, бился явственно, на бою ранен в левую руку.

Безсонко Ондриев сын [...] ⁵ государю служил, бился явственно, мужика убил.

Ивашко Олексиев сын Карбышов государю служил, бился явственно.

Оксенко Нечаев государю служил, бился явственно.

Вешнячко Егупов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил. //

(л. 362) Федка Федоров сын Родюков государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Захарко Федоров сын Ложников, в ево место пешой казак Оска Егупов сын Донской, государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую руку.

Десятник Ивашко Васильев сын Попов государю служи, бился явственно, мужика убил.

Бориско Полуянов сын Жила государю служил, бился явственно, на бою ранен в лоп выше правого глаза.

Неверко Иванов сын Кривошея государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Юшко Семенов сын Черкашенин государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую руку.

Левка Ильин сын Ус государю служил, бился явственно, мужика убил.

Фомка Игнатъев, в ево место пешой ж казак Овдокимко Семенов сын Донской, государю служил, бился явственно.

Нехорошко Лукьянов сын Белоусов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Федка Рюдюков Старой, в ево место пешой ж казак Ганка Иванов сын Донской, государю служил, бился явственно.

Пятко Никифоров сын Зыков государю служил, бился явствен // (л. 363) но, мужика убил.

Серешка Фефилов сын государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Десятник Ивашко Григорьев сын Згибнев, в ево место сын ево Якушко, государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую руку.

Федка Иванов сын Беляй государю служил, бился явственно, мужика убил.

Афонка Михайлов сын Пылай государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Васильев сын Чачюев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Федка Поликарпов сын Баржасан государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Федка Иванов сын Ярославцов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Тимошка Иванов сын Пинеженин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Андрюшко Яковлев сын Черногузов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Лунка Кузмин сын Слопцов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Агейко Никитин сын Тутоболин государю служил, // (л. 364) бился явственно, под мужиком лошадь убил.

⁵ Слово неразборчиво.

Десятник Поздейко Григорьев сын Плешко государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Кузейка Лукьянов сын Кологривов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Фролко Трифанов сын Галеченинов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Гренка Ондриев сын Масласы государю служил, бился явственно.

Петрушка Иванов сын Попов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Федка Свиридов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Пашко Григорьев сын Сысолетин государю служил, бился явственно, на бою ранен у обоих рук три перста.

Матюшка Федоров сын Ненашов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Тихонко Исаков сын Зеленин государю служил, бился явственно, на бою ранен в груди.

Пятидесятник Ондрюшко Дорохов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Пронка Федоров сын Молодой государю служил, бился явствен // (л. 365) но.

Гренка Микитин государю служил, бился явственно.

Ивашко Семенов сын Чорной государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Кузка Григорьев сын Толмачев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Асламка Астараханцов государю служил, бился явственно.

Десятник Онисимко Кузмин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Сидорко Оникиев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Михайлов сын Толстоухов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Исачко Истомирин сын Мельников государю служил, бился явственно, мужика убил.

Доронка Савельев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ондрюшка Микулин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Офонка Дмитриев государю служил, бился явственно.

Ивашко Онисимов государю служил, бился явственно. //

(л. 366) Якушко Родионов государю служил, бился явственно.

Десятник Васка Яковлев сын Шутка государю служил, бился явственно, мужика убил.

Ивашко Юрьев сын Москвитин государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую ногу.

Васка Захарьев государю служил, бился явственно, мужика убил.

Минка Тихонов государю служил, бился явственно.

Васка Ширяев государю служил, бился явственно.

Юшко Васильев сын Новокрещен государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Петрушка Григорьев сын Петух государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Остафьев сын Кошлок государю служил, бился явственно.

Митка Ондриев государю служил, бился явственно.

Данилко Федосиев государю служил, бился явственно, да был ранен в муде.

Десятник Пронка Кайгородец государю служил, бился явственно, мужика ранил. // (л. 367) Олешка Григорьев государю служил, бился явственно.

Федка Иванов сын Кудрявцов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Васка Михайлов сын Борозда государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Малец Григорьев государю служил, бился явственно, на бою ранен у обоих рук три перста.

Фомка Юрьев государю служил, бился явственно.

Андрюшка Барамчук государю служил, бился явственно.

Васка Некрасов сын государю служил, бился явственно.

Панко Микитин государю служил, бился явственно.

Гришка Олексиев сын государю служил, бился явственно.

Десятник Семейка Епифанов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Кипрюшка Мартынов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Пронка Исаков государю служил, бился явственно, мужика убил.

Демка Дмитриев сын Черново государю служил, бился явственно. //

(л. 368) Семейка Григорьев сын Вычегженин государю служил, бился явственно.

Михаило Никитин сын Осипов государю служил, бился явственно.

Нестерко Лукьянов сын Устюженин государю служил, бился явственно.

Васка Карпов сын Кашкар государю служил, бился явственно.

Гаврилко Онисимов сын Важенин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Савельев сын Мезенец государю служил, бился явственно.

Пятидесятник Ивашко Поршенник государю служил, бился явственно, мужика убил.

Омелка Федоров сын Камалда государю служил, бился явственно, на бою ранен двумя стрелами в правую ногу.

Онтошка Иванов сын Резанов государю служил, бился явственно.

Петрушка Дмитриев государю служил, бился явственно.

Куземка Иванов сын Устюженин государю служил, бился явственно, на бою ранен в лоп выше глаз. //

(л. 369) Ивашко Иванов сын Усолец государю служил, бился явственно.

Тимошка Олферев сын Важенин государю служил, бился явственно.

Федка Юдин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Панкрашко Федоров сын Устюженин государю служил, бился явственно, на бою ранен в правое плечо.

Корнилко Логинов сын Вычегженин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Десятник Петрушка Филиппев государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую руку.

Гаврилко Григорьев сын Березовской государю служил, бился явственно.

Семейка Клементьев государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую ногу.

Завьялко Прокопьев государю служил, бился явственно.

Ивашко Никитин сын Вагин государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Пятко Иванов сын Колмогорец государю служил, бился явственно, мужика убил.

Климко Сысоев государю служил, бился явственно, под мужи // (л. 370) ком лошадь убил.

Куземка Федоров государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Нехорошко Осипов сын Пинеженин государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Десятник Мишка Яковлев сын Шестерня государю служил, бился явственно, мужика убил.

Пашко Никонов сын Устюженин государю служил, бился явственно.

Васка Юрьев сын Наугородец государю служил, бился явственно.

Ивашко Иванов сын Вымитенин государю служил, бился явственно.

Мишка Милавин государю служил, бился явственно, на бою ранен в левую ногу.

Ондрюшка Тимофиев государю служил, бился явственно.

Юшка Нокша, в ево место пешой казак Олешка Семенов сын Донской, государю служил, бился явственно.

Богдашка Демидов государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил и на бою ранен в правое стегно.

Моисейко Голяшевской государю служил, бился явственно, мужика убил.

Десятник Ивашко Фомин сын Попов государю служил, бился явствен // (л. 371) но, мужика убил.

Олешка Каменевской государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Салицкой государю служил.

Фролко Наумов государю служил, бился явственно.

Ивашко Нагорной государю служил, бился явственно, мужика убил.

Петрушка Семенов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Игнашка Федоров государю служил, бился явственно.

Олешка Федоров сын Могилевец государю служил, бился явственно.

Богдашко Осольцев государю служил, бился явственно.

Ортюшка Берескин государю служил, бился явственно.

Десятник Ивашко Петров сын Белиловец государю служил, бился явственно, мужика убил.

Яско Петров сын Кричевец государю служил, бился явственно, на бою ранен спереди в левый бок.

Мартышко Павлов государю служил, бился явственно.

Филка Алексиев государю служил, бился явственно. //

(л. 372) Пашко Сидоров государю служил, бился явственно.

Ивашко Петров сын Роздьяконов государю служил, бился явственно, на бою ранен в правое стегно.

Селиверстко Трофимов сын Козяков государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Титко Олексиев сын Новиков государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую ногу.

Левка Иванов государю служил, бился явственно.

Десятник Тимошка Леонтьев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Игнашка Григорьев государю служил, бился явственно.

Ивашко Конанов государю служил, бился явственно.

Якушко Екимов государю служил, бился явственно.

Осташка Степанов государю служил, бился явственно.

Якушко Войтехов сын Шатковской государю служил, бился явственно.

Корнейко Титовской государю служил, бился явствен // (л. 373) но.

Десятник Игнашка Матвиев государю служил, бился явственно, мужика убил.

Екимко Васильев государю служил, бился явственно.

Левонко Офонасьев государю служил, бился явственно.

Пронка Данилов государю служил, бился явственно.

Андрюшка Никитин сын Нежинец государю служил, бился явственно.

Гаврилко Григорьев сын Неженец государю служил, бился явственно.

Кондрашка Михайлов сын Износовки

государю служил, бился явственно.

Десятник Демидко Овдокимов государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Янко Мартынов государю служил, бился явственно.

Федка Петров государю служил, бился явственно, мужи // (л. 374) ка ранил.

Савка Борисов сын Руклинской государю служил, бился явственно.

Федка Петров сын Комазов государю служил, бился явственно.

Игнашка Иванов сын Могилевец государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Ивашко Васильев сын Белорусец государю служил, бился явственно, мужика убил.

Сенка Ондриев сын государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Яско Юрьев сын Мадулин государю служил, бился явственно, мужика убил.

Федка Иванов сын Рожнев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Гришка Офонасьев сын Стародубец государю служил, бился явственно.

Микулайко Станиславов сын Кузмин, он же Войтешко Михайлов, государю служил, бился явственно.

Сенка Иванов государю служил, бился явственно. //

(л. 375) Петрушка Лукьянов сын Салтыковской государю служил, бился явственно, на бою ранен в правую ногу.

Ивашко Степанов сын Спавося государю служил, бился явственно.

Богдашко Григорьев государю служил, бился явственно.

Осташка Ондриев государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Ивашко Петров сын Изолвова государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил.

Якушко Васильев сын Орсока Кузнец государю служил, бился явственно, мужика убил и на бою пицаль разорвало у левой руки два перста оторвало.

Ивашко Матвиев государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Андриев человек Просовецково Марко Иванов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Сына боярсково Остафья Михалевского человек Гришка государю служил, бился явственно, мужика ранил.

Пятидесятников человек Андрия Губы Ивашко государю служил, бился явственно, под мужиком лошадь убил. //

(л. 376) Чацкие мурзы и тотаровя

Бурлак Аккулин государю служил, на Белом озере мужика жива взял, а на Черном Июсе бился явственно, мужика ж взял.

Итогмен Торлавов государю служил, на Белом озере мужика жива взял, а на Черном Июсе бился явственно, мужика ж взял.

Буркундус Баимов государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Сарткула Ездегулин государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Качяш Кызланов государю служил, бился явственно, мужика убил.

Ермамыш Беляков государю служил, бился явственно, мужика взял.

Чисканак Опетенеков государю служил, бился явственно, мужика жива взял. //

(л. 377) Гурмамет Баксуулин государю служил, бился явственно, мужика взял.

Аидар Укуташев государю служил, бился явственно.

Агадай Тогуच्याков государю служил, бился явственно, мужика убил.

Калеут Кочеулов государю служил, бился явственно, мужика взял.

Елмамет Боянчиков государю служил, бился явственно.

Енгалак Булучяков государю служил, бился явственно, мужика взял.

Девлетей Актенеков государю служил, бился явственно.

Бекбалус Кошанов государю служил, бился явственно.

Кочкилдей Сарткулин государю служил, бился явственно, мужика взял.

Сакмачяк Енгулин государю служил, бился явственно.

Саидек Тонин государю служил, бился явственно, мужика жива взял.

Багучак Токташов государю служил, бился явствен // (л. 378) но.

Сабычяк Кетменев государю служил, бился явственно, мужика взял.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 368, лл. 344–378. Подлинник.

№ 3. 1634 г., не ранее июля 24. – Отписка томского воеводы князя Н. И. Егупова-Черкасского о приходе киргизов под Кузнецкий острог и в ясачные волости Томского уезда, уводе ясачных людей, о походе томских служилых людей в Киргизскую землю под руководством А. З. Просовецкого

(л. 333) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Никитка Егупов-Черкасской, Федка Шишкин, Ондрышка Строев челом бьют.

В прошлом, государь, во 141-м году писал в Томской город к воеводам ко князю Ивану Татеву с товарищи из Мелесково острогу сын боярской Павел Рыхлевской, что ис твоей государевы ясашные ис Кызыльские волости ясашной человек отъехал в Киргизы з женою, и з детми, и со всеми своими животы. И за тово де ясашново человека твоего государева ясаку платить некому.

Да приезжал де, государь, из Киргиз киргизкой князец Ишей до Мелесково острогу за днище и твоих государевых чюлымских ясашных людей поймали к себе в Киргизы.

Да в нынешнем, государь, во 142-м году сентября в 22 день писал в Томской город ис Кузнецкого острогу воевода Федор Хоненев. До ево де, Федорова, приезде за два

дни, при воеводе при Федоре Нащокине, сентября в 14 день приходили под Кузнецкой острог киргиские люди, князец Бектень, Наянов сын, с товарищи войною и убили твоих государевых пашенных крестьян четырех человек, да дву человек гулящих людей, и хлеб у служилых людей и у пашенных крестьян весь пожгли и стада все отогнали. //

(л. 334) И сентября, государь, в 26 день ис Томского города посланы были в твои государевы ясашные порубежные волости, в Аргунскую и в Ячинскую, томские служилые люди Васка Шубин да Федка Толмачов, да чатцкие мурзы, Кызланов сын Карга да четыре человека татар проводить в тех порубежных волостях про твоих государевых изменников, про киргиских людей, не чаяли ль их приходу на твои государевы ясашные волости.

И октября, государь, в 1 день прибежал в Томской город мурза Бурлак Аккулин и

сказал в съезжей избе нам, холопам твоим. – Ездил де он, Бурлак, в Аргунскую волость проведывать вести про киргиских людей. И в Аргунской де, государь, волости твои государевы ясашные люди Кишкильдей Тогонаев с товарищи сказывали де ему, Бурлаку. До ево де, Бурлакова, к ним приезде за пять ден, приходили де к ним, в Аргунскую волость, твои государевы изменники, киргиские люди, князцы Кочебай с сыном с Табуном, да князец Колчебай, Ишеев брат, с товарищи и твоих де, государь, аргунских ясашных людей повоевали, жен их, и детей, и животы все без остатку поимали. А из Аргунские де, государь, пошли в Ячинскую волость.

И октября, государь, в 3 день твои государевы ясашные Аргунской да Кизыльдевы во // (л. 335) лости прибежали в Томской город князец Алтыбай Бехтулин да ясашной татарин Кабан Ауспехев, а в роспросе нам, холопам твоим, сказали. – Приходили де к ним в ясачные волости киргиские люди войною и их повоевали. Которые ясашные люди были дома и тех поимали з женами и з детми, а которые де, государь, были на лешем промыслу, и у тех поимали жены и дети. А было де их, киргиских людей, человек с семьдесят или с восемьдесят, Кочебаев сын Табун, а после де пришел князец Ишей и были де у них в Ячинской волости два дни. А от них пошли в Чибинскую волость и тех де людей, которые посланы были ис Томского города для вестей, Васку Шубина и мурзы Кизланова сына Каргу с товарищи, киргиские люди побии всех.

Да в нынешнем же, государь, во 142-м году ноября в 17 день писал в Томской город ко мне, холопу твоему Никитке, ис Красноярского острогу воевода Никита Карамышев. В нынешнем во 142-м году сентября в 28 день отпущены ис Красноярского острогу в Томской город с отписками красноярские служилые люди пятидесятник Ивашко Чечюлин да десятник Федка Астраханцев, // (л. 336) да с ними ж были посланы в провожатых юртовские ясашные торговля Бурнашко да Екбалачко. И киргиские, государь, люди тех красноярских служилых людей пятидесятника Ивашка и десятника Федку и проводника Бурнашка

убили на дороге в Кизыльской волости. Да они ж де, государь, киргиские князцы Ижейко с товарищи пошли де было под Красноярской острог войною и хотели де, государь, под Красным острогом стада отогнать и твоих государевых ясашных людей воевать. А иные де, государь, киргиские князцы, Ишей и Табун, пошли по Чюльму забирать твоих государевых ясашных людей всех к себе в Киргизы.

Да в нынешнем же, государь, во 142-м году генваря в 23 день писал в Томской город из Мелеского острогу писменной голова Федор Зиновьев. – В нынешнем де во 142-м году в декабре посылал он, Федор, в твою государеву ясашную в Туталову волость по князца Курдомечка да по ясаула Езагула. И как де, государь, они, князец Курдомечко да ясаул Езагула, пришли в Мелеской острог с твоим государевым ясаком, а были де, государь, они, Курдомечко и Езагула, в Киргизах. И он де, государь, Федор, того князца Курдомечка и ясаула Езагулу роспра[ши]вал, пошто они ходили в Киргизы без т[во]его государева указу и хто де их отпущ[ал]. // (л. 337) И они, государь, ему, Федору, в роспросе сказали, посылали де их всею Туталовою волостью, а велели де им быти к себе киргиские люди. А из Киргиз де, государь, они отпросились к себе на четыре месяца. И чают де они, что киргизы де по них на лыжах будут. Да они ж де, государь, князец Курдомечко да ясаул Езагулу, сказывали ему, Федору, будут де Киргизы на лето под Томской город войною, а с соб[ою] подговорят мугальских людей. И как, государь, князец Курдомечко да ясаул Езагулу были в Томском и в роспросе нам, холопам твоим, сказали те ж свои речи, что в Мелеском остроге сказывали писменному голове Федору Зиновьеву, одноконечно де, государь, они, киргизы, собрався, будут на весну под Томской город войною.

Да в нынешнем, государь, во 142-м году били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, а нам, холопам твоим, в съезжей избе подали челобитную за своими руками Томского города голова и дети боярские и служилые люди, пятидесятники, и десятники, и рядовые конные и пешие казаки, и чат-

цкие и томские мурзы, и служилые тотаровя, и твоих государевых ясашных волостей князцы и ясашные люди, тотаровя и остяки всего Томского уезду. А в челобитных их, государь, написано. – В нынешнем, государь, во 142-м году изменили тебе, государю, прежние твои государевы изменники и непослушники, киргиские князцы, // (л. 338) Ишей, да Табун, да Бектень с товарищи и все киргиские улусные люди и, собрався, приходили под Кузнецкой острог войною и у служилых, государь, людей и у пашенных крестьян хлеб и сена пожгли, и стада лошади и коровьи отогнали, и твоих государевых ясашных людей разорили до основанья, и Томского уезду твои государевы ясашные волости повоевали, многих твоих государевых ясашных людей побили и в полон з женами и з детми к себе в улусы поимали, и везде де твоих государевых служилых и всяких людей побивают. И мы де, государь, дети боярские, и служилые, и ясашные люди от тех твоих государевых изменников, от киргиз и от их киштымов, жить стало тесно, потому что их, служилых людей, ис Томского города для твоих государевых многих дел в остроги и в твои государевы ясашные волости для твоего государева ясаку посылают, и те де твои государевы изменники, киргиские люди, везде их побивают, и скот у города отганивают, и хлеб и сена пожигают, и пашни им пахать не дадут, совсем их разоряют. И ты б государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси их пожаловал, велел на тех своих государевых изменников и непослушников, на киргиских людей, послать войною их, детей боярских, и служилых людей, и мурз, и тотар, чтоб тех твоих государевых изменников, киргиских людей, смирить и привести их под твою государеву царскую высокую руку, и впредь бы им, томским всяким // (л. 339) людям, от тех твоих государевых изменников было мочно жить.

И в нынешнем, государь, во 142-м году генваря в 30 день по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу посылали мы, холопи твои, на твоих государевых изменников, на киргиских людей, ис Томского города Ондreja Просовецкого, а с ним томских детей боярских, и томских же служилых лю-

дей, конных и пеших казаков, и чацких и томских юртовских мурз и тотар. А велели ему, Ондрею, с ратными людьми, пришед в Киргизы, где киргиские князцы Ишей, да Кочебай, да Табун, да Бектень с товарищи, и улусные люди кочевьем своим кочуют, и в тех местех, где они кочуют, или где их, изменников, твои государевы люди сойдут, прося у бога милости, над ними промыслять, сколько милосердый бог помощи подаст. И тех твоих государевых изменников, киргиских людей, воевать и привести их, киргиских князцов и улусных людей, под твою государеву царскую высокую руку, чтоб они были тебе, государю, во всем послушны, в прямом холопстве навеки неотступны. И чтоб, государь, впредь от тех твоих государевых изменников, киргиских людей, Томскому городу, и Кузнецкому и Красноярскому острогам тесноты не было, и твои б государевы ясашные волости и досталь повоеваны не были, что завели, государь, они, киргизы, большую измену, и складываютца и советуют с ыными немирными со многими землицами. И впредь бы, государь, их учинить всех киргиских людей тебе великому государю // (л. 340) царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси послушных, чтоб они, киргиские князцы и все улусные люди, были под твоею государеву царскую высокую руку в прямом холопстве на веки неотступны, а от измены своей отстали. А смиря тех твоих государевых изменников, киргиских людей, и повоевав, и подведчи под твою государеву царскую высокую руку, велено ему, Ондрею, с твоими государевыми ратными людьми итти в Томской город.

И в нынешнем, государь, во 142-м году марта в 20 день писал к нам, холопям твоим, из Киргиз Ондрей Просовецкой, что в нынешнем же, государь, во 142-м году февраля в 25 день, не доходя Белово озера, посылал он, Ондрей, чацково мурзу Буллака, а с ним тридцати человек тотар да конных казаков пятидесятника Ондрюшку Губу, а с ним семьдесят человек для языков. И божиею, государь, милостью и твоим царским счастьем у Бехтеня да у Мергенева у Табуна дву мужиков киргиз убили, да живых взяли пяти человек.

Да в нынешнем же, государь, во 142-м году марта в 24 день писал в Томской к нам, холопам твоим, из Киргиз Ондрей Просовецкой, что в нынешнем де во 142-м году марта в 2 день отшод он, Ондрей, от Божья озера на Черной Июс и по Черному Июсу вверх по язычной сказке послал он сына боярсково Павла Рыхлевского, а с ним детей боярских да дву пятидесятников // (л. 342), *листа 341 нет или нумерация сбита*) с конными казаками, да чацких мурз, Кизлана да Бурлака, на Чекпаевы юрты для языков киргиских людей. И божиею, государь, милостию и твоим царским счастьем Павел Рыхлевской с товарищи и с томскими служилыми людьми Чекпаевы юрты взяли и в тех юртах многих киргиских людей побили, и жон их и детей в полон поимали. И с того де, государь, побою ис Чекпаевых юрт ушли утеклецы, киргиские люди, в большие киргиские улусы с вестью. А Ондрей де, государь, Просовецкой по язычной сказке з детми боярскими, и со всеми служилыми людьми, и с чатцкими, и с томскими мурзы, и с тотары пошол было на большие киргиские улусы. И киргиские,

государь, люди, собрався великим собраньем, с алтырцы, и з киштымы, не допустя их до своих улусов, учинили бой. И божиею, государь, милостию и твоим царским счастьем на том бою многих киргиских и алтырцов побили и переранили. И пришел, государь, Ондрей Просовецкой с твоими государевыми ратными людьми в Томской город апреля в 4 день и подал нам, холопам твоим, томских детей боярских, и служилых людей, и мурз, и тотар послужной список за своею рукою, хто тебе, // (л. 343) государю, на тех боях служил, бился яственно, и хто ранен, и которые имали языков и то, государь, писано в том послужном списке. И тот, государь, послужной список послали мы, холопи твои, к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси с томским сыном боярским с Левонтьем Полтевым, да служилыми с томскими ж конных казаков с пятидесятником с Агейком Чижовым, да с Федкою Засухиным с товарищи июля в 24 день.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 368, лл. 333–343. Подлинник.

№ 4. 1634 г., не ранее сентября 1⁶. – Челобитная томских служилых людей царю Михаилу Фёдоровичу о жаловании за Киргизскую службу во главе с А. З. Просовецким

(л. 232) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю [вс]еа Руси бьют челом холопи твои из Сибири [тво]еи государевы дальние отчины Томсково города [голо]вы, и детишка боярские, и пятидесятни[к]и, и десятники, и все конные и пешие служилые [лю]ди.

В прошлом, государь, во 142-м году февраля [в] 10 день посланы были мы, холопи твои, на твою государеву службу войною на твоих государевых изменников, на киргизских людей, с Ондреем Просовецким. И мы, холопи твои, тебе, государю, служили, и кровь свою проливали, и твоих государевых изменников, киргизских людей, многих побили, и мугальских и киргизских людей языки поимали, и жон их и детей в полон поимали. И на том, государь, бою нас, холопей твоих, многих переранили. И, будучи мы, холопи твои, на той твоей госу-

дареве службе, нужу всякую, голод и холод терпели, и души свои сквернили. А иные, государь, наша братья, служилые люди, идучи назад с той твоей государевы службы, от ран и з голоду померли. А подъем, государь, нам, холопом твоим, становился рублев по пятидесяти, и по сороку, и по тридцати, и по дватцати. И в том, государь, подъеме мы, холопи твои, одолжали великими долги, и лошадей у нас, холопей твоих, те твои [государе]вы изменники под нами на драках многих побили, а достальные, государь, лошаденка, идучи назад с той твоей [государе]вы службы, дорогою с бескормицы попадали, потому что снега были глубокие и консково корму и себе [д]обывать не могли. А ходу, государь, было ис Томсково города [и на]зад одиннатцать недель. И которых, государь, твоих государевых [яса]шных людей поимали

⁶ Датируется по упоминанию 142 г. как прошлого и по времени подачи челобитной.

было те киргизские люди и после [...] ⁷ тех ясашных людей отпустили в ясашные места на Кию [и н]а Чюлым, и на Яю. И с той твоей государевы службы мы, холопи твои, в Томской город пришли пеши. И за ту, государь, службу [и з]а кровь мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем [не по]жалованы. Да мы ж, холопи твои, преж сего тебе, государю, [служили, тв]оих государевых изменников и непослушников, барабинцов, побили, и в Чингисе твоих государевых изменников, чатцких мурз, побили, и за те за все твои государевы службы мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем, послугою, пожалованы. А за Киргиз-

скую службу мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем не пожалованы.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожалуй нас, холопей своих, за ту Киргизскую службу и за кровь своим царьским жалованьем, как тебе милосердому государю об нас бог известит, чтоб нам, холопом твоим, впредь твоей государевы службы не отбыть и в конец не погинуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 232 об. помета: 143-го декабря в 19 день [...] ⁸ служивого с п[...].

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 232. Подлинник.

№ 5. 1634 г., не ранее сентября 1^о. – Челобитная служилых чатцких мурз и томских татар царю Михаилу Фёдоровичу о жаловании за Киргизскую службу под руководством А. З. Просовецкого

(л. 233) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю [вс]еа Русии бьют челом заочные холопи твои твоеи государевы дальние отчины из Сибири Томскаго города чатцкие мурзы и все рядовые и томские татаровя.

В прошлом, государь, во 142-м году февраля [в] 10 день посланы мы, холопи твои, на твою государеву службу войною на твоих государевых изменников, на киргизских людей, с Ондреем Просовецким. И мы, холопи твои, тебе, государю, служили, и кровь свою проливали, и твоих государевых изменников, киргизских людей, многих побили, и мугальских и киргизских людей языки поимали, и жон их и детей в полон поимали. И на том, государь, бою нас, холопей твоих, многих переранили. И, будучи мы, холопи твои, на той твоей государеве службе, голод, и холод, и всякую нужу терпели. А подъем, государь, нам, холопом твоим, чатцам, и томским татаром, становился рублей по дватцати и больши. И в том, государь, подъеме мы, холопи твои, обнищали и одолжали великими долги, а лошадей, государь, у нас, холопей твоих, те твои государевы изменники под нами на драках

многих побили, а достальные, государь, лошаденка, с той твоей государевы службы, идучи назад, з бескормицы попадали, потому что снега были глубокие и консково корму и себе добывать нигде не могли. И пришли мы, холопи твои, с твоей государевы службы в Томской город пеши. И за тое, государь, Киргизскую службу мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем не пожалованы. Да мы ж, холопи твои, преж сего тебе, государю, служили, на твоих государевых изменников и непослушников, на барабинцов, ходили, и кровь свою проливали, и их побили. И в Чингисе твоих государевых изменников, чатцких мурз, Тарлава с товарищи, с твоими государевыми служилыми людьми приступом городок взяли и тех твоих государевых изменников, чатцких мурз, многих побили. И за те, государь, прежние службы мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем, послугою, пожалованы. А за ту за Киргизскую службу мы, холопи твои, твоим государевым жалованьем не пожалованы. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожалуй нас, холопей своих, за ту Киргиз-

⁷ Слово утрачено.

⁸ Слово неразборчиво.

⁹ Датируется по упоминанию 142 г. как прошлого и по времени подачи челобитной.

скую службу и за кровь своим царским жалованьем, как тебе милостивому государю об нас бог известит, чтоб нам, холопом твоим, впредь твоей государевы служ-

бы не отбыть и вконец не погинуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 233. Подлинник.

№ 6. 1634 г., после декабря 14¹⁰. – Выписка приказа Казанского дворца по челобитным томских служилых людей и чатских мурз и татар о жалованье за Киргизскую службу под руководством А. З. Просовецкого

(л. 234) А о чем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии сибирские, Томсково города, головы, и дети боярские, и чатцкие и томские мурзы, и татаровя бьют челом.

В нынешнем во 143-м году декабря в 14 день писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Сибири, ис Томсково, стольник и воеводы князь Микита Егупов-Черкасской с товарищи. В прошлых де во 141-м и во 142-м году приходили под Красноярской и под Кузнецкой остроги и Томсково уезду на ясашные волости изменники и непослушники киргизские князцы Ишей, да Кочербай, да Табун, да Бектен с товарищи и с своими улусными людьми войною и хлеб, и сена пожгли, и стада отогнали, и пашенных крестьян побили, и ясашных людей з женами и з детми и з животы в полон поимали, а иных побили ж, и русских служилых людей и татар, которых посылают в ясачные волости для ясачного збору и в остроги о всяких государевых делах, грабят и побивают. Да сказывали им, князю Миките с товарищи, Томсково // (л. 235) уезду Туталовы волости ясачные люди князец Курдомечко да ясаул Езагула, что подговоря с собою, киргизских и мугальских людей будут на лето под Томской войною. Да били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Томсково города и Томсково уезду всяких чинов люди, а им, князю Миките с товарищи, за руками подали челобитную, что им от тех изменников, от киргиз и от их киштымов, жить стало тесно. Которых // (л. 236) томских служилых людей посылают ис Томсково города для всяких многих государевых дел в остроги и в ясачные волости для

ясаку, и те де киргизы их побивают, и стада у города отганивают, и хлеб и сена пожигают, и пашни им пахать не дадут, и всем их розоряют. И государь бы их пожаловал, велел на тех изменников и непослушников, на киргизских людей, послать войною, и тою б войною их смирить, и под государеву царскую высокую руку привести. И они де, князь Микита с товарищи, по государеву указу во 142-м году посылали ис Томсково на тех изменников и непослушников, на киргизских людей, с томскими з детми боярскими, и с служилыми людьми, с конными и с пешими казаки, и с чатцкими и с томскими юртовскими мурзы и с татары Ондreja Просоветцкого. А велели ему, Ондрею, с теми ратными людьми, где тех киргизских князцов, Ишея, да Кочербая, да Табуна, да Бектенья сойдут, и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст, чтоб тех киргизских князцов и их улусных людей тем смирить, и во всем бы их государю послушных в прямом холопстве навеки неотступных / (л. 237) учинить.

И к ним де, ко князю Миките с товарищи, писал ис Киргиз Ондрей Просоветцкой, не доходя де Белово озера, посылали он для языков чатцкого мурзу Бурлака, а с ним 30 человек татар, да конных казаков пятидесятника Ондрюшку Губу, а с ним 70 человек. И те де служилые люди у тех киргизских князцов, у Бектенья да у Табуна, дву мужиков киргиз убили, да живых взяли 5 человек.

Да он же, Ондрей, посылали сына боярсково Павла Рыхлевского з детми боярскими, и с конными казаки, и с чатцкими мурзы на Чекпаевы юрты для языков же. И божию милостью, а государевым счастьем те Чекпаевы юрты взяли, и многих киргиз-

¹⁰ Датируется по указанию числа в тексте.

ских людей побили, и жон и детей в полон поимали. И с тово де бою ушли утеклецы в большие киргизские улусы и подали весть. И киргизские де люди, собрався с алтырцы, и с киштымы, не допустя их до своих улусов, учинили бой. И божиею ж милостию, а государевым счастьем на том бою многих киргизских людей и алтырцов побили и переранили. А хто на тех боях государю служил и Ондрей Просоветцкой, пришед в Томской город, подал им, князю Миките с товарищи, за своею рукою послужной список. И они, князь Микита с товарищи, тот послужной список прислали к государю, к Мо // (л. 238) скве, в приказ Казанского дворца, а в послужном списке написано.

Томского города детей боярских 10 человек и те дети боярские государю служили.

1 человек голова казачей, убил мужика, а сам ранен.

2 человека взяли по мужику.

5 человек убили по мужику, да из них же 1 человек другово мужика с лошади збил, а под другим под самим лошедь убита, а третьей человек по государеву указу отпущен к Москве.

2 человека ранили дву мужиков.

Конных и пеших казаков 363 человека и те казаки государю служили.

48 человек убили по мужику, и в том числе 1 другово мужика жива взял, а 5 человек сами ранены, 1 человек под другим мужиком лошедь убил.

53 человека взяли по мужику и в том числе 1 человек другово мужика ранил, а другой человек под мужиком лошедь убил, а под двумя человеки под самими убито по лошади.

34 человека ранены, и в том числе 5 человек по двжды ранены, а 2 человека под мужиками убили по лошади.

35 человек убили под мужиками по лошади.

92 человека бились явственно.

У 3-х человек убито по лошади.

1 человек ранил под мужиком лошедь.

6 человек написаны в послужном списке, что они государю служили.

А взятых, и убитых, и раненых мужиков и явственно [...] не написано. //

(л. 239) Да в послужном списке написан боярской человек, мужика ранил.

Да пятидесятников человек убил под мужиком лошедь.

Да томских же чатцких и юртовских мурз и татар [...] и те мурзы и татарове государю служили.

82 человека взяли по мужику и в том числе 2 человека взяли по 2 мужика, 3-й человек сам ранен.

4 человека убили по мужику

1 человек ранен.

31 человек бились явственно.

6 человек написано в послужном списке, что они государю служили явственно, а того ни взятых, ни убитых, ни раненых мужиков не написали.

А сколько тех взятых мужиков, которые иманы на бою, в Томской приведено, тово в томской отпи[ске, которая] прислана с послужным списком, не написано. //

(л. 240) И у выписки Томского города казачей пятидесятник Агейко Чижов сказал. В прошлом во 142-м году посылаемы они, служилые люди, и чатцкие и юртовские служилые мурзы и татарове, на киргиз войною. И в киргизах де на боех, которых имали они в языцах живых мужиков, и они де тех мужиков, объявля головам и записав их язычной привод, побивали, потому, как они поворотились ис Киргиской земли и на них приходили, собрався, киргизы с мугальскими людьми, по два дни ¹³-к ним-¹³ приступали. И они де отходили от них, обострожаясь городком, и тех де живых ¹⁴ мужиков, которые на боех в языцах поимали, весть было отнюдь не уметь, как у них живет бой, и они в те поры уходят. А было де тово их походу 12 недель, а иные их же товарищи, которые устали, и им было ходу больши 15 недель, и з голоду де в том ходу умерло у них служилых 6 человек. Да и прежде де сево, как они посылаваны войною на немирные земли, и они де, которых имывали на боех в языцах живых, объявля головам, побивали ж, а в Том-

¹¹ Два слова стёрлись.

¹² Утрачено.

¹³ Вписано над строкой.

¹⁴ Вписано над строкой.

ской де их не важивали, для того, как де они поворотятца ис походу назад, и на них де, собрався тех землиц непослушники с ыными немирными // (л. 241) землицы, приходят изгоном, и у них де в те поры бывает бой. А те де взятые мужики в те поры у них уходят ж. А которых де они в Томской приводят, и им де от тех мужиков бывает налога, потому что тех мужиков стеречь заставляивают, а иных отдают за приставы по них же, и кормить их велят им же, служилым людям, своим хлебом. И они де для того тех мужиков в Томской и не водят.

И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии сибирские, Томсково города, дети боярские, и конные и пешие казаки, и чатцкие и юртовские служилые мурзы, и татарове бьют челом, чтоб их государь за тое Киргизскую службу пожаловал своим государевым жалованьем, как ему, государю, о том бог известит.

И например к их челобитью выписано.

В списке з государевы грамоты и с росписи, какова государева грамота и роспись посланы были с Москвы в Томской во 133-м году за приписью дьяка Богдана Губина, а ис Томского с той з грамоты и с росписи присланы списки после пожара в прошлом во 135-м году за руками воевод Осипа Хлопова да Ивана Нармацкого, написано.

Велено дати государева жалованья томским служилым людям за Киргизскую службу сотнику стрелецкому 4 рубли //

(л. 242) 7-ми человеком казаком за убитых мужиков по полу 2 рубли.

20-ти человеком за явственную службу по рублю человеку.

Да побитых казаков 8 человек женам их на поминок по рублю.

Да в прошлом во 140-м году томским же 7-ми человеком детем боярским за службу, как они посыланы ис Томского с Яковом Тухачевским на государевых изменников, на чатцкого мурзу на Тарлавка и на колмацких воинских людей, и тех изменников на речке на Чингиске побили, и городок их изменничей взяли, и жон и детей у них поймали, придано государева жалованья к прежним их окладом, за убитых да за взятых мужиков по рублю за мужика, а ка-

заком и татаром дано государева жалованья в приказ за убитого и за взятого мужика по рублю за мужика, а за раненых, которые на том бою сами ранены, по рублю ж за рану, а за явственной бой и которые // (л. 243) мужиков и под мужиками лошади ранили по полтине человеку. И то государево жалованье послано с Москвы в Томской с челобитчики, которые о том на Москве государю били челом, по тому, что и детем боярским. Да в той же посылке томсково сына боярского Остафья Харламова человек государю служил, убил мужика, а самово ево ранили, и тому Остафьеву человеку дано государева жалованья против служилых людей, за убитого мужика рубль, а за рану рубль ж.

Да в прошлом во 141-м году сибирским, тобольским, тарским, тюменским служилым людям за колмацкие службы прошлых 136-го и 138-го и 140-го году, как они посыланы были за колмацкими воинскими людьми и за тарскими изменники, и они тех колмацких воинских людей и тарских изменников, сходя, побивали, и языки имали, и полон, //(л. 244) которой иман в ясачных волостях, у них отбили, придано государева жалованья к прежним окладом, головам по 2 рубли и по рублю, да в приказ по 5 и по 4 и по 3 рубли. Да с Казенново двора по сукну по аглинскому по доброму человеку, детем боярским за убитых и за взятых мужиков к окладом же по рублю за мужика, литве и конным казаком, и юртовским служилым татаром дано государева жалованья за убитых же и за взятых мужиков в приказ по рублю за мужика, а за раны, которые ранены, в приказ по рублю ж, а за явственной бой, и за раненых мужиков, и за раненые мужичьи лошади по полтине человеку. И то им государево жалованье в Сибирь послано с Москвы с челобитчики ж, а челобитчиком дано на Москве.

А по томским окладным книгам томским детем боярским, которые ныне¹⁵ были на государеве службе в Киргизах, государева денежного жалованья оклады их написано.

Петру Сабанскому, Павлу Рыхлевскому, Ивану Ржицкому, Остафью Михалевскому по 17 рублей человеку.

Матюшу Хазинскому 14 рублей.

¹⁵ Вписано над строкой.

Яну Елинскому 13 рублей.
Федору Пущину 11 рублей.
Степану Олександрову 10 рублей.
Григорью Пущину 9 рублей. //

(л. 245) А наперед сего сибирским детем боярским за раны, что к окладом придавано ль, а за убитые лошади и за раненые мужики, и служилым людем, казаком, и юртовским служилым татаром, которые на службах бывали, а взятых, и убитых, и раненых мужиков, и явственного бою на них не написано, государева жалованья в приказ давано ль, тово в приказе Казанского дворца выписати не ис чево.

И вперед сибирским детем боярским за раны к окладу государева жалованья придавать или в приказ, и почему за убитые

лошеди и за раненые мужики детем же боярским, и служилым людем, казаком, и татаром, на которых в послужных списках ни взятых, ни убитых, ни раненых мужиков, ни явственного бою будет не написано, и за побитые лошади, которые под ними побиты, почему им в приказ государева жалованья давать, о том государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси как укажет.

Помета: Лошади ранили тем по полтине человеку, а боярскому человеку за взятото мужика полтина, а за рану ево полтина ж. И тем челобитчиком, которые здесь будут, дать жалованья на Москве¹⁶.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, лл. 234–245. Подлинник.

№ 7. 1635 г., ранее января 7.¹⁷ – Челобитная томского пятидесятника А. Панкратова царю Михаилу Фёдоровичу о жаловании за службу в Киргизском походе с А. З. Просовецким; выписка приказа Казанского дворца по челобитной

(л. 108) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой из Сибири Томского города конных казаков пятидесятник Агейко Панкратов сын Чижов.

В прошлом, государь, во 142-м году послан я, холоп твой, на твою государеву службу ис Томского города с Ондреем Правосветским на твоих государевых изменников, на киргыских людей. И божиею, государь, милостию, а твоим государским счастьем тех киргыских людей побили и языки многие поймали. И на том бою я, холоп твой, тебе, государю, служил, мужика жива взял, а под мужиком лошадь убил. И за тое службу я, холоп твои, твоим государевым жалованьем не пожалован.

Милосердый государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, меня за тое мою службу конново ж казака Ивашковым окладом Тимофеева Ерша поверстать. А того, государь, Ивана не стало, а в тот ево оклад никто не поверстан, а оклад твоего государева жалованья осмь рублей дватцать пять алтын. А мне, холопу твоему, твоего государева жалованья

оклад семь рублей дватцать пять алтын. Царь, государь, смилуйся. //

(л. 109) А о чем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси сибирской томской конных казаков пятидесятник Агейко Понкратьев бьет челом.

И в нынешнем во 143-м году декабря в 14 день писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Сибири, ис Томского, стольник и воеводы князь Микита Егупов-Черкасской с товарищи. – В прошлом во 141-м и во 142-м году приходили под Красноярской, и под Кузнецкой остроги и Томского уезду на ясачные волости государевы изменники и непослушники, киргиские люди, Ишей, да Кочебай, да Табун, да Бектен с товарищи и с своими улусными людьми войною, и хлеб и сена пожгли, и стада отогнали, и пашенных крестьян, и ясачных людей з женами, и з детми, и з животы в полон поймали, а иных побили. И русских служилых людей и татар, которых посылают в ясачные волости для ясачного збору и в остроги о всяких государевых делех с отписки, побивают. И они де, князь Микита с товарищи, по тем, киргиских людей задорам, и по

¹⁶ Далее утрачено.

¹⁷ Датирована по помете на обороте челобитной.

челобитью Томского города и Томского уезду всяких чинов людей посылали ис Томского города Ондreja Просовецкого с томскими з детми боярскими, // (л. 110) и с пешими и с конными казаки, и с чацкими и с томскими юртовскими мурзы и с татары. А велели ему, Ондрею, с теми ратными людьми над теми киргискими князцами, где их сойдут, промышляти сколько милосердый бог помочи подаст, чтоб тех киргиских князцов и их улусных людей тем смирить и во всем государю послушных в прямом холопстве навеки неотступных учинить. И к ним де, ко князю Миките с товарищи, писал из Киргиз Ондрей Просовецкой, не доходя де Белово озера, посылал он для языков чацково мурзу Бурлака, а с ним 30 человек татар, да конных казаков пятидесятника Ондриюшку Губу, а с ним 70 человек служилых людей. И те де служилые люди у тех киргиских князцов, у Бектенья да у Табуна, убили 2 мужиков, да живых взяли 5 человек. Да он же, Ондрей, посылал на Чекпаевы юрты сына боярсково Павла Рыхлевсково з детми боярскими, и с конными казаки, и с чацкими мурзы. И божиею милостию, а государевым счастьем служилые люди те Чекпаевы юрты взяли и многих киргиских людей побили, и жон и детей в полон поймали. И с тово де бою ушли утеклецы в большие киргиские улусы. И киргиские де люди, собрався с алтысарцы, и с киштымы, не допустя их // (л. 111) до своих улусов, учинили с ними бой. И божиею милостию, и государевым счастьем служилые люди киргиских людей и алтысарцов на том бою побили и переранили. А хто на тех боех государю служил и Ондрей Просовецкой им, князю Миките с товарищи, подал послужной список за своею рукою. И тот послужной список стольник и воеводы князь Микита Егупов-Черкаской с товарищи ис Томского прислали к государю, к Москве, а в послужном списке написано.

Пятидесятник Агейко Чижов государю служил, бился явственно, мужика жива взял, да под мужиком лошедь убил.

И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси томской пятидесятник казачей Агейко Понкратьев бьет челом, чтоб ево государь пожаловал за тое ево службу томсково конново казака Ивашковым окладом Ерша. А тово де Ивашка не стало в прошлом во 137-м году, а в ево оклад не поверстан ништо. //

(л. 112) А в томских окладных книгах прошлого 137-го году, каковы присланы ис Томсково к государю, к Москве, томскому конному казаку Ивашке Ершу написан оклад государева жалованья денег 8 рублев 8 алтын 2 денги, хлеба 7 чети муки, четь круп и четь толокна.

А челобитчику конному ж казаку Агейку Чижову оклад государева жалованья в томских же окладных книгах прошлого 142-го году написан денег 7 рублев 8 алтын 2 денги, хлеба 6 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли.

А в прошлом во 140-м году по челобитью томского¹⁸ десятичника пеших казаков Исачка Быка и по помете на выписке дьяка Ивана Переносова за ево, Исачкову, службу, что он посылан был с Яковом Тухачевским на государевых изменников, на чацково мурзу Тарлавка с товарищи, и на тои государеве службе он, Исачко, убил мужика, дано ему, Исачку, в приказ¹⁹ рубль денег. Да ему ж за тое ж службу велено быть в Томском же пешево ж казака на Пятункино место Иванова и государево жалованье велено ему давать тот же оклад, что был Пятунке Иванову денег по 6 рублев с четью, да хлеба по 6 чети с осминою муки, по 2 чети круп и толокна ж.

А Исачку Быку прежней оклад был государева жалованья денег 4 рубли 25 алтын, хлеба 5 чети с осминою муки, 2 чети круп, а толокна что был²⁰-Ивашку Ершу²⁰.

На л. 108 об. помета: 143-го генваря в 7 день. Выписать.

На л. 112 об.: Справил Петрушка Стеншин.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 40, лл. 108–112. Подлинник.

¹⁸ Часть слова – мского – вписано над строкой.

¹⁹ Вписано над строкой.

²⁰ Написано другим почерком и чернилами.

№ 8. 1635 г., февраль. – Грамота царя Михаила Фёдоровича томскому воеводе князю И. И. Ромодановскому о жаловании служилым людям за Киргизскую службу под руководством А. З. Просовецкого

(л. 246) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь, в Томской, воиводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромодановскому, да Ондрею Ондреевичю Бунакову, да диаку нашему Анисиму Трофимову. Пожаловали есмь Томского города служилых людей: детей боярских, и конных и пеших казаков, и чатцких и юртовских служилых мурз и татар за киргизскую службу прошлого 142-го году, что посылаемы ис Томского на киргиз с Ондреем Просовецким и, будучи в той посылке, нам служили, многих киргизских людей побили. А нашего жалованья в том бою за взятых, и за убитых мужиков, и за раненых, которые на том бою сами ранены, дати по рублю человеку, а за явственной бой, и за раненых мужиков, и за раненые мужены лошади по полтине за то. Кому именем // (л. 247) нашего жалованья в приказ дать, тому послана к вам роспись за дьячьёю приписью под сею нашею грамотою.

И как к вам ся наша грамота придет и вы б томских ²¹-служилых людей-²¹ детей

боярских, и казаков, и томских служилых чатцких и юртовских татар, призвав их всех к себе в съезжую избу, а призвав их и сказали им наше жалованное слово, что мы за их службу пожаловали и они б, томские служилые люди, были на наше жалованье и вперед надежны, где будут посланы, нам служили, и нашим делом промышляли, и радели. А сказав им наше жалованное слово, томским детем боярским, и конным и пешим козаком, и чатцким и юртовским служилым мурзам и татаром²² велели наше жалованье роздати по росписи ис томских денежных доходов²³. А как томским детем боярским, и козаком, и татаром // (л. 248) наше жалованье за службу по росписи роздадите, и вы б о том отписали к нам, к Москве, с ыными нашими делы. А отписку велели подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову, да дьяком нашим Федору Панову, да Микифору Шипулину. Писан на Москве лета 7143 февраля в ... день.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, лл. 246–248. Черновой отпуск.

№ 9. 1636 г., апреля 5. – Челобитная томского сына боярского О. Михалевского о своих службах в Тобольске, в Тюменском уезде, о походе на киргизов под руководством А. Просовецкого и взятии его в Москву

(л. 362) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой иноземец, поляк, Осташко Михалевской.

Жалоба, государь, мне на Ондreja Просовецкого. Был я, государь, пойман с людишки своими в Шветцкую землю. Из Швецкой з[емли прише]л в [Ново]град, слыша твое, великого государя, милостивое славное имя, вместо смерти живот, с неволи свободу у тебя, праведного государя, хотя тебе, государю, послужить, и на твоей царской службе голову свою положить.

И в прошлом во 128-м году сослан с Москвы в дальнюю²⁴ твою государеву вотчину в Сибирь без твоей царской опалы, не знаячи я, холоп твой, вины своей перед тобою, великим государем. И в Сибири, служа многие службы, против твоих государевых изменников, киргиз, и непослушников, колмацких людей, и твоей государеве казне прибыль зделал.

В прошлом во 137-м году посылан был ис Тобольска в Тюменской уезд для устройства²⁵ твоих государевых новых слобод на три годы на Ницу, на Иленку, и на Кангилку.

²¹ Написано над строкой.

²² Далее зачёркнуто наше.

²³ Далее зачёркнуто и ис казанских.

²⁴ В публикации Соколовского дальнею.

²⁵ В публикации Соколовского устройства.

И в тех слободах, которые я, холоп твой, строил во 137-м, 138-м, 139-м году, всыпал в твои государевы житницы шеснатцать тысяч двести семдесят пять чети хлеба из мельниц, которые я, холоп твой, устроил // (л. 363) на Кангилке реке, и десятой пошлины собираетца девяносту рублей на год и больши. И для изгону от колматцких²⁶ людей на Нице острог поставил, рвом и надлобами²⁷ укрепил.

²⁸-И в прошлом во 140 году по отписке твоих государевых воевод князя Петра Пронсково с товарищи и по твоей царской грамоте велено меня, холопа твоево, ис Тобольска послать в Томской город, служить мне, холопу твоему, ис Томского города. И в том же 140-м²⁹ году посылан был ис Томсково в твои государевы волости вверх по Чюлыму и вниз по Обе³⁰ прибирать твой государев ясак, вместо померлых ясачных людей – братьи, племянников, и захребетников переписал пядьдесят человек. И в том твоей³¹ государеве казне прибыль учинил по два сорока.

И во 142-м³² году приходили киргиские люди под твои государевы остроги, под Красной Яр и под Кузнецы, войною, повоевав ясачных людей, под остроги людей побили, табуны поотгонили, хлеб пожгли, и под Томским городом в подъезде мурз чацких и служилых людей побили. И ис Томсково посылаю нас на тех твоих государевых изменников, киргиз, войною. А тот Ондрей Просовецкой посылан был с нами головою. И как пришли в Киргискую землю, на урочище Черной Миус, доставши языка на Бе-

лом озере, по совету Андрея Просовецкого служивыми людьми³³-и с мурзы чацкими, что нам было, утояся под горами Черново Миуса, ударить ночью на киргиские улусы. А тот Ондрей Просовецкий положал с нами на том, не дожидаясь³³ // (л. 364) ночи³⁴, своим произволом, выбрав лутчих служилых людей и мурз чацких, послал вперед³⁵ ударить³⁶ на юрты, о чем я ему, холоп твой, говорил, чтоб не посылал, и тех служилых людей и мурз чацких, о которых бы бой стал, в загон не ропускал. И как те служилые люди и мурзы чацкие палися в юртах на здобычу и на табун, и в розгоне тех служилых людей и мурз чацких побили.

И как к нам, холопом твоим, к Ондрею Просовецкому весть дана, оставя пеших людей, конные на бой с киргизами пошли, а киргиские люди, осмотря нас, скратчися промеж гор, ударили над³⁷ пеших, нападши без вести, пеших побивать стали. А тот Ондрей Просовецкий стал в крепком месте таборитьца. И услыша, што³⁸ пешие напуску киргисково здержать не чаяли, я, холоп твой, с Просовецким в таборе быть не хотя, взяв с собою немногих служилых людей, на бой к пешим людям пошел, впадши в киргиские полки, с князца Изерчейка полашем шелом с нево збил, и Бектенья, другово князца киргисково, ранил, учинивши с пешими людьми с киргизами бой, киргиз от таборов сперли. И как мы, холопи твои, з бою с поля сошли, а киргиские люди, сослався с мугальскими³⁹ людьми, ⁴⁰-з зятем⁴⁰ Алтына-царя Турай-табуном, а с ним мугальские⁴¹ людей⁴², куяш-

²⁶ В публикации Соколовского колмацких.

²⁷ В публикации Соколовского надолбами.

²⁸⁻²⁸ Опубликовано в «Русско-монгольские отношения» [1974].

²⁹ В публикации Соколовского буква м пропущена.

³⁰ В публикации Соколовского Обю.

³¹ В публикации Соколовского твое.

³² В обеих публикациях буква м пропущена.

³³⁻³³ В публикации Соколовского в данном месте отмечен пробел; две или три нижние строки листа не читаются.

³⁴ В публикации Соколовского начя.

³⁵ В публикации Соколовского вперед.

³⁶ В публикации Соколовского ударил.

³⁷ В «русско-монгольских отношениях» на.

³⁸ В публикации московских архивистов что.

³⁹ В публикации Соколовского мунгальскими.

⁴⁰⁻⁴⁰ В публикации Соколовского и зяте.

⁴¹ В публикации Соколовского мунгальские.

⁴² В обеих публикациях люди.

ника⁴³, пришло на помощь х⁴⁴ киргизам четыреста человек, подпадаючи нам под таборы, билися с нами четыре дни, пятово дни выходя ис Киргиской земли. А мугальские и киргиские люди⁴⁵, устрояся полками, заступя нам дорогу, не хотя нас из земли выпустить. И тот Ондрей Просоветцкий и пятидесятники, и служилые люди учили мене говорить, справа таборы, чтобы мене, холопу твоему, передом на бой пойти и служивых людей на полки мугальские и киргиские привести. И как куяшники мугальские⁴⁶ и⁴⁷ киргиские люди первым напуском служивых людей копьями змешивать учили, и я, холоп твой, то видя, // (л. 365) хотя наперед всех за тебя, государя, на твоей царской службе голову свою положить, и, чтоб в дальней твоей государской отчине⁴⁸ восточных странах азиятыцких⁴⁹ поганских народех славно и велико твое царское имя было, перед всем войском от мугальских и киргиских стрел⁵⁰-латы на мене⁵⁰ пробивали, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали, со криком великим на меня, холопа твоего, напускаючи, голову ранили, приводя служилых людей к бою, не отступя до тех мест, доколе мугальских людей сперли, Турай-табуна убили и мугальских людей многих побили и поранили, и в напусках киргиских лутчево князца сына Ишеева убили и многих киргиз побили и поранили²⁸.

И тот⁵¹ Андрей Просоветкой по недружбе, хотя кровь и службу мою перед тобою, великим государем, затоить⁵², послужной

список написав тайно, не указа ево, а написал службу мою не вправду, не так, какова служба моя была перед тобою, великим государем. [Т]ех сл[ужилы]х людей, которые на твоей царской службе за теб[я], государя, голов своих не жалели, служба их затаена и не написана. А иных многих, которые на твоей царской службе на бою не были⁵³, написал их в службу ложно. А меня, холопа твоиво, в службе твоей царской сверстал с последним томским служилым человеком, с томским пастух[ом] с Омелькою Закомалдою, которому твоево государева жалованья пришло, послуги, два рубли, а мне, холопу твоему, рубль. А сделал то, не хотя моей⁵⁴ службы видеть перед тобою, великим государем, [за ?] // (л. 366) своево ложново челобитья, что ево на твоей царской службе столько не стало.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло⁵⁵ Федорович всеа Руси, вели, государь, сыскать всеми томскими служивыми конными и пешими людьми, мурзы чацкими⁵⁶ и подгородными тотары кровь и службу мою. И по Уложению твоему, великого государя, и⁵⁷ прежн[их]⁵⁸ государей в ыноземстве нашем, вели, государь, допросить иноземцов, которые тебе, государю, твоей царской светлости, на Москве служа[т], ротмистры Христофором Рыльским, Михай[лом] Желиборским Враславским и московскими иноземцы⁵⁹-а отчестве⁵⁹ иноземства моиво. И пожалуй меня, холопа своево, за кровь и за службу мою для своево царсково многолетново

⁴³ В публикации Соколовского куяшники.

⁴⁴ В публикации Соколовского пропущено.

⁴⁵ В публикации Соколовского пропущено.

⁴⁶ В публикации Соколовского мунгальские.

⁴⁷ В обеих публикациях пропущено.

⁴⁸ В публикации Соколовского вотчине.

⁴⁹ В Русско-монгольских отношениях» азиятыцких.

⁵⁰⁻⁵⁰ В публикации Соколовского ты мне взяты в квадратные скобки как утраченные, а на пропущено.

⁵¹ В публикации Соколовского ч[...].

⁵² В публикации Соколовского затоил.

⁵³ В публикации Соколовского бывали.

⁵⁴ В публикации Соколовского мое.

⁵⁵ В публикации Соколовского Михаил.

⁵⁶ В публикации Соколовского чацкие.

⁵⁷ В публикации Соколовского пропущено.

⁵⁸ В публикации Соколовского прежнее.

⁵⁹⁻⁵⁹ В публикации Соколовского о честве.

здравья⁶⁰ и для своих благоверных [...] ⁶¹ ево царсково и для блаженные памяти отца своево великого государя светейшево патриарха Филарета Никитича Московсково и всеа Р[уси] пожалуй меня, холопа своиво, сыскав кровь и службу мою, вели, государь, меня из Сибири к Москве взять. Чтобы мне,

холопу товему, без вины твоей и без твоей царской опалы вконец не погибнуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 53, лл. 362–366. Подлинник.

Опубл.: [Русско-монгольские..., 1974, с. 22, 23; Соколовский, 2013, с. 114–119].

№ 10. 1639 г., июля 20⁶². – Челобитная томских конных казаков Василия и Степана Седельниковых, Ивана Якимова, Фёдора Захарьева, Богдана и Михаила Зыраефиных царю Михаилу Фёдоровичу о жаловании за Киригизскую службу с А.З. Просоветцким

(л. 65) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои Томскова города конные казачишка Васка Седельник да Стенка Седельников, Федка Захарьев, Ивашко Якимов, Богдашко да Мишка Зыраефины.

В прошлом, государь, во 142-м году по твоему государеву указу твои государевы стольник и воеводы князь Микита Иванович Егупов-Черкасской с товарищи посылали нас, холопей твоих, на твою государеву службу с твоим государевым дворенином с Ондреем с Просоветцким на твоих государевых изменников и непослушников, на киргизских людей, войною. И божиею, государь, милостию и твоим государевым счастьем, въехав в Киргизскую землю, на Белом озере, бог поручил твоих государевых изменников, киргизских людей, улусы погромили, и языки многие поимали, и многих изменников побиили, и стада лошадиные и верблюжьи отогнали. И по тем, государь, языкам мы ж, холопи твои, в другом месте, на Черном Миусе, твоим государевым счастьем бог поручил твоих государевых изменников многих киргизских людей улусы погромили, и языки поимали, и многих твоих государевых изменников побиили, и стада лошадиные и верблюжьи отогнали. И на той твоей государеве службе, на боях и погромах, мы, холопи твои⁶³, тебе, государю, служили. Я, Васка, языка взял да мужика ранил // (л. 66) а я, холоп твой,

Стенка, тебе, государю, служил мужика убил, а под другим коня ранил. А я, холоп твой, Федка, тебе, государю, служил, мужика убил, а меня, Федку, в ногу ранили. А я, холоп твой, Ивашка, тебе, государю, служил, языка взял, да под мужиком коня убил. А я, холоп твой, Богдашко, тебе, государю, служил, мужика убил, да под другим коня убил. А я, холоп твой, Мишка, тебе, государю, служил, мужика убил, да другога жива взял.

И погромя, государь, мы, холопи твои, твоих государевых изменников, пошли ис Киргизской земли. И с пятава, государь, дни, в ночи, нас, холопей твоих, твои государевы изменники, утеклецы, киргизцы, справяся, свечались (!) с олтыновыми людми, на томных и на сонных пятьюстами наехали свежих людей, нас, холопей твоих, разгромили и погромные свои лошади и наши, на которых мы ехали, и верблюды отогнали, и языки отполонили. И мы, холопи твои, на лыжах волоклися четыре недели до Томсково только чуть живы. А иные, государь, наша братья многие, дорогою едучи, помирали голодною смертью.

А мы, холопи твои, дорогою волоклися, всякую нужу и голод терпели, и души свои в великой пост сквернили, лошадиное стерва и верблюжья ели, и потпруги и похви от седел, и треноги ременные поприели, и сами с нужи и з голоду перепухли и перещыняли, волокучися. А твой государев дворенин Ондрей Просоветцкой, да подья-

⁶⁰ В публикации Соколовского здравия.

⁶¹ Несколько слов утрачно.

⁶² Датируется по времени подачи воеводе князю И. И. Ромодановскому (РГАДА, Ф. 214, Оп. 3, Стб. 90, л. 64).

⁶³ Написано дважды.

чей Счететкин нас, холопей твоих, и службишка наша в послужном списке прописали по недружбе. //

(л. 67) И с тех, государь, мест и по ся места мы, холопи твои, от той твоеи государевы Киргизские службы перед своею братьею одолжали великими долги и обнищали, и те, государь, все наша братья за ту за Киргизскую службу, и за великую нужу, и за терпенье твоим государевым послужным жалованьем пожалованы. А мы, холопи твои, от Ондреевы прописки Просоветцава твоего государева послужного жалованья лишены.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй, государь, нас, холопей своих, вели, государь, пожаловать, сю нашу челобитную ис Томсково послать к себе, к государю, к Москве, чтоб нам, холопом твоим, впред быть на твою царскую милость надежным и твоей бы государевы службы не отбыть, и от своей бы братьи не отстать ни в каких твоих государевых службах. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 67 об. помета: Томской 148-й год.
РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 90, лл. 65–67.
Подлинник.

Источники

- Актовые источники* по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг (в двух томах). / Отв. ред. академик РАН Н. Н. Покровский. Издание подготовили: Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Т. 2. 305 с.
- Бояршинова З. Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1953. Сб. 3. С. 21–48.
- Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2007. 296 с.
- Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан: УПП Хакасия, 1995. 257 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг., осуществленного под редакцией профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Изд. Группы «Прогресс» «Универс», 1994. Т. IV. Стб. 1061–1062.
- Дворцовые разряды.* Т. 1: 1613–1628. СПб.: Тип. II Отделения собственной Его императорского величества канцелярии, 1850. 656 с.
- Добжанский В. Н.* «Наказные памяти» строителям Мелеского острога М. Лаврову и О. Кокореву // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 80–84.
- Добжанский В. Н.* Несколько замечаний к документу из «Приложений» к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 109–111.
- Кемеровская область: Атлас.* Новосибирск: ФГУП «ПО ИНЖГЕОДЕЗИЯ», 2006. 96 л.
- Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа: Атлас.* Новосибирск: ФГУП «Новосибирская картографическая фабрика», 2008. 105 л.
- Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII в.: Сборник документов / Составитель и автор примечаний В. Н. Добжанский.* Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 190 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. Изд. 2-е, доп. 630 с.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е, доп. 796 с.
- Памятники сибирской истории XVIII века.* Кн. 1: 1700–1713. Пб.: Типография МВД, 1882. XXXII, 551, XXXIV с.
- Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, 58 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636.* Сборник документов / Сост. Гатауллина Л. М., Гольман М. И., Слесарчук Г. И.; отв. ред. Златкин И. Я., Устюгов Н. В. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. 352 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. Гольман М. И., Слесарчук Г. И.; отв. ред. Златкин И. Я., Устюгов Н. В. М.: Наука, 1974. 469 с.

Словарь русского языка. Т. IV: С–Я. М.: Изд-во «Русский язык», 1984. Изд. 2-е, исп. и доп. 576 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 20 (присвоение–проснуться). 288 с.

Соколовский И. Р. Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 114–119.

Литература

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. (исторический очерк). Фрунзе: Изд-во «ИЛИМ», 1968. 138 с.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.

Андреев А. И., Бахрушин С. В., Богоявленский С. К. Примечания к главам 6–9 «Истории Сибири» // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. Изд. 2-е, доп. С. 637–711.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 176–224.

Добжанский В. Н. «Городки» енисейских киргизов в XVII в.: историографический миф или историческая реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4. С. 81–90.

Добжанский В. Н. Локализация «Киргизского рубежа» и «горных порубежных волостей» Томского уезда в XVII в. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 57–71.

Добжанский В. Н. Новые документы о приходе киргизов под Кузнецкий острог осенью 1633 г. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: ООО «Лотус-Пресс», 2017а. Вып. 7. С. 151–158.

Добжанский В. Н. Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пуцина на реку Бия: время, причины, последствия // Вестник Кемеровского государственного университета, 2017б. № 1. С. 29–36.

Добжанский В. Н. Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». 2019. Вып. 10. С. 109–138.

Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. О судьбе ссыльного литвина А. Бернацкого в Сибири // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: К 400-летию Новокузнецка: Сборник статей научно-практической конференции с международным участием, г. Новокузнецк, 25–26 октября 2018 г. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 89–102.

Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Хронология ссылки литвина А. Бернацкого с семьей в Сибирь (по документам фонда Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: ООО «Лотус», 2019. Вып. 8. С. 102–132.

Кызласов Л. Р., Копкоев К. Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времён до 1917 года. М.: Наука, издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 135–195.

Резун Д. Я. Русские в среднем Причудлырье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука, 1984. 196 с.

Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. 250 с.

Республика Хакасия: [Карта]. М.: Роскартография, 1993.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Чертыхов В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2007. 336 с.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

Сведения об авторах

Ахмедьянов Раян Тагирович, научный сотрудник, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»; Гадельгареево, Российская Федерация. E-mail: rajan22@mail.ru

Баштанник Сергей Васильевич, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: abai@yandex.ru

Герман Павел Викторович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: lithos@mail.ru

Горяев Вадим Сергеевич, заместитель директора АО «Кемеровский экспериментальный завод средств безопасности»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: nebo@ngs.ru

Добжанский Виктор Николаевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: Dobzhanskii-viktor@inbox.ru

Ковтун Игорь Вячеславович, д-р. ист. наук, главный научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Леонтьев Станислав Николаевич, инженер лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: lemosk@yandex.ru

Монгуш Кежик Май-оолович, хранитель фонда «Археология» отдела фондов и учёта, Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр»; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Монгуш Мерген Александрович, старший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр»; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: monmen1989@mail.ru

Онищенко Сергей Степанович, канд. биол. наук, главный специалист, Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области; инженер лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: onis65@mail.ru

Плац Иван Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Соколов Павел Геннадьевич, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; консультант, Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: pgsokolov@yandex.ru

Солодейников Алексей Константинович, научный сотрудник, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш»; Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: solodey@mail.ru

Червяцова Ольга Яковлевна, научный сотрудник, Государственный природный биосферный заповедник «Шульган-Таш»; Иргизлы, Российская Федерация. E-mail: kittary@yandex.ru

Information about the authors

Akhmedyanov Rayan Tagirovich, Researcher, Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash Cave”; Gadelgareevo, Russian Federation. E-mail: rajan22@mail.ru

Bashtannik Sergey Vasilyevich, Candidate of History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: abai@yandex.ru

Dobzhanskiy Viktor Nikolaevich, Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: Dobzhanskii-viktor@inbox.ru

German Pavel Viktorovich, Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: lithos@mail.ru

Goryaev Vadim Sergeevich, Deputy Director, Joint-stock company “Kemerovo Experimental Plant of Security Equipment”; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: nebo@ngs.ru

Kovtun Igor Vaycheslavovich, Doctor of History, Chief Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Leontyev Stanislav Nikolaevich, engineer, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: lemosk@yandex.ru

Mongush Kezhik May-oolovich, Custodian of the Fund “Archaeology”, Department of Funds and Accounting, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Mongush Mergen Aleksandrovich, Senior Researcher, Department of Archaeology, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: monmen1989@mail.ru

Onishchenko Sergey Stepanovich, Candidate of Biology, Chief Officer of the Committee for the Protection of Cultural Heritage Objects of Kemerovo Region; engineer, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: onis65@mail.ru

Plats Ivan Andreevich, Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Rusakova Irina Dmitrievna, Candidate of History, Research Adviser of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Sokolov Pavel Gennadyevich, Candidate of History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; dviser, Committee for the Protection of Cultural Heritage of Kemerovo Region; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: pgsokolov@yandex.ru

Solodeynikov Aleksey Konstantinovich, Researcher, Historical and Cultural Museum-Reserve “Shulgan Tash cave”; St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: solodey@mail.ru

Chervyatsova Olga Yakovlevna, Researcher, State Natural Biosphere Reserve “Shulgan Tash”; Irgizly, Russian Federation. E-mail: kittary@yandex.ru

Научное издание

**Учёные записки
музея-заповедника «Томская Писаница»**

Выпуск 11

2020

*Для оформления настоящего издания использованы
фотографии петроглифов Томской писаницы и бронзовой фигурки лошади
из ритуального жертвенника на памятнике*

Подписано в печать 26.06.2020.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 18,8. Уч-изд. л. 16.
Тираж 150. Заказ № 47.

Отпечатано в издательстве КРИПКиПРО.
Адрес издательства и типографии:
650070, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3
Тел. : (384-2) 31-15-86; факс: (384-2) 31-16-06
E-mail: ipk@kuz-edu.ru

